

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников
начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

9/2022

Содержание

ПРОЗА

- Наталья КОРОТКОВА. Своя колея.** Повесть. 3
Роман ГОРЕПЁКИН. Очи черные. Рассказ. 40
Сергей ВЛАДИМИРОВ. Волшебник. Рассказ. 74

ПОЭЗИЯ

- Владимир СВЕТЛОСАНОВ. Лестница в море.** Стихи. 36
Екатерина МАЛОФЕЕВА. Удокан. Цикл стихотворений. 72
Ольга ПОЛЯНИНА. «Та птица, что поет...» Стихи. 85

ДРАМАТУРГИЯ

- Наталья ДМИТРИЕВА. Г + Т + Н = Дом.**
Пьеса в пяти действиях. 88

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Николай АНОВ. Азия.** Роман. *Окончание.* 105

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Евгений ПОПОВ, Михаил ГУНДАРИН.**
Шукшин: отличник в роли актера. 154

Литературная премия «Иду на грозу»

- Владимир КАЗАНЦЕВ. Боголюбские.** 168

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Татьяна БУРДАКОВА. «Сияющее удивленье...»**
О последней книге Василия Казанцева «Взлет». 176

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

- Евгений ПРОКОПОВ. Странные вещи Евгения Кириянова.** 186

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Шукин.

Наталья КОРОТКОВА

СВОЯ КОЛЕЯ

П о в е с т ь

Юрка сидел на старой крыше от КамАЗа у распахнутых настежь ворот СТО и неторопливо потягивал чай из помятой жестяной кружки.

Станция, на которой он впахивал целыми днями вот уже без малого год, лепилась на самом краю города в полузаброшенной промышленной зоне. По одну сторону от нее день и ночь гудела федеральная трасса, по другую — располагалась площадка Вторчермета, с вечно оттирающимися у ворот бомжами. Бомжи с утра и до вечера тащили туда разные, невесть откуда добытые железяки, зарабатывая таким образом на пропитание и на прочие нужды нелегкой бродяжьей жизни. Прямо по курсу тянулась жиденькая лесополоса, за деревьями возвышались дымящие трубы химзавода — единственного сохранившегося производства в их некогда благополучном городке. Время от времени было слышно, как по подъездным путям, то и дело сигнала, громыхал маневровый локомотив.

На работу Юрка всегда приходил первым. Нравилось ему, пока народ еще не подтянулся, посидеть в тишине, помечтать, разглядывая дымное, расчерченное проводами небо. И не важно о чем. Сегодня, например, глядя на проносящиеся по трассе один за другим большегрузы, он вдруг подумал, что хорошо, пожалуй, было бы податься в дальнбойщики. Едешь вот так, едешь... И ни о чем не думаешь. Ни о чем не переживаешь. Мимо незнакомых городов и поселков, лесов и перелесков, рек и речушек... А вдоль дороги по обе стороны — поля, поля, поля... Ехать! Днем и ночью. Зимой — по заснеженной, переметеной дороге, а летом — по серому, пахнущему только что пролившимся дождем асфальту. Хорошо! Или вдыхать через приоткрытое окно машины колкий, морозный мартовский воздух. Курить... Вести неторопливый разговор о жизни с напарником или просто со случайным попутчиком. Юрка обязательно бы подбирал автостопщиков. Вот у кого жизнь! Сегодня — здесь, завт-

ра — там. Сам-то он в свои двадцать с небольшим нигде особо побывать не успел. Родился и вырос недалеко от столицы, в маленьком, заштатном городишке, каких много; в стороне от шумного, энергичного мегаполиса с его яркой, насыщенной, до краев наполненной событиями жизнью. Но Юрку это обстоятельство никогда не тяготило. Он любил эти вязкие сонные улицы и проулки, облупившиеся милые его сердцу пятиэтажки и покосившийся деревянный штакетник частного сектора, где день и ночь по вкривь и вкось уложенным рельсам стучат облезлые трамваи. Все ему здесь было знакомо: каждый угол и каждый закоулочек. А люди? Ему казалось, он знает всех в своем городишке, и его тоже все знают.

Родители Юркины в свое время, как и большинство горожан, трудились на химзаводе. Жили они неподалеку. Юрка еще мелким пацаном, встречая отца и мать с работы, всякий раз с замирающим отчего-то сердцем наблюдал за бесконечным потоком людей, идущих со смены домой. Многолюдный этот поток выплескивался из заводских ворот разом — шумный, оживленный! — и вскоре заполнял собою всю улицу. Многих из проходящих мимо Юрка знал в лицо, его тоже узнавали — улыбались. Знакомые, родные лица. Юрка любил их. И они... они тоже — он был уверен в этом! — любили его. И сидящие целыми днями на лавочке во дворе старушки-соседки, и приبلудный пес Тошка, для которого Юрка со своими закадычными друзьями Славкой и Шишей соорудил конуру из выброшенной кем-то на помойку старой тумбочки, и водитель хлебовозки, разгружавший по утрам хлеб у магазина и угощавший при случае Юрку булочкой с посыпушкой, — все они любили его. И весь мир, казалось Юрке, был переполнен этой любовью. А будущая жизнь представлялась ему одним бесконечным, радостным, солнечным летним днем!

Но, вернувшись из армии, Юрка не узнал свой город. Точнее — людей. Изменились люди. Они больше не улыбались. Хмурые, усталые, чужие лица. А может, это он изменился? Кто знает...

Юрка Воробьев дембельнулся по осени. С институтом пролет вышел, вот и загремел после школы в армию. А все потому, что учился он, прямо сказать, неважнецки. И не оттого, что бестолочь, — нет. Просто... очень уж натура увлекающаяся. То в студию театральную запишется, то в спорт ударится, то рок-группу соберет. В общем, пока друзья-товарищи корпели над учебниками, готовясь к экзаменам, Юрку мотыляло из стороны в сторону: все никак не мог определиться — куда податься. В итоге вопрос решился сам собой, и оказался он на Дальнем Востоке, в погранвойсках, о чем, впрочем, ничуть не пожалел. Да и то сказать, что ты за мужик, если в армии не служил? Примерно так рассуждал Юрка, трясясь в плацкартном вагоне по дороге к месту службы с полсотней таких же стриженных под ноль пацанов. В учебке, что и говорить, нелегко пришлось, а потом ничего — втянулся. Благо Юрка — парень спортивный, за спиной уже несколько прыжков с парашютом к тому времени было. С сослуживцами он тоже быстро сошелся: парень-то заводной, веселый,

да еще на гитаре играет! С командирами опять же повезло. Ему вообще везло на хороших людей.

Вернувшись домой, Юрка с удивлением осознал, что служба, похоже, была самым беззаботным временем в его жизни. Поначалу как-то даже растерялся. Пока он тянул армейскую лямку, друзья-товарищи разъехались: кто учиться — как Славка, кто бизнес в Москве мутить — как Шиша. Все при деле. А тут еще... Пока служил — мать с отцом развелись. Отец сразу же новой благоверной обзавелся, из города уехал. Пару раз Юрке написал и пропал. А Юрка... Юрка отца так и не смог простить. Потому что многое можно простить в двадцать лет, многое... но не предательство. Мать после развода да после сокращения на заводе сразу как-то сдала, постарела. Перебивалась случайными заработками — в городишке с работой не ахти. Юрка тоже поначалу потыкался в одно место, другое — не берут: везде опыт нужен. А где его взять, опыт этот? Спасибо Аверьянычу — соседу по подъезду, — выручил, взял к себе в автомастерскую, обещал поднатаскать. «Толковый спец завсегда в цене, — говорил он Юрке. — Потому как машины ломаются независимо от курса рубля к мексиканскому песо! — Аверьяныч ободряюще похлопывал Юрку по плечу. — Не сомневайся, Юрок! На кусок хлеба с маслом и даже с икрой всегда заработаешь». Да тот вскоре и сам в этом убедился. Ну а как?

Весна пришла, подвеска оттаяла после холодов — народ ходовую ремонтирует. В зиму — масло меняет. А с такими убитыми дорогами, как в их городе, подвеску по круглому году шаманить надо. Оттого и переделки у автомеханика — в порядке вещей. А выходные и праздники — вообще самый сенокос. Дух перевести некогда! Хочешь не хочешь, а к утру клиенту машину отдай. Труд тяжелый да и опасный. Аверьяныч рассказывал случай: молодой машину на подъемнике не закрепил как надо — и все... Три месяца в больнице, в гипсе. Да еще кредит пришлось брать, чтобы клиенту убыток возместить. А то, бывает, в смотровую яму раззява какой свалится, или током кого долбанет. В общем, как говорит Аверьяныч: «Сплошная анархия и перманентный хаос». Это тебе не менеджером в офисе часы высиживать, где тепло, светло и мухи не кусают. Тут с утра до вечера не разгибаясь корячишься, в мазуте и масле. Та еще работенка! Но Юрке были по душе спартанские условия гаража.

А к технике его всегда тянуло. Он еще в детстве с отцом частенько по выходным в их стареньком жигуленке копался. В четырнадцать лет самолично двигатель перебрал. Так что в гаражном боксе у Аверьяныча Юрка себя чувствовал как рыба в воде. Слесарное дело осваивал, что называется, по ходу пьесы. Брался за все: хоть рулевую отрегулировать, хоть подвеску поправить. Собрать-разобрать двигатель — запросто, как автомат Калашникова в армии. И вскоре Юрка, несмотря на свой молодой возраст, заслужил у клиентов непререкаемый авторитет. Заработало сарафанное радио, и каждый старался именно к нему машину на ремонт загнать.

В общем, не прошло и года, а Юрка вполне себе уже прилично зарабатывал. Тут ведь как? Как потопаешь, так и полопаешь, — сдельщина! Мог бы и больше: клиента развести — дело нехитрое, даже если он опытный. Возможностей масса! Тот же топливный насос в бензобаке: сроду не увидишь — новый он или нет. Сеточку забора топлива почистят, а скажут, что бензонасос поменяли. Или ремень ГРМ, тоже далеко спрятан, — иди проверь, поменяли, нет. И некоторые его напарники нередко такое практиковали. Но Юрка себе ничего подобного не позволял. К заказчику относился с уважением. Хотя... Иной, случается, так достанет вопросами своими! Спасу нет! А то еще советы под руку давать начнет. Всю душу вымотает! В таких случаях Юрку прямо распирало от «добрых» слов, да куда деваться? Ему с этого клиента еще деньги получать.

Аверьяныч, наблюдая за Юркой, нарадоваться не мог. Еще бы! В наше время толкового механика днем с огнем не сыщешь. Бывает, такие экземпляры попадаются — не знают, в какую сторону гайка откручивается. Аверьяныч даже пообещал Юрке, что если дела и дальше так пойдут — со временем на свое место поставит. На хозяйство. А сам — на пенсию. Хватит уже под машинами валяться. Ну а что? Юрка — парень рукастый, и башка варит как надо. Не ошибся Аверьяныч в помощнике.

В общем, жизнь у Юрки налаживалась. Даже мать, он заметил, улыбаться чаще стала — радовалась за сына. А недавно Славка из Москвы приехал на каникулы, следом Шиша — в отпуск, родителей проведать... И показалось Юрке, что все вернулось на круги своя: лето, гитара, друзья-товарищи... С девчонками вот только не везло. А все потому, что ухажером Юрка был привередливым. На него не угодишь! У одной — руки, видите ли, недостаточно изящные, у другой — щиколотки широкие, у третьей — походка некрасивая. А то еще случай был: познакомился с очередной. Такая прям вся из себя!.. Отношения вроде какие-то наметились, то да се... И тут она эсэмэску присылает, а там... В каждом слове по три ошибки! А Юрка этого на дух не выносил! Ему еще в школе учительница русского языка говорила, что у него грамотность врожденная. В самом сложном диктанте — ни единой ошибки. А у этой!.. Ну вот какие тут могут быть романтические отношения... после такого? Сплошные разочарования. Но Юрка надежды и бодрости духа не терял и всякий раз, когда парни из гаража посмеивались над его любовными неудачами, смущенно бросал:

— Да не, пацаны... Так себе вариант. Не то пальто! Не то...

— Ты, Юрок, не под тем углом на женский вопрос смотришь, — пытался вразумить его Аверьяныч после очередного любовного фиаско. — Вот ты думаешь, что в бабе самое главное?

— Что?

— Известно — что! Баба, она ласковая да покладистая должна быть. И по хозяйству чтоб шуршала, и мужика своего ценила. Пришел ты, скажем, домой, а там полный порядок! Ну и пожрать — это уж само собой.

— Прimitивно ты, Аверьяныч, мыслишь, — не соглашался Юрка. — Пожрать... Хозяйство... Всё это... Ну, не то пальто! Мне такая женщина нужна... — Он замолчал, подбирая слова. — Такая... Ну, чтобы вот посмотрел ты на нее — и все... Полный крышеснос! Да ну тебя, все равно не поймешь, — отмахивался Юрка.

— Куда уж мне!

— И вообще... У человека мечта должна быть! Вот и в работе тоже...

— Чего тоже? — напряглся Аверьяныч.

— Ну как чего? — улыбался Юрка, заметив реакцию старика. — Думаешь, я на тебя тут всю жизнь батрачить буду? Не-е-е... Не то пальто!

— А-а-а, — тут же с пол-оборота заводился Аверьяныч. — В Москву свалить решил? Давай, давай... Только тебя там и не хватало! Лажа это все, Юрок! Я знаю, это тебя Славка с панталыку сбивает. Он, змей! Он!.. Вот что ты этого трепача слушаешь? Сам-то он нигде не пропадет. Об нем папа с мамой позаботятся. А ты-то! Ты...

Аверьяныч подскакивал с места и, размахивая руками, принимался нервно расхаживать по мастерской.

— Ну вот кому ты там сдался? Славке? Нужен ты ему как рыбе зонтик! Ты же прирожденный автомеханик! Уж мне-то поверь. Я в этом деле понимаю. Через годик-другой я тебе дела передам. Считаю, хозяином станешь. Чем плохо-то? Да и какой с тебя москвич? — махал рукой старик. — Москвич с тебя, Юрок, прямо скажем, как с дерьма пуля.

— Нет, Аверьяныч, спасибо тебе, конечно, на добром слове, хотя про пулю все-таки обидно, но... Не прав ты. Не прав! — Юрка едва сдерживал смех, глядя на распалившегося не на шутку старика. — Нет, ну до осени я, так и быть, доработаю, а там... Уж прости-извини, — Юрка картинно разводил руками.

Напрасно Аверьяныч беспокоился. Никуда, ни в какую Москву Юрка не собирался. Так... старика подначивал. Хотя Славян ему и впрямь все уши прожужжал с Москвой своей. Как приехал, так и насел.

— Да ты чё, Воробей? Так и будешь всю жизнь гайки крутить? Валить отсюда надо куда подальше, из дыры этой. Пока молодой. А не то оглянуться не успеешь, а тебе тридцатник! А сороковник? О-о-о... Это ж, считай, все — кранты! Жизнь прошла. Наши вон все уже перебрались — кто в Питер, кто в Москву. А если ты насчет жилья загоняешься, так вообще не вопрос! Даже не заморачивайся на эту тему. Жить есть где. Мне родяки в Москве хату снимают. Там еще и дядька родной. У него фирма своя, кресла массажные продают. Давно к себе зазывает. И тебя возьмет — менеджером. Круто же! Через год можно будет тачку взять... Ты у Шиши джипа видал? То-то же!

Юрка слушал, какие завлекательные перспективы рисовал ему друг-товарищ, и думал: откуда это в Славке? Сам-то давно ли москвичом заде-

лался? На одной улице росли. Да... Забурели пацаны без него... Забурели. Шиша тоже весь из себя важный. Юрка даже не сразу узнал того при встрече: раскабанел, поперек себя шире стал. И какими такими делами он там в Москве занимается, что джипа нового взял? Это ж бешеные деньги. Ну ладно Славка, у того родители состоятельные, он всегда в мажорах ходил. А Шиша? Отец — мент, мать — домохозяйка. После школы, так же, как и Юрка, никуда не поступил. И загремел бы Шиша в армию за милую душу, если бы его батя не отмазал. А теперь гляди, как поднялся!

Юрку в столицу никогда не тянуло. Да и мать, как она тут одна, без него? А самое главное, прикипел он к слесарному делу. Машину клиенту возвращает после ремонта, а у самого душа радуется. Юрке даже запах мастерской родным стал. Да и какой с него менеджер! Какие массажные кресла? Только разве Славке это объяснишь?

— Славян, да ты пойми, ну не то это пальто... Не то.

— Да почему?

— Да потому! Я же здесь каждую собаку знаю, — улыбался Юрка на очередной Славкин заход. — Как у Есенина, помнишь: «В переулке каждая собака знает мою легкую походку...»

— Есенин, тот, между прочим, как раз из деревни в Москву сбежал. Не то что ты! Сидишь тут... Вот скажи мне, ну чего здесь хорошего?

— Да ну как, чего хорошего? Вот иду я по нашей с тобой улице — со мной все здороваются, я со всеми здороваюсь. Мне приятно. Понимаешь? А в Москве твоей, ну кто я? Так... Один из... А тут меня знают, уважают. Я даже всех местных бомжей знаю. Тимоха вон заходит ко мне. Помнишь, в соседнем доме с нами жил? Будку еще помогал для Тошки строить.

— Зачем?

— Что «зачем»?

— Заходит зачем?

— Ну как зачем? Поговорить.

— Не, ну нормально? Он уже с бомжами разговоры разговаривает.

— Ну а чего такого? Интересно же. И вообще... Я их всех...

Люблю, что ли...

— Кого?

— Всех, — улыбался Юрка. — Аверьяныча, парней с гаража...

— И бомжей?

— Ну а что? Бомж — не человек, что ли?

— С ним серьезно, а он... — вздыхал Славка.

— Да я тоже серьезно! Как тебе объяснить-то? — Юрка на минуту замолкал, подбирая слова. — Ну вот дед мой... Он же на нашем химзаводе всю жизнь отпахал — сорок с лишним лет. Знаешь, как его там уважали? Дед уже сто лет как на пенсии был, а его каждый год с днем рождения с завода поздравлять приходили. И он — в цех свой, к мужикам... в гости. А знаешь, как помер?

Юрка закурил.

— Я тогда в армии был. Мне мать рассказывала. Дед к тому времени совсем плохой был — болел сильно, ему уж под девяносто лет как-никак было. Последнее время лежал, не поднимался уже. А тут вдруг, говорит, встал и давай одеваться. Она ему, мол, куда ты, папа? А он: «Так, на работу». «На какую работу?» — спрашивает. — Ты же не работаешь давно. На пенсии ты!» А дед: «Да? Ну ладно». Пошел к себе в комнату. Лег и помер.

Славка озадаченно глядел на Юрку.

— Вот ты к чему мне сейчас это рассказал? Ты как дед твой хочешь? До девяноста лет в гараж таскаться? Помереть здесь? Нет, Воробей, ты, конечно, не обижайся, но ты совсем того...

Юрка улыбнулся:

— Да ладно, Славян. Каждому свое, видать. Кому — Москва, кому...

— Нет, Воробей, не будет с тебя толку. Хоть говори тебе, хоть нет. Дело твое, конечно, хочешь — крути гайки в захоlustье своем. Только...

— Моим? — удивленно перебил его Юрка. — Оно и твое вроде? Нет?

— Да нет уж, спасибо. Я тут месяц в гостях, и то... Чуть не озверел. Хорошо хоть, с Нинкой замутил, а то совсем тоска зеленая.

Юрку со своей подругой Славян недавно познакомил. А тот как увидел ее, так и... Короче, случился с Юркой полный крышеснос — тот самый, о котором он Аверьянычу толковал. Скажи ему кто раньше, что такое бывает, — не поверил бы. Ведь словом не перебросились! Да... Только это же последнее дело — на девушку друга запасть. Не пацански.

«Может, она тупая как пробка, — уговаривал он себя. — Дура дура?» И сам же себе отвечал: «Да и пускай. Может, оно и лучше, если дура? А то и так страшно при ней слово сказать, а если еще и умная, так вообще — шансов никаких». То есть где-то там, в глубине души, надеялся, видать, Юрка на что-то. Хоть и гнал от себя такие мысли, но... Надеялся.

* * *

Допив чай, Юрка взглянул на часы: ух ты! Скоро народ подтягиваться начнет. Он поднялся и хотел уже было заняться поставленным в гараж еще с вечера «хендаем», как из-за угла выполз Тимоха.

Тимоха, как и его сотоварищи, время от времени пробавлялся тем, что сдавал разные железяки во Вторчермет. Юрка любил с ним, как говорится, «побазарить за жизнь». Тот частенько заходил к парням в мастерскую: потрындеть и почифрить. К этому делу он на зоне пристрастился. При этом старался подгадать так, чтобы Аверьяныча на месте не

оказалось. Тот эту публику на дух не переносил и именовал не иначе как дармоглотами и гопотой подзаборной.

На глаз определить Тимохин возраст было весьма затруднительно. Но Юрка знал, что тому давно перевалило за полтинник: Аверьяныч рассказывал, они еще в советское время на автобазе вместе работали. Про себя Тимоха говорил, что полжизни «чалился» на зоне. На самом деле, со слов того же Аверьяныча, в колонии он провел всего пару лет. А до того, как загреметь туда, жил Тимоха как и все нормальные люди: дом, семья, работа. И вот раз по пьяному делу обнесли они с дружбаком ларек. И что обидно? Взяли-то — пару ящиков пива. А дальше как в песне: «Голуби летят над нашей зоной...» Ну а как на волю вышел — глядь, жены и след простыл. Да ладно бы просто свалила — так нет же: она, зараза, еще и квартиру продала! Союз к тому времени распался. Автобазу к рукам прибрал местный депутат. Тимоху с его «волчьим билетом» на пушечный выстрел туда, само собой, не подпустили. Так, неожиданно для себя, стал Тимоха бомжом, сдающим во Вторчермет старые чугунные батареи, бачки от унитазов и прочий металлолом, что под руку подвернется. Доходов с этого ему хватало не только на пропитание, но и на выпивон, чтобы «жизнь свою поломатую», как выражался Тимоха, хоть сколько-нибудь скрасить. И что самое удивительное, такая «поломатая» жизнь его, похоже, вполне устраивала. Вот этого Юрка, как ни старался, понять не мог.

— Давно не появлялся. Я уж думал, случилось чего. — Юрка подвинулся, освобождая место рядом. — Падай.

Тимоху колотило с бодуна. Примостившись на лавку, он согнулся, весь скукожившись.

— Фигово выглядишь. Что? Совсем плохо? — посочувствовал Юрка.

— Помираю, Воробей, — пробормотал Тимоха, выбивая дробь немногими уцелевшими в борьбе за место под солнцем зубами. — Налей сто грамм, будь другом. Не то прям щас кони двину.

— Так нет ничего! Сам знаешь, у нас же сухой закон. Аверьяныч бдит за этим делом.

— А-а-а... Сдохну сейчас! — заскулил Тимоха, раскачиваясь из стороны в сторону. — Может, найдешь? А, Воробей? Ну, в мастерне же по-любому есть чего-нибудь!

— Тебе говорю — нету ни шиша.

— Воробей, ну поищи, а? — Тимоха умоляюще, по-собачьи заглядывал Юрке в глаза. — Ну, Воробушек, ну, загнусь же прямо здесь. Оно тебе надо?

— Тьфу! — психанул Юрка. — Иди сам ищи, если мне не веришь.

Зайдя в гараж, Тимоха тут же кинулся судорожно рыскать по всем углам. Юрка с жалостью наблюдал за страдальцем.

— Я же говорил! — наконец радостно взвыл тот. — Не могёт такого быть, чтобы Тимоха у вас в мастерне да ничего не нашел!

Юрка подошел и увидел, что тот держит в руках банку с клеем БФ.

— Клей?

— Он самый! Эх... Молодой ты еще, Воробей, жизни не нюхал. — Тимоха с вожделием потянул носом. — Это ж «Борис Федорыч», ёк-мокарёк!

— Какой, на хрен, Борис Федорыч? Совсем допился?

Тимоха, не отвечая, суетливо пошарил взглядом по сторонам:

— Воробей, ты это... Короче... Дрель нужна.

— Зачем?

— Давай, давай... Скоренько... Мы его щас это... на сверло наматываем! — Банка в его руках ходила ходуном.

Юрка, глядя на воспаленные, почти безумные Тимохины глаза, решил не спорить и принес из подсобки дрель:

— Держи.

— О! — обрадовался тот. — Еще ведро, посудину какую... Ну давай, Воробей, шевели поршнями, видишь же, кончаюсь... И воды... Воды еще.

Юрка подал пустое пластмассовое ведро и пятилитровку с чистой водой. Тимоха трясушимися руками перелил клей в пустое ведро, добавил воды.

— Соль тащи.

— Соль зачем?

— Для вкуса, ёк-мокарёк! Тащи, говорю. Ни хрена химию не знают. И чему вас только в школе учили? Как же мне хреново, Воробей... Как хреново!

Сыпанув в ведро соли, Тимоха опустил туда сверло:

— Врубай!

— Дрель?

— Ну а чего еще?!

Юрка воткнул шнур в розетку.

Дрель, разбрызгивая вокруг ошметки клея, стала наматывать на сверло клейкую массу, оставляя на дне вонючую жидкость. Наконец Тимоха выдернул шнур и отбросил в сторону инструмент с намотанным на сверло липким комком.

Юрка, склонившись над ведром, брезгливо поморщился.

— Блин, Тимоха, ты что, это пить будешь?

— Само собой! Это ж спирт! Ничего-ничего... — усмехнулся он, глядя на скосоротившегося Юрку. — Нормалек! Не «Кузбасслак», конечно, но тоже потянет.

Он взял с верстака граненый стакан, нацедил в него мутную жижу и, ухватив стакан обеими руками, поднес к трясущимся губам:

— Эх!.. Жизнь моя поломатая! — мучительно давясь, Тимоха потянул в себя содержимое. Острый, поросший щетиной кадык его судорожно ходил туда-сюда, точно поршень, загоняя внутрь измученного организма вонючую отраву. Юрку передернуло.

Опустошив стакан, Тимоха с минуту стоял, уткнувшись носом в грязный рукав. Наконец выдохнул с облегчением:

— Хух!

— Загнуться не боишься? — поинтересовался Юрка.

— Боюсь. А куда деваться?

— А за каким тогда пьешь?

— Не выпьешь — быстрее загнешься. Молодой ты еще, Воробей. Мы с мужиками в советское время, когда Меченый кислород нам перекрыл насчет спиртного, чего только на автобазе не пили: и тормозуху, и...

— Да ладно гнать! Тормозуху?

— Хех! Это ж народная вещь — тормозуху по рельсе пустить. Но ее, рельсу-то, для начала выморозить надо, так что это только зимой. Да... Было дело.

Он утробно икнул и схватился за живот.

— Ох, Воробей, давай на воздух. Чё-то мне... Не того...

Выйдя на улицу и присев на лавку, Тимоха откинулся, прислонившись спиной к нагретой на солнце металлической стене гаража. Было видно, что его немного отпустило. На скулах даже румянец появился.

— Ничё-ничё... Нормалек.

— А кореш твой где, Толян? — поинтересовался Юрка, видя, что говорить Тимоха вроде уже в состоянии.

— В психушку забрали.

— О как!

— Ага! Прикинь, мы тут недавно у ханьги одного зависали. Бухло, само собой, кончилось. Я пока ходил, искал, Толян на хате остался. Возвращаюсь, а он на полу сидит. Забился в угол и глаза таращит: «Смотри, говорит, Тимоха, снег идет...» И руками так перед собою машет, машет... Ну, я струхнул, конечно, маненько. Скорую вызвал: думал, они ему успокоительное вколют какое-нибудь — и все. А эта клизьма в белом халате, прикинь, Толяна в наркологию уpekла. Сама сопля молодая... Врачом, небось, без году неделя, а туда же — диагнозы ставить. «Белая горячка», — говорит. Я ей: «Ты погоди диагнозы ставить! Ты его обследуй сначала всего, как следует». А она ему, Толяну, значит: «Вы, — говорит, — голоса слышите?» И тут я возьми сдуру и ляпни, по запаре-то: «Какие, на хрен, голоса? Я же с ним тут все время торчал, пока вы не приехали. Не было, — говорю, — никого!» Тут она ко мне поворачивается, гляделками своими сквозь очки уставилась и спрашивает... подозрительно так: «А как ваша фамилия?» Ну тут уж я сообразил, что тупанул, и дальше в дискуссии вступать не стал, от греха подальше. А то сидел бы сейчас с Толяном в дурке на пару.

Юрка, просмеявшись, спросил:

— Тимоха, а на фига тебе все это? У тебя же мать еще живая — жилье есть, работать бы мог... Да хоть бы у нас в мастерской. Аверьяныч говорит, ты классным мастером был. Жил бы как человек!

— Пошел твой Аверьяныч куда подальше, буржуй недоделанный. Еще не хватало, чтоб я, Тимоха Постников, на него чертомелил. Я ж его еще по автобазе помню, змея! Он меня, промежду прочим, тринадцатой зарплаты как-то лишил. Думает, я забыл... не-е-ет... Я все-е-е помню! — Тимоха злорадно потряс пальцем. — Мы с мужиками накатили тогда чуток перед сменой, а этот гад сдал нас начальнику гаража. А дело-то как раз под Новый год было. Ну и все — амба! Шиш тебе, Постников, а не тринадцатая зарплата!

— Вспомнил, — хмыкнул Юрка. — Ты давай с темы не соскакивай. Ты мне честно скажи, как есть: нравится тебе такая жизнь или нет? Только честно!

— Молодой ты еще, Воробей, не поймешь...

— Да что ты заладил: молодой, молодой... Вот и объясни мне, молодому, как так?.. Дома у тебя нет, семьи нет. Живешь как пес подзаборный. Друзей — и тех нет, собутыльники одни.

— А у тебя?

— Что у меня?

— У тебя-то друзья есть?

— Конечно! — удивился Юрка. — Славка, Шиша... Мы ж с первого класса дружим.

— Ну-ну, — хмыкнул Тимоха. — Друзья...

— Чего «ну-ну»? — возмутился Юрка.

— Молодой ты еще...

— Да у тебя одна песня! Ты старый, ну и скажи мне, вот на фига ты живешь?

Тимохе после выпитого заметно полегчало. Порывшись в карманах, он достал было замусоленный окурочек, но Юрка протянул ему свои сигареты.

— О! Спасибочки. — Тимоха закурил. — Вот смотри, Воробей, крутишь ты целый день гайки. Так? Так. А зачем?

— Ну как зачем? — удивился Юрка. — Нравится. Ну и денег хочю накопить.

— Зачем?

— Зачем? Квартиру куплю, машину... А может, не знаю... Может, в Москву махну.

— Х-ха! В Москву! А зачем? — Тимоха с наслаждением затянулся.

— Да вот, Славяна зовет. С работой, говорит, поможет.

— А чем тебе здесь не работа? Обязательно в Москву надо?

— Сравнил! Там возможности другие, — неуверенно возразил Юрка.

— Возмо-о-ожности... Ну так!.. Нешто мы не понимаем! — ухмыльнулся Тимоха. — Вон, — он махнул головой в сторону завода, — маневровый наш... Всю жизнь по одной и той же узкоколейке ходит. И никакая другая дорога, с нормальной колеей, ему не подойдет. По-

тому как ширина колеи только под него заточена. Нестандартная ширина! — Тимоха назидательно поднял палец. — Вот и у человека так же. У каждого в жизни своя колея есть. С которой не соскочишь. И пытаться не надо, зря только намучаешься. Да... Думаешь, я не пробовал новую жизнь начать? Пробовал. И чё толку? Сижу с тобой тут... Вот и ты, Воробей, держись своей колеи накатанной. И не рыпайся попусту. Думаешь, в Москве этой шибко румяно живут?

— Да уж, поди, получше нас!

— Да где уж там! Ну, хорошо! Купишь ты себе квартиру, машину... Дальше что?

— Да как что? Женюсь!

— На кой? — Тимоха циркнул слюной под ноги. — Думаешь, много от них, от баб, радости? Это они до загса все белые и пушистые, а потом только и слышно: дай денег, дай денег... А случись с тобой что — и все! «Вот она была и нету...»

— Да ну тебя, Тимоха. Тебя послушать, так лучше по помойкам лазить да в теплотрассе ночевать.

— А чем плохо? — Тимоха вскинул брови. — Вот ты Библию читал?

— Нет... — удивился вопросу Юрка.

— Зря! Мудрая, я тебе скажу, книга. В ней, промежду прочим, как раз про таких, как я, написано!

— Да ладно?!

— Прохладно! Я дословно, конечно, не вспомню, но общий смысл, так сказать... — Он поморщил лоб. — В общем, живите, сказано там, как птицы! И ни в коем разе не вздумайте ничего копить, никакие такие сокровища или еще чего! Потому как все равно найдутся лихие люди — сопрут! Мудрые слова, промежду прочим, это я тебе, как человек сидевший, авторитетно подтверждаю. Да... И тряпье ваше моль сожрет. И вообще, живи, сказано, и не парься, что ты хавать и что ты пить будешь, обо всем Господь позаботится. Вон птицы ни фига не работают, а всегда сыты. А человек, промежду прочим, ничуть не хуже птицы. Так что об человеке Отец Небесный всенепременно позаботится. Будь спокоен! Так и сказано: нефиг о завтрашнем дне заботиться, он сам о себе позаботится. Очень правильные, я считаю, слова. Вот и получается, Воробей, что я, в отличие от некоторых, живу по заповедям Божьим.

— Ничего ты завернул! Сомневаюсь я, Тимоха, что это для тех писалось, кто ворованные дорожные люки во Вторчермет сдает и клей с бодуна пьет.

— А это не тебе, Воробей, судить. — Тимоха с укоризной покачал головой. — Не тебе... Клей пить — не самый страшный грех, промежду прочим. Кому плохо-то от того, что я выпил, а?

— Нет, Тимоха. Я не согласен, — возразил Юрка, — ну как это так: поел, выпил, поспал... И все?! У человека же какой-то смысл должен быть в жизни. Цели... Стремиться надо... К чему-то.

— Например?

— Ну... Не знаю... Достичь чего-нибудь. Чтоб уважали тебя. Родители чтоб гордились...

— Вот видишь, Воробей, сколько тебе для счастья надо, — усмехнулся Тимоха. — Вертишься, крутишься, гоношишься... Аверьяныч тебя строит целыми днями. А мне для счастья чего надо? Червячка заморил, где ночь перекантоваться, нашел — и все! Ну выпить, само собой. И никому я ничего по жизни не должен. Ни одна собака мне не указ. Потому как я птица вольная! Вот и ты, Воробей, — еще раз тебе говорю! — держись своей колеи накатанной. И не рыпайся попусту. А то: Москва, Москва...

— Что? Неужели правда жить по-человечески не хочется?

— По-человечески — это как? Горбатиться с утра до ночи? Так я и без работы твоей по-любому себе и хавчик всегда найду, и одежей разживусь. Во, зацени, как я вчера на свалке отоварился! — Он вытянул ноги в почти новых кроссовках.

— Да при чем тут твои кроссовки? Я ему про одно, он про другое. Пропадешь же! Замерзнешь где-нибудь зимой под забором по пьяному делу.

— Ты, Воробей, пойми. — Тимоха глубоко затянулся и, сложив губы трубочкой, виртуозно выпустил несколько колечек дыма, одно за другим. — Ты пойми, что каждому человеку боженька свою судьбу уже определил. Там... — Он потыкал заскорузлым, пожелтевшим от курева пальцем над головой. — И ежели мне суждено от синьки загнуться, я так и так загнусь. Не бойсь! Что с работой, что без... Ну и за каким мне тогда пуп надрывать?

— Ничё ты философию подвел. А чего ж ты полчаса назад трясся тут: помираю, Воробей, помоги... Ну и помирал бы, раз тебе все равно, — поддел его Юрка.

Тимоха, поплевав на ладонь, притушил об нее окурок:

— Ты, Воробей, промежду прочим, мне благодарен должен быть. — Приходя в себя после выпитого, Тимоха борзел на глазах. — Я, ежели хочешь знать, дал тебе шанс проявить, так сказать, свои лучшие человеческие качества.

— Да ну! — изумился Юрка. — Я ему банку клея пожертвовал, с риском для жизни, можно сказать: Аверьяныч если узнает — прибьет. Мне еще сверло очищать от «Борис Федорыча»! А он же мне еще, оказывается, и великое одолжение сделал.

— А ты как думал? — удивился Тимоха. — Как же, по-твоему, по другому-то спознать: правильный перед тобой пацан или так... дерьмо на палочке? То-то же! Вот ты мне помог? Помог. И теперь мне доподлинно известно, что Воробей не фраер дешевый, а... — Он осекся.

На дороге показался Аверьяныч.

— В натуре, не мой сегодня день, — подорвался Тимоха, охая и хватаясь за печень. — Прощевай, Воробей. Почапал я. А то вон смотрящий ваш пилит. Бывай!

* * *

День выдался бестолковый, суматошный. Мало того что Юрке от Аверьяныча за дрель с «Борис Федорычем» прилетело, так еще парник на работу не вышел — загулял, видать, водилось за ним такое. А клиенты, как на грех, — один за одним, только успевай поворачиваться. Ближе к обеду вышел, наконец, на свежий воздух — передохнуть. Не успел присесть, как тут же к мастерской подрулил джип. Из машины выпрыгнул Славян, следом, задышливо сипя, выполз Шиша.

— Мужики, помогите, — он открыл багажник.

В багажнике лежал связанный по ногам баран. Баран был грязный, как черт. Шерсть свалывшаяся, в репейниках.

— Это что за чучело? — удивился Юрка.

— Да вот... бате подарок. Он у нас только баранину уважает. Ну вот, свежачка ему. — Шиша хохотнул. — Его бы постирать, а то больно вид нетоварный. Давай, Воробей, «керхером» пройдишь по нему.

Барана загнали на мойку, Юрка врубил «керхер» и направил струю на животное. Тот заметался, заблажил дурниной. На крик заглянул Аверьяныч.

— Чего у вас тут?

Узнав, в чем дело, покачал головой.

— Да-а-а, пацаны... И как же вы живете-то? Без мозгов? А? — Он с участливым состраданием посмотрел на парней.

— Но-но... — Шиша угрожающе зыркнул в его сторону. — Ты за базаром-то, отец, следи.

— Ты, Шиша, мужчина, конечно, авторитетный... только малость недоразвитый, — вздохнул Аверьяныч. — Ухайдокали вы животинку, живодеры.

— Да чё ему будет? — Юрка с сомнением посмотрел на жалобно блеющего барана. Тот слегка покачивался на неловко раскоряченных ногах.

— Вот ведь как: на крутых тачках катаются, в компах шарят, а мозгов нет, — продолжал Аверьяныч. — Там же уровень давления — ого-го! Вы ему все нутро отбили.

— Да ладно... — не поверил Шиша.

— А ты вставай к стеночке, я тебе прям щас душ Шарко и устрою. И ты, Юрок, рядом располагайся. Опробуем аппарат.

— Чё-то я как-то того... Не подумал, — стушевался Юрка. — И чего делать теперь?

— Чего-чего? Резать скорей. Пока не издох.

Шиша озадаченно почесал затылок.

— Аверьяныч, а ты барана когда-нибудь резал?

— Не-не-не... Резать! Я даже мясо не ем.

— Вегетарианец, что ли? — удивился Славян.

— Ага! Вегетарианец... В детстве видел раз, как свинью резали, с тех пор и зарекся. В горло не лезет. До сих пор в ушах визг стоит. Так что вы свои душегубские дела без меня решайте.

— Мужики, поможете? — Шиша повернулся к парням.

— С ума сошел?! — замахал руками Славка.

— Я пас, — категорично отрезал Юрка.

— Ладно. Сам управлюсь. А еще друзья называются.

Загрузив барана в багажник, Шиша сел в машину и дал по газам.

Юрка проводил взглядом джип.

— И как он его, интересно, резать будет? Живой все-таки... Жалко.

— Этот зарежет. Не сомневайся, — мрачно хмыкнул Аверьяныч.

Сплюнул, развернулся и пошел в гараж.

Парни удивленно переглянулись.

— Чего это он? — спросил Славка.

— Да не обращай внимания, — отмахнулся Юрка. — Он сегодня вообще... Не в духе, короче.

— Ну так чё? Вечером в «Киты»? — толкнул его в бок Славка.

— Как договорились.

— Ну, okay! Ты тогда часикам к десяти подтягивайся. Мы с Нинкой тоже к этому времени там будем.

Услышав про Нину, Юрка почувствовал, как сердце у него предательски екнуло.

* * *

В обед Юрка сгонял на рынок: шмоток прикупить. А то совсем обносился. А с другой стороны, куда ему наряжаться? С утра до вечера на работе. Но сегодня дело другое: в «Китах» Нина будет. Вернувшись с рынка, Юрка решил сразу и примерить обновки, прям тут — в мастерской.

— В клуб, значит, пойдешь? — Аверьяныч задумчиво ковырял спичкой в зубах, глядя, как Юрка вытряхивает из пакета свертки.

— Ага. Джемпер вот, штаны новые...

— То-то, я смотрю, ты из старых портков прям выпрыгиваешь. Чем тебе старые-то плохи?

Старик сегодня и правда был не в духе. Не нравились ему эти Юркины гулянки с друзьями. Переживал — сбаламутят парня, утащат в Москву свою.

Юрка, не обращая внимания на старика, скинул джинсы и принялся примерять обновки. Аверьяныч недовольно наблюдал за ним.

— Мелко ты, Юрок, мыслишь. Разве ж это главное в мужике — штаны! Вот я, — он привстал, — я в этих штанцах, ежели хочешь знать, десять лет хожу. И ничего! Как новенькие.

Заметив, что Юрка на него ноль внимания, Аверьяныч, помолчав, продолжил:

— Я это к чему? Я это к тому, что фигня все это: шмотки, побрякушки, айфоны-майфоны. Знаешь, как говорят? Встречают по одежке, а провожают по уму.

— Это ты сейчас на что намекаешь?

— Ни на что я тебе не намекаю. — Аверьяныч раздражался на глазах. — А только противно мне на нынешних мужиков смотреть. Хуже баб стали. Да и девки ваши тоже... — Он многозначительно помолчал.

— Чего тоже? Девки-то наши тебе чем не угодили?

— Да всем! Гляди-ко ты, моду взяли — фитнесы-шмитнесы... Губы варениками накачают — жуткое дело! Рожать перестали! У меня внучка третий год с хахалем своим живет. Я им: вы когда мне правнуков народите? А они: ну что ты, дед, какие внуки? Сначала надо для себя пожить, мир посмотреть, квартиру побольше купить...

— Ты, Аверьяныч, ничего не понимаешь в современной жизни, — отмахнулся Юрка, разглядывая свое отражение в прислоненном к стене треснувшем лобовике «крузака».

— Да уж куда мне! — хмыкнул Аверьяныч. — И что вы за поколение такое? Я же говорю: одно барахло на уме. Это ж не жизнь, а лажа какая-то. Вот я помню...

— Ну, начинается... Тебе лет-то сколько? Тогда все по-другому было.

— Да отчего ж? В наше время тоже всяких хватало. За джинсами да за разной другой фирмой гонялись. А то еще, помню, мода была: клеши со вставками и колокольчиками таскали. Брюки сами черные, а вставки по бокам красные, бархатные! И колокольчики повдоль.

— Какие колокольчики? — удивился Юрка.

— А в магазинах рыбацких для закидушек колокольчики специальные продавались: рыба клюнет — колокольчик звенит. Вот клоуны эти и приспособили их на штаны нашивать. А то еще, слышь, чудилы были: банку к ноге консервную привяжут и вперед. По Бродвею! Это у нас улицу Свердлова тогда так называли. Ее вечером перекрывали, чтобы, значит, без машин, ну и вся городская молодежь туда подтягивалась. Идет такой полудурок по улице, банкой гремит, а из каждой подворотни собаки лают, заходятся!

— Во! А еще на нас наговариваешь, — хмыкнул Юрка.

— Так в наше-то время таких дурачков раз-два и обчелся было! Да и тех мы гоняли, как зайцев. А у вас? Ты погляди! Вы ж как помешанные с айфонами своими.

— Айфоны-то тут при чем? — удивился Юрка. — К айфонам у тебя какие претензии?

— А такие! — Аверьяныча уже понесло, и спорить с ним было бесполезно. — Вот хоть вчера взять: смотрю в окно, соседский парнишка с девчонкой на лавочке сидят во дворе. До-о-олго сидят. Ну, думаю, вор-

куют! А мне их только со спины видать. Через час где-то выхожу мусор вынести. Иду мимо, глядь, а они в телефоны свои уткнулись — оба два — и ноль внимания друг на друга! Во житуха настала! Повыродимся скоро к едрене фене с такими делами. Да я б рядом с такой кралей, в его-то годы, о-о-о!..

— Ладно, Аверьяныч, кончай политинформацию.

— Нет, ты послушай! Вот ты думаешь, отчего лажа такая? А оттого, что родители ваши непутевые носятся с вами всю жизнь как с писаной торбой. То ли дело у нас было! Вот я. Я ж в деревне рос. Батю не помню почти, он рано помер, мать одна нас четверых растила. Ну, как растила? Вкальвала с утра до вечера на ферме, а мы сами по себе, как трава сорная. Да... — Аверьяныч задумался. — Ну и сам понимаешь, как деньги доставались. Каждая копейка на счету. На всем сэкономили. А уж чтоб нам подарочки какие дареные... Такого сроду не бывало. И ничего. Я не в претензии. Помню, пора мне пришла в первый класс идти. А портфеля нет. Так мать, недолго думая, завернула мне учебники в газетку, и я со свертком этим под мышкой в школу и подался. На первом уроке все, значит, из своих новеньких портфелей учебники достают, а я газетку разворачиваю. Разворачиваю, а сам про себя отмечаю: лажа какая-то! Все люди как люди — с портфелями, один я — с газеткой. Но ничего! Подумаешь, дерьма-то — портфель... Не в портфелях счастье.

— Вот ты к чему это сейчас? — удивился Юрка. — Портфель... Газетка...

— А ты не перебивай, не перебивай, — одернул его Аверьяныч. — Ты послушай умного человека. Я жизнь-то повидал!

Юрка хмыкнул.

— В другой раз интересней история была, — продолжил Аверьяныч. — Под Новый год в школе утренник объявили и велели нам костюмы, значит, приготовить. Какой такой костюм еще? Матери сказал, а та кофту свою, как щас помню, в которой в стайке у курей убиралась, на меня нацепила, юбку веревкой бельевой подвязала, а на голову — платок какой-то драный. И для полного антуражу, видать, золы еще из поддувала черпанула и по морде мне размазала! «Это чего ж, — спрашиваю у нее, — у меня за костюм такой?» «Бабой-ягой, — говорит мне родительница моя, — будешь». Вышла на двор, принесла метлу, в руки сунула и за дверь выставила. В общем, в таком виде я и заявился в школу на утренник. Ну чистый божж! Тогда, правда, ни слова такого не было, ни самих божжей. Одноклассники меня окружили и спрашивают: что, дескать, за костюм такой? А я гордо так: «Баба-яга!» А вокруг меня сплошь лисички, зайчики да мушкетеры... Начали тут, значит, хороводы водить. Вижу — косятся на меня. А я уже подозреваю, что дело нечисто. Лажа, одним словом, какая-то! А тут еще подарки за костюмы давать начали. Кому конфетку шоколадную, кому мандаринку, а меня вроде как не замечают и технично так обносят. Я уж и так и сяк, и перед самым носом у Деда Мороза выскочу. Не... Игнорируют! Тут сестра моя старшая

за руку меня берет и к Деду Морозу подводит. «Вот, — говорит, — дедушка, у мальчика тоже костюм». А дедушка посмотрел на меня — жа-а-алостливо так! — и карамельку протягивает. А я чую — опять лажа какая-то. Дальше — больше. Всех фотографируют, а меня на общую фотографию не берут. Ну тут уж я точно понимаю, что лажа полная. Вокруг, блин, одни мушкетеры, один я — Баба-яга в мамкиной юбке с кофтой. Да... В общем — яркий момент моей жизни. Запомнилось.

Юрка хмыкнул.

— А так-то хорошее детство было. — Аверьяныч повеселел от воспоминаний. — Как у всех. Но!.. Иногда возникали сомнения. В кино раз с ребятами собрались. А кино в деревне, сам понимаешь, событие значительное! Ждешь его, ждешь... Тут уж одеться, понятно дело, приличней надо. А у меня из приличного — портки драные с рубахой да школьная форма. И ту мамка, как назло, постирала. Ну и обрядился я, не поверишь... В пижаму! Черт ее знает, откуда она взялась. Я в пижаме сроду не спал. Подарил, видать, кто-то. Пижамы в полосочку, новенькая, с пуговками. Шикарная вещь! Ну я, значит, обрядился и отправился. А на улице, как назло, дождь пошел, похолодало, блин. Все в куртках болоньевых, а у меня и куртки нет. На входе меня контролер и тормознул. «Ты, — говорит, — мальчик, что? Из больницы сбежал?» И не пустил, зараза. И вообще, с кино у меня много событий связано, и всякий раз лажа какая-то...

— Аверьяныч, утомил, — Юрка вздохнул. — Чего тебя кидает из стороны в сторону? То портфели, то пижамы... Ты чего сказать-то хочешь? Что я должен, как ты, десять лет в одних штанах ходить?

— Я это к тому, что не ведись ты, Юрок, на всякую мишуру. Думаешь, я не знаю, за-ради кого вот это вот все? — Аверьяныч кивнул на пакет с обновками. — Видел я, как ты на Нинку эту пялился, когда они со Славкой заезжали в прошлый раз.

Юрка вспыхнул. Вот ведь пенек старый, все сечет. А если и Славка заметил?

— Аверьяныч... Вот чё ты несешь? При чем тут Нинка?

— Да ладно... Думаешь, я старый? Ничего не вижу? Зря ты это, Юрка. Не твоего поля ягода. Да и чего в ней хорошего? Ну, смазливая. Ну, ноги... Фасад один! Ты подумай, что ты с ней делать будешь? Она же к совсем другой жизни привыкла. Да разве тебе такая нужна? Тебе надо...

— Завязывай, Аверьяныч, — оборвал его Юрка. — Давай за работу. Вон... Подъехал кто-то.

* * *

Отдав последнему клиенту ключи от машины, Юрка рванул домой. Дома первым делом отправился в душ. Не успел выйти из душа, как в

дверь позвонили. Вытираясь на ходу полотенцем, пошел открывать. На пороге стоял Тимоха: весь мокрый и с подбитым глазом. Вдобавок ко всему от бомжа разило бензином.

— Не понял... — удивился Юрка. — Ты чего мокрый? Случилось что?

Тимоха молча клацал зубами.

— Давай на кухню, — Юрка посторонился, пропуская Тимоху в квартиру.

Оставляя на полу грязные следы, тот прошлепал на кухню. Юрка, зайдя следом, присел на табурет:

— Ну, рассказывай.

— Да чё рассказывать? Попал я, Воробей. Крепко попал — на большие бабки.

— Ты давай толком говори, чего случилось?

— Это ты у дружка своего спроси, — жалко усмехнулся Тимоха. — У Шиши.

— Не понял.

— А что тут понимать? На счетчик меня кореш твой поставил.

— Кто? Шиша? На счетчик? Ты, Тимоха, совсем допился? Короче, ты или рассказывай нормально, что случилось, или вали отсюда, — разозлился Юрка. — Несешь хрень какую-то.

— Хрень? Ну-ну... — Тимоха сник. — Эх, жизнь моя поломатая... — Он ухватился за голову. — Воробей, дай хоть закурить, что ли?

— С дуба рухнул? Закурить ему. В бензине весь с головы до ног! Закурить... Самосожжение решил мне тут учинить? И квартиру спалить заодно? Совсем уже?

— Ох, блин, и правда...

— Ладно. Давай дуй в ванную. Помоешься, халат мой банный надень, увидишь там. А я пока одежду какую поищу из своего.

Тимоха отправился в ванную, а Юрка распахнул окно пошире — проветрить. В кухне воняло как на бензоколонке.

Из ванной Тимоха вышел уже немного повеселевший.

Юрка налил ему чаю покрепче.

— Ох, Воробей, — суетливо зашвыркал чаем Тимоха. — Спасибо тебе. Правильный ты все-таки пацан. Я ж моюсь два раза в год, да и то под дождем, — Тимоха гоготнул. — А тут как белый человек... Я там кремом еще помазался, на полочке стоял. Ничего?

— Ничего. Ты что там про Шишу-то молол? Я так и не понял.

— Так это... Толяна же сегодня из дурки выпустили. Ну мы это дело, само собой, отметить решили. За магазинчиком расположились, тут — во дворе, чин чинарем. Культурно отдыхаем, в натуре. А на площадке напротив пацанва играет: банки из-под пива в ряд выставили и камнями по ним из рогаток шмаляют... Соревнуются, кто больше выбьет. Ну мы, значит, чекушечку с Толяном оприходовали, хотели уже за следующей

пойти, и тут какой-то «соколиный глаз» Шишиному джипу в лобовик камнем со всей дури и засандалил. Сигналка как заорет! Ребяшня, понятно дело, драть. А мы с Толяном, два дурака, поближе подошли — поглядеть. Черт нас дернул! Смотрим, а там по всему стеклу вот такущая трещина! — Тимоха раскинул руки. — Тут Шиша из дома выскакивает и на нас... Как попер! Мол, вы чё, козлы вонючие, машину мне бить? Ухватил меня за шкварник, кабан здоровый, да как тряханет. Веришь, нет — думал, душу из меня вышибет. Вы, говорит, бабки мне теперь должны. Я ему: да ты чё, в натуре, не трогали мы твой джип. А он мне: а кто трогал? — Тимоха замолчал.

— А ты?

— Чего я?

— Ну, ты сказал, что это пацаны?

— Да ты чё, Воробей! Я как глаза его бешеные увидел... Не... Мне пацанов жалко стало.

— Ну и?

— Ну, я ему: да ты чё, Шиша? Откуда, говорю, у нас деньги? Ну, хочешь, мы отработаем? Вон хоть на даче у отца твоего. Отработаем и разойдемся краями. А он: ты мне бабки гони, а не то я тебя, говорит, вместе с дружкой твоим закопаю. Ну тут уж я не стерпел. «Да чё ты мне, козел, сделаешь?» — говорю. А он... — Тимоха жалобно всхлипнул, — по морде мне и как щенков нас с Толяном в машину покидал.

— И?..

— На кладбище привез. Специально, видать, чтобы жути нагнать побольше. А ты же знаешь, Воробей, меня пугать — надо шубу выворачивать! — Тимоха разошелся, потихоньку приходя в себя. — Не будет же он, думаю, нас в самом деле за лобовик убивать? А Шиша, сука, как давай нас метелить, а потом на колени поставил, канистру с бензином достал и поливать принялся.

Юрка слушал молча.

— Он над нами куражится, а у самого глаза... Я, Воробей, повидал на зоне таких. В общем, когда Шиша зажигалку достал, тут я взаправду тухнул.

Юрка слушал, сжав зубы.

— Дальше что?

— А что дальше? До завтра сроку нам дал. А не отдадим, Шиша сказал — знает, где мать моя живет. Сопля... — Он опять всхлипнул. — Мы ж в одном дворе жили, я его пацаном помню, а он... — Тимоха заплакал.

Юрка слушал и не верил. Шиша? Да ну на фиг! Он его с первого класса знает. Ну, любит крутого из себя покорчить, форсу бандитского напустить. Бывает. Но чтобы такое... В городе, правда, разные слухи ходили. Рассказывали, что, пока Юрка в армии служил, Шиша и еще несколько «залетных» вроде какого-то мужика чуть не до смерти забили.

За долги. Так это так... Слухи. Городок-то маленький. Чего только не сочинят друг про друга. Да нет... не может быть. Заливает Тимоха.

— Короче, — Юрка помолчал. — Сиди пока здесь, не высывайся.

Он накинул рубаху и вышел во двор. Джипа Шиши вроде не видно. Юрка достал телефон и собрался ему позвонить, но передумал. Помедлив, набрал Славку:

— Славян, встретиться надо.

Через полчаса они сидели у СТО. Мужики уже разошлись, Аверьяныч тоже ушел, так что можно было без лишних ушей все обсудить.

— Да... — выслушав друга, вздохнул Славка. — Стремная тема... Тимоха сейчас у тебя?

— У меня.

— Чего делать будем?

— Разговаривать будем.

— Думаешь — правда?

— Не знаю, Славян. Но ты бы Тимоху видел.

— Да ну бред же! Ты что, в самом деле веришь, что Шиша живых людей бензином поливает, точно фашист какой, и поджечь грозитя?

— Да бред, конечно. Хотя... — Юрка поморщился, точно от зубной боли. — Ладно, кончай базарить. Звони ему.

Вскоре, мягко шурша по гравии, к мастерской подкатил Шишин джип.

— Здорово, мужики! Ну, чё за кипеж? Хоть бы объяснили, в чем дело, а то все бросай, понимаешь, приезжай... У меня дела, между прочим. — Шиша, недовольно сипя, вывалился из джипа.

Юрка, не торопясь, обошел машину. Остановился перед капотом.

— Где это ты так? — кивнул он на лобовик с трещиной через все стекло.

— Да уроды какие-то! На пять минут домой заскочил, выхожу, а тут... Вот поеду сейчас новое заказывать.

— Дорого, небось, обойдется? — поинтересовался Юрка, пристально глядя на товарища.

— Да не так чтобы... Возни больше.

— А-а-а... Так что же ты тогда бомжей убить грозился из-за лобовика этого поганого?

У Шиши забегали глаза.

— Каких бомжей?

— Сам знаешь каких. Так что?.. Правда, значит? А я поначалу не поверил.

— Да слушай ты их больше, Воробей... Они расскажут... — начал было Шиша, но Юрка его оборвал:

— Ты кому лепишь? Тимоха ко мне сегодня весь в бензине, мокрый приполз. Зуб на зуб от страха не попадает.

— Шиша, ты совсем охренел? — вмешался молчавший все это время Славка, ошарашенно пялясь на товарища.

— Да ладно, парни, я же так... попугать только. Ну, а с фига ли я сам платить должен, если они...

— Да... Шиша. — Юрка поиграл желваками. — В бандосы подался? А чего с бомжами-то связался? Тоже мне, ровню нашел.

Шиша вдруг зло осклабился:

— Я, Воробей, в твои дела не лезу... Вот и ты в мои — не лезь. Понял?

У Юрки вдруг заложило уши. В следующий момент он с удивлением увидел, как Шиша, точно в замедленной съемке, вскинув руки валится на спину. Юрка пришел в себя от боли в кисти. Он потрянул рукой. Шиша тем временем подхватился и, ни слова не говоря, ломанулся вдоль трассы в сторону лесополосы. Отбежав на приличное расстояние, он наконец обернулся. Время шло, Шиша ждал, переминаясь с ноги на ногу.

— Без машины не уйдет, — усмехнулся Славка.

— Паскуда... — Юрка пошарил глазами у ног, наклонился и поднял с земли большой гнутый гвоздь.

Подошел к джипу и смачно проборонил ему бочину.

— Вот теперь нормально. — Он отбросил гвоздь в сторону.

Сплюнув под ноги, Юрка пошагал прочь. Славка, то и дело оглядываясь на Шишу, — следом. Шли молча. И только у самого дома, сев на лавку, Юрка не выдержал:

— Славян, как так-то?

— Да уж... Стремная тема.

Они вновь замолчали.

Напротив, на детской площадке, ребяшня играла в футбол. Один из пацанов ударил по мячу, и тот, отскочив от штанги, подкатился к Юркиным ногам. Он пнул его обратно ребятишкам.

— Спасибо, дяденьки!

— А помнишь, — вдруг спросил Славка, — как в третьем классе Шиша на пляже ржавым гвоздем ногу пропорол? А мы его с тобой по очереди до самого дома на себе тащили.

— Ага. Он еще ревел всю дорогу. Мы же его новые кроссовки на берегу оставили. Боялся, что ему от отца влетит.

— Ну так я бы тоже боялся. Помнишь, как отец его за двойки ремнем порол? Милицейским. С бляхой.

— Помню. Шиша потом еще в школьном туалете всем синяки свои показывал. Гордился! Мол, видали, какой у меня батя зверь! Тоже хотел милиционером стать. Чтоб боялись все.

Они снова помолчали.

— Славян, а как так получается? — Юрка достал из кармана зажигалку с сигаретами, хотел прикурить, но зажигалка не работала. Зло выругавшись и засунув сигареты обратно в карман, Юрка продолжил: — Живет

вот так бок о бок с тобой нормальный вроде человек. Ты с ним когда-то за одной партией сидел, девчонок кадрил, самым сокровенным делился... И вдруг — на тебе! Он, оказывается, зверюга, каких мало. Так это мирное время! А если война, не дай бог, гражданская или какая другая заваруха? Он же тебя грохнет, как за не фиг делать!

— Да ладно тебе. — Славка нахмурился. — Грохнет... Скажешь тоже. Ну, перегнул Шиша палку...

— Перегнул? — вспыхнул Юрка. — Перегнул, говоришь?

— Да ты пойми, — поспешил его успокоить Славка. — Я Шишу не оправдываю. Стремная тема. Но ты тоже подумай: он на этот джип знаешь сколько копил, в долги влез... Ну, соскочил с тормозов. Шок у человека! Можешь ты такое допустить? Состояние аффекта!

Юрка пристально посмотрел на друга:

— Ты это серьезно? То есть ты бы тоже так смог?

— Дурак, что ли? — психанул Славка. — Ты меня что... Плохо знаешь?

— Да я вот думал, что Шишу тоже хорошо знаю.

— Пошел ты. — Славка поднялся со скамейки.

— Ладно, прости, брат. Что-то я и правда совсем... того... — Юрка схватил друга за руку. — Прости. Просто раньше все проще как-то было. Понятней. А теперь... Я после армии все никак к новой жизни привыкнуть не могу.

— Чего изменилось-то? Нормальная жизнь. Мне нравится. Ты, Воробей, просто закис тут совсем. Тебе говорю, давай со мной, в Москву. Здесь ловить нечего. А там жизнь, там деньги... А если ты про мать беспокоишься, так она только рада будет, если ты устроишься там. Помогать будешь.

— Пойду я, — устало проронил Юрка, поднимаясь со скамейки. — Мать скоро с работы придет, а у меня там Тимоха.

— Давай, брат. А вечером как договаривались. В «Китах» тебя жду. Там договорим.

* * *

«Три кита» располагались на окраине города, в бывшей городской бане. Местный олигарх ввалил кучу денег, заведение получилось вполне себе приличное, а по меркам их городка — даже очень.

Юрка зашел в полутемный зал. Народу в клубе было еще мало, основная масса начинала стекаться ближе к полуночи. На танцполе под ритмичное тыц-тыц с индифферентным видом подергивалось несколько девчонок. За полупустыми столиками сидели парочки. Как раз недалеко от танцпола Юрка заметил Нину и Славку. У него захолонуло сердце и вспотели ладони. Нет, так дело не пойдет... Надо выпить. Юрка подошел к барной стойке. Неловко взгромоздившись на высокий барный стул,

поджал ноги. Клубы он не любил. Все ему здесь казалось каким-то ненастоящим. Парни, строящие из себя этаких прожигателей жизни. Девушки, к которым не знаешь, с какого боку подойти: холёные, смотрят свысока, что ты!

— Водки мне налей, — кивнул он бармену.

Тот, выхватив из разноцветного стеклянного ряда за спиной бутылку «Финляндии», налил и ловко запустил рюмку по барной стойке в его сторону. «Вот рожка, — усмехнулся Юрка, — самую дорогую выбрал».

Не успел он замахнуть свои сто грамм, как кто-то хлопнул его по плечу. Юрка оглянулся.

— А ты чего здесь? Сидит, не подходит. Игнорируешь, что ли? Мне Нинка говорит, друг твой вон, а я гляжу — и правда... Ты чё, Воробей? — Славка уже был навеселе.

— Да я как-то не заметил вас впотьмах-то, — смутился Юрка.

— Пошли, пошли... — Славка приобнял его за плечи.

Они подошли к столику, за которым со скучающим видом сидела Нина.

— Вот, Нин, знакомься! Друг мой. Лучший. Мы с ним с первого класса не разлей вода. — Славка плюхнулся на стул.

— Да мы знакомы вроде, — напомнил ему Юрка.

— Да? А, ну да! Чё-то я того... Перебрал чутка. — Он хохотнул. — А ты знаешь, Нин? — он повернулся к девушке. — Знаешь, какой Воробей друг? Вот у тебя нет такого друга, Нин. Нет... Да и какая у вас, у баб, может быть дружба?

Девушка снисходительно улыбнулась.

— А... — Он махнул рукой. — А я вот скажу ему, вот хоть ночью: приезжай, Воробей, на сто первый километр. С топором! И приедет. Не спросит даже — зачем. Да, Воробей? Скажи? Нет, ты скажи! — Он хватил Юрку за шею, вроде как в шутку изображая удушающий.

— Ты бы на «мерсе» папином по полям не катался, — Юрка скинул Славкину руку, — не пришлось бы к тебе с топором на сто первый километр ездить.

Ему не нравился покровительственный тон товарища, раньше тот себе такого не позволял. Или Юрка не замечал просто? Да... Что ни говори, изменились пацаны. Как ни гнал Юрка от себя эти мысли...

— А-а-а!.. Помнишь, да? Помнишь! — Славка обернулся к Нине. — Мне тогда от бати так влетело... Мама дорогая! Это мы в десятом классе с Шишей на дачу с девчонками поехали. Весна, грязюки по колено... Ну и застряли на сто первом километре, в поле. По уши! Пока Воробей не приехал да березок не нарубил под колеса нам, сидели куковали. А ночь еще, на улице холодина, бензин заканчивается... Да... Во какой у меня друг! Видала? — Он опять полез обниматься к Юрке.

К столу подскочил официант:

— Заказывать что будем?

— Мне коктейль, пожалуйста, «Маргариту», — улыбнулась Нина.

— А нам водочки! Да, Юр? — Славка повернулся к другу.

— Мне не надо.

— А! Боишься? — Славка захохотал. — Правильно. Ты неси, неси... — обернулся он к официанту. — Представляешь, Нин, он же пить совсем не умеет. Помню, Воробей на выпускной в школу дедов самогогон притащил...

Юрка незаметно пнул Славку под столом. Он готов был сквозь землю провалиться. Не хватало еще, чтобы тот сейчас эту историю при Нине начал вспоминать.

— Да ладно тебе, Воробей! Ну не буду, не буду. Да ты чего смурной такой? — Славка обернулся на танцпол. — Ты посмотри, посмотри, какие девчонки! Не, ну скажи?

— Скажу, скажу, — проронил Юрка и невольно глянул на Нину.

— Э, брат, — перехватил его взгляд Славка. — Стоять, стоять... Да ты не иначе как на Нинку мою запал? А?

У Юрки все оборвалось внутри.

— Не, чё, реально? Ну ты даешь!

Славка откинулся на спинку стула и приобнял Нину.

— Не, брат, Нина у нас девушка дорогая, да, Нин? — Улыбаясь, он привлек девушку к себе. — Тебе, с твоими доходами, не по карману. Ты себе чё попроще присмотри: вон их сколько... — Славка махнул головой в сторону танцпола.

Юрка вспыхнул, сжав зубы. Хорошо, что темно. Однако Славка заметил, как переменялся в лице товарищ.

— Да ты не обижайся, Воробей. Я же тебе как есть, по дружбе говорю! Пока ты в армии прохлаждался, мы тут с пацанами дела делали. Накапливали первоначальный капитал, понимаешь, чтобы потом вот таких вот девочек кадрить. Да, Нин? — Нина ласково прильнула к Славке. — А как ты хотел!..

— Да я уже понял, как вы его тут накапливали, — процедил сквозь зубы Юрка.

— Ты чё? Про Шишу, что ли, опять? Да ладно, брось. Ну, перегнул пацан, что теперь... Стремная тема, конечно. Так ты ему за то — по морде... И правильно, я считаю. За дело! За дело, Воробей, базара нет! Но Шиша друг нам, мы ж с первого класса... Ладно, проехали. — Он поморщился. — Ты с темы-то не съезжай. Ты в Москву со мной поедешь? Или всю жизнь под машиной будешь валяться? Так ведь и останешься нищевродом. Ты пойми: тут ловить не-че-го! А там мы с пацанами тему одну нормальную замутили... Ты не думай. Я те по-любому пропасть не дам! Поднимешься со временем, человеком станешь. А там, глядишь, может, и Нинка к тебе переметнется, а? Нин? — Он дурашливо хохотнул. — Ты как? А чё?.. Воробей у нас парень что надо. Приодеть только...

Юрку как кипятком окатило.

— Не боишься, что я тебе сейчас тоже, как Шише, по морде? — Он тяжело глянул на друга исподлобья.

— Ты? Мне? Да ты чё, Воробей? — Славка глупо разулыбался. — Ты обиделся, что ли? Да ты не обижайся! Видала, какой он у нас? — Славка обернулся к Нине. — Чуть чё не так, сразу — с ноги в зубной состав! Ха...

К столу тем временем с водкой и фужерами подлетел официант.

— Девушке «Маргарита», мужчинам водочка. — Ловко накрыв на стол, официант растворился в темноте.

— По дружбе, говоришь?

В голове у Юрка было звонко и пусто. Только сердце гулко бухало в груди, отдавая в затылок. Он хорошо знал это состояние. А драки не хотелось. Здесь, при Нине... Да и этот дурак пьяный. Нет. Не хотелось.

Он взял со стола бутылку, потянулся за рюмкой, но передумал. Взял стакан из-под сока и до краев наполнил его водкой.

— Воробей, ну ты чё? Ну на фига? Ты же не пьешь, я чё с тобой делать-то потом буду. — У Славки у самого язык заплетался.

Он сунулся было к товарищу, но тот осадил его взглядом. Медленно, глоток за глотком Юрка влил в себя водку, перевернул стакан кверху дном и, выдохнув, в упор посмотрел на Нину. Та улыбалась, с интересом наблюдая за происходящим. Изящно изогнув кисть, она тоже взяла бокал и тянула через соломинку коктейль. Юрка смотрел на тонкую загорелую руку, на влажные, мерцающие в темноте губы, длинные, чуть опущенные ресницы...

— Вкусно? — Юрка забрал фужер из ее рук.

Попробовав, поморщился и выцедил сладкую муть. А потом, чуть помедлив и не отрывая взгляд от девушки, откусил край фужера. Улыбнулся и стал жевать стекло. Стекло мерзко скрипело на зубах. Юрка почувствовал во рту солоноватый привкус крови.

Нина, не выдержав, отвела глаза:

— Слава, проводи меня, пожалуйста. — Она потянулась за сумочкой.

Юрка остался за столом один. Музыка тупо долбила по стремительно хмелеющим мозгам: тыц-тыц-тыц... Он сплюнул на пол крошево стекла. Медленно утерся рукавом. На рукаве остался размазанный кровавистый след. Да... Слишком много для одного дня. Слишком много. Перебор. И вдруг, бог знает почему, в памяти всплыло...

Дело было в десятом классе. Они со Славкой в тот вечер со школьной дискотеки возвращались. Осень, дождь, слякоть... Только от школы отошли, как в полсотне метров от себя увидели толпу — человек пять-шесть, а может, и больше. Пацаны с Ферганы. Самый бандитский район в городе.

Их сразу взяли в круг. Разворачиваясь спиной к спине, Юрка еще успел прикинуть, что двоих-то он уделает... Как нефиг делать — уделает!

А может, и троих... В общем, вдвоем по-любому отобьются. И... понеслась!

Помощи ждать было неоткуда. Темень. Улица пустая. Юрка отмахивался — и отмахивался хорошо. Иногда попадал. Правда, пару раз все ж таки пропустил по корпусу, но по лицу ни разу не прилетело. «Главное — на ногах удержаться. Главное — не упасть... — лихорадочно думал Юрка. — Как там Славян-то?» — Он старался боковым зрением выхватить друга из толпы. Драка тем временем выкатилась на дорогу. Юрку гоняли по кругу, как зайца. «Не... Не отобьемся. Бежать?» — мелькнуло в голове. — А хрена вам! Не дождетесь, жабы».

Постепенно драка с дороги стала смещаться на обочину, в кусты. И тут Юрка поскользнулся на мокрой траве. Упал. Попробовал вскочить — его повалили. «Ничего... Главное — ребра... И голова». Толпа обступила плотным кольцом. Юрка сгруппировался, напряг все мышцы. Вспомнил, как отец в детстве учил: «Упал — вертись! Подворачивайся! Так, чтобы удары вскользь приходились. А как только просвет какой — подскакивай и беги». И Юрка вертелся, стараясь по возможности увернуться от прилетавших то с одной, то с другой стороны ударов. Толпа, смрадно дыша перегаром, тяжело ухала над головой. «А ведь убьют...» — подумалось ему вдруг. Несколько раз Юрка подскакивал. Его валили опять. Боли он не чувствовал. Только ярость. Драка незаметно сместилась к кинотеатру. На Юркино счастье, как раз в это время закончился сеанс. Двери кинотеатра распахнулись, и в ярко вспыхнувшем свете на улице повалил народ. Драка замерла и тут же рассыпалась. Юрка, скукожившись, остался лежать на мокрой траве. Люди проходили мимо. В темноте его никто не замечал. Он негромко постанывал. Наконец с трудом приподнялся, отхаркивая кровью на дорогу. Огляделся. Славки рядом не было...

Тот потом долго извинялся, просил прощения, говорил, что сам не понял, как это случилось. А Юрка и не обижался. Нет! Правда, не обижался. Ему даже неудобно было, что друг у него прощения просит. Неловко как-то... Ну, струсил человек — бывает. Да ему бы и самому надо было завалить парочку — и ходу. Да ума-то нет — хлестаться давай.

Про этот случай он никогда не вспоминал. А вот сейчас вспомнилось. Вдруг...

Тыц-тыц-тыц... — продолжало молотить у него в висках. Столик с фужерами и недопитой бутылкой медленно покачивался перед глазами. К столику подплыла девица с сигаретой в руках. Присев напротив, закинула ногу на ногу, вызываяюще заголив бедро:

— Мужчина, прикурить не найдется?

Девица, круто изогнувшись в талии, подалась вперед. Перед Юркиными глазами нарисовалось глубокое декольте с призывно выпирающим бюстом.

— Не... — Юрка, замотав башкой, махнул перед собой рукой, от-
 талкивая девицу. — Не надо... Не то... Не то пальто... — с обидой
 пробормотал он.

Тяжело поднялся и, покачиваясь, с грохотом роняя попадающиеся на
 пути стулья, направился к выходу.

* * *

— Все, Аверьяныч, увольняюсь! Достало! Пропали оно все про-
 падом! Уеду! — Юрка с остервенением кидал в спортивную сумку свои
 вещи.

— Далеко ли? — вкрадчиво поинтересовался Аверьяныч.

Он только что пришел на работу и неожиданно застал помощника за
 сбором манаток.

— В Москву! Что я, рыжий, что ли, — пропадать здесь? Хватит!

— Та-а-ак... — Аверьяныч поиграл желваками. — Сбил тебя все-
 таки Славка с панталыку!

— Плевать я хотел на Славку твоего!

— Да ладно!.. А то я не знаю. Он! Он — главный застрельщик! Сам
 бы ты не насмелился. Нет, ну какой же ты все-таки балбес, Юрка... А?
 Ведь я ж тебя заместо себя хотел поставить. Думал, толк из тебя будет.
 А ты...

— Да за каким оно мне надо? Место твое?! — вспыхнул Юрка. —
 Чтобы я всю свою жизнь под машиной, как ты, провалялся? Вот ты, что
 ты в жизни-то своей видел, кроме гаражного бокса? У меня, может, все
 это — во уже где! — он рубанул ребром ладони по горлу. — Обрыдло!
 У меня, может, душа к другому тянется.

— Знаю я, к чему она у тебя тянется! — взвился Аверьяныч. — Это
 все из-за Нинки этой. Из-за нее у тебя крышу снесло. Вот ведь дурачина!
 Пошлет тебя эта фря куда подальше. На кой ты ей, пролетарий, сдался?
 Ей таких, как Славка, подавай!

Юрка зло прищурился:

— Да мне смотреть тошно на это вот все! — Он махнул головой
 в сторону уютившихся на окраине домишек. — Можешь ты это понять?
 На сараюхи эти ободранные, на трубы вонючие. — Он ткнул рукой в
 сторону химзавода. — Я это видеть больше не могу! Я жить хочу как
 люди! Там, — Юрка махнул головой куда-то в сторону, — там жизнь на-
 стоящая! Понимаешь? Настоящая. А здесь — болото! Отстой!

Аверьяныч, не ожидавший такого отпора, ошалел.

— Ты чего орешь-то? Собрался и собрался. И вали себе на здоровье.
 Скатертью дорога. Тоже мне, напугал ежа голой задницей! Уедет он... Да
 езжай! Езжай... Только знай: обратно вернешься и на работу проситься бу-
 дешь — шиш тебе! — Он скрутил у Юрки под носом кукиш. — Понял, нет?

— Не вернусь. Не надейся.

— Ну-ну... — Аверьяныч сплюнул и, помолчав, начал уже примитивно: — Что ты там только делать будешь? В Москве своей? У тебя ж ни образования, ни...

— Бизнесом буду заниматься.

— Бизнесмен хренов! Гайки где-нибудь в гараже крутить вот так же будешь.

— Ну и буду! Уж лучше там, чем здесь. Здесь я нищоброд для них. Понимаешь, нет? Не человек. Нищоброд!

— Тьфу! — опять психанул Аверьяныч. — Для кого — для них-то? Слушай, ну давай я тебе процент подниму. Хочешь вот прям... — он замялся, — вот прям пять... Нет! Десять процентов сверху положу. Начиная с этого месяца! Вот! — выдохнул он.

— Ну ты, Аверьяныч, даешь! — вскинул брови Юрка, которому была хорошо известна прижимистость старика. — Прям-таки десять?

— Н-ну!

— Да нет, — Юрка вымученно улыбнулся, — спасибо, конечно, но... Нечего мне здесь больше делать.

— Юрка, ты горячку не пори. Расскажи толком, что случилось-то? Я же вижу — лица на тебе нет. Я, может, помогу чем... А?

— Да нет, Аверьяныч. Ничем тут не поможешь. Пойду я.

Он крепко тряхнул на прощание руку старика и, закинув сумку на плечо, вышел из гаража.

* * *

Ночью Юрка толком не спал, прислушиваясь, как, тяжело вздыхая, ворочается за стеной мать. Тоже не спит... Он еще с вечера, вернувшись домой, учуял в квартире стойкий запах корвалола. Юрка этого запаха с детства боялся: у матери всегда сердце слабенькое было. Потому планами своими, понятное дело, делиться не стал. Соврал только, что решил вроде как друга армейского поведать. Сгонять в гости на недельку-другую, по Москве погулять, то да се... Завтра, мол, с утра и поедет. Мать попросила разбудить ее, как уходить будет. Проводить хотела.

А у Юрки на сердце кошки скребли. Эмоции схлынули, и теперь в голову неотвязно лезли вполне здравые вопросы: куда едет? зачем? где остановится? Знакомых — никого. Денег, тех, что удалось скопить, хватит ненадолго. А если не получится сразу на работу устроиться? А мать? Как она тут одна?.. Под утро не выдержал. Решил ехать на первой электричке, не дожидаясь, пока мать проснется. Духу не хватит в глаза ей смотреть. Тихонько собрался и вышел, неслышно прикрыв за собой дверь.

На улице моросило. Накинув капюшон толстовки и засунув руки поглубже в карманы, Юрка скоро пошагал по безлюдной улице, то и дело

перескакивая через лужи. Проходя мимо школы, решил срезать, свернув во двор. В этой школе, которую не так давно окончил он сам, в свое время учились и Юркины отец с матерью. Там они и подружились — первая любовь, понимаешь. Где она теперь — эта любовь? Куда делась? Отец последний раз звонил, когда Юрка к дембелю готовился, про мать даже не спросил. С тех пор ни слуху ни духу. Любовь, дружба... Придумают тоже! Юрка прибавил шагу.

К школьному забору плотно примыкала стеной городская пожарная станция. Юрке вспомнилось, как в пятом классе играли они с пацанами в казаков-разбойников и залезли на крышу этой самой пожарки. Там-то их сторож и застукал. Славка, тот сразу с крыши сиганул — и драть. А Шишу, пока Юрка за трубой прятался, сторож прям за ногу ухватил, когда тот примерялся, как бы ему ловчее вниз соскочить. И такой ему допрос учинил, что Шиша сразу же всех сдал: кто, откуда, из какого класса, кто классный руководитель, поделники кто... На следующий день родителей, само собой, — в школу. Да... Вспомнив Шишу, Юрка сжал зубы.

Перейдя трассу, он напрямик направился к железнодорожному мосту. У кассы еще никого не было. Купив билет, Юрка вышел на перрон, кинул на скамью сумку и сел.

Так уж вышло, что, кроме как в армию, надолго он из города никогда не уезжал. Ну, разве что в детстве, к бабке в деревню на недельку, тут недалеко — ночь на поезде. Да в пионерлагерь летом. И всякий раз, возвращаясь домой, Юрка, завидев еще из окон поезда здание вокзала, чувствовал в груди нежное, щемящее чувство: дома... Даже когда с картошками с родителями возвращались — отцу завод землю за городом выделял, — даже тогда! Вроде как он не в полчасе езды на электричке полдня картошку полонил, а на другом конце страны где-нибудь несколько лет обретался. Ну а уж когда из армии возвращался, тут, уж чего греха таить, защипало в глазах.

Вот и сейчас, глядя на пустой перрон, Юрка почувствовал, как засосало под ложечкой. Он потянулся было за куревом, но передумал: электричка вот-вот подойдет. Скорей бы уж... Взгляд его упал на оставленный кем-то на скамейке журнал: потрепанный, в серой неприметной обложке, в отличие от пестрого, вызывающего глянца в соседнем ларьке. Такие журналы когда-то выписывали Юркины родители. Он взял, полистал, задержался взглядом на одной из пожелтевших от времени страниц. С журнального разворота с подборкой стихов на него смотрел молодой парень, по возрасту, похоже, Юркин ровесник, с большим изогнутым шрамом на щеке. Чем-то Юрку этот портрет зацепил. Он сунул журнал за пазуху — в электричке почитает.

Потихоньку начал подтягиваться народ. Небольшими стайками и по одному люди стекались с разных концов привокзальной площади. Вскоре отъезжающие заняли всю платформу. Казалось, что полгорода здесь собралось. Так оно, считай, и было: большая часть жителей их городка

ездила на заработки в Москву. Юрка с интересом разглядывал хмурые, невыспавшиеся лица людей. Вон мужик прохаживается по перрону, искоса поглядывая на окружающих. Сильно немолодой уже, в камуфляже, с какой-то нашивкой на рукаве и на спине. Охранником, видать, где-нибудь подвизается. А вон тетки с огромными клетчатými баулами сбились в кружок. На рынок, наверное, едут — торговать. Куда еще с такими сумищами? Стоят молча, не глядя друг на друга, не разговаривая. Да и о чем говорить? Обо всем уж, небось, переговорено. О мужьях-козлах, о детях-паразитах, о хозяине — каком-нибудь Гургене или Армене, который с них три шкуры дерет...

Подошла электричка. Народ оживился, начал кучковаться, примеряясь, в какой вагон сунуться. Юрка, закинув сумку на плечо, тоже поспешил к ближайшему вагону. Ухватившись за поручень, заскочил в тамбур.

Народ торопливо рассаживался, норовя занять место у окошка. У окна кемарить удобней: сел, прислонился головой к стеклу — и... до самой до Москвы.

Юрка вновь окинул взглядом сидящих в вагоне: работяги с помятыми после выходных физиономиями, бесцветные, изможденные постоянными заботами лица немолодых уже женщин и холодные, неприступные, со старательно нанесенным макияжем мордашки офисных работниц. Никто не смотрел друг на друга, не разговаривал, не улыбался. «Точно на каторгу едут», — подумалось Юрке. Ему вдруг представилась его мастерская, Аверьяныч... В груди опять предательски защемило.

Напротив Юрки уселся мужик-охранник, тот самый, которого он заприметил на перроне. Он так же, как другие, безучастно уставился в окно. Юрка представил, как стоит этот мужик целый день истуканом в каком-нибудь огромном, кишмя кишящем людьми торговом центре. Бдит! Не дай бог, кто упрет чего. А вечером торопится на последнюю электричку, мечтая вновь занять место у окна и дремать до самого до дома. Дремать и ни о чем не думать. И так изо дня в день, от выходных до выходных...

Юрка вздрогнул от оглушительной металлической скороговорки диспетчера, объявившего что-то невнятное. Вагон дернулся. Мимо окна медленно поплыли одноэтажное здание старого, еще довоенной постройки вокзала, за ним — водонапорная башня из красного кирпича, в которую они с пацанами частенько забирались в детстве, опустевший перрон, лавочки... На одной из них спал мужичонка, прикрывшись каким-то тряпьем. Сквозь заляпанное, в грязных разводах стекло Юрка разглядел, как бомж, уютно устроившись щекой на по-детски сложенных лодочкой ладонях, чему-то блаженно улыбается во сне беззубым ртом. Тимоха...

Это был единственный улыбающийся человек, который встретился Юрке этим утром.

* * *

На следующий день, подходя к мастерской, Аверьяныч заметил сидящую на крышах к нему спиной знакомую фигуру. Вот тебя на! Все еще не веря глазам, он прибавил шагу. Подойдя ближе, увидел, что Юрка увлеченно читает какой-то журнал. Старик кашлянул:

— Кхе... Здорово, Юрок!

— Ну что, Аверьяныч? У «мерса» двигатель капитальнее будем, нет? — спросил Юрка, переворачивая журнальную страницу.

— Так это... Само собой! — засуетился Аверьяныч. — Клиент еще в четверг в гараж загнал, а взяться-то некому. Я уж сам хотел. Обормотам этим разве доверишь? Так наколхозят, что исправлять замучаешься. Ты это... Переоденься только. У меня роба там есть запасная, в кандейке.

Потоптавшись, он присел рядом, на крышу, вытянул из кармана курево и сунул Юрке, осторожно подтолкнув того плечом:

— А как же Москва, Юр? Огни большого города? А?

Юрка, захлопнув журнал, вытянул из протянутой пачки сигарету:

— Да никак, Аверьяныч. Все это, знаешь... — Он замолчал, подбирая слова. — Не то пальто, в общем!

— Ну да, ну да... — с готовностью согласился старик. — И то верно! На кой черт она сдалась, Москва эта? Моя вон старуха с утра до вечера ток-шоу эти дурацкие смотрит про звезд разных да про этих... как его? Во! Про светских львиц! Тьфу! Срамота! — Аверьяныч сплюнул. — Да они ж там извращенцы все! Смотреть тошно! Я, бывает, сяду рядом, ну так... ради интереса, так — веришь, нет? — с души воротит от рож этих... Не, я считаю, у нас все ж таки лучше. И люди попроще, и вообще... Спокойней как-то... Ты-то сам как считаешь, а?

Юрка улыбнулся.

— Знаешь, Аверьяныч, в девяностых в Свердловске жил очень хороший поэт. У него стихотворение одно есть.

Юрка сделал пару глубоких затяжек и раскрыл лежащий на коленях журнал.

— Вот послушай:

Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей
и обеими руками обнимал моих друзей —
Водяного с Черепахой, щуря детские глаза.
Над ушами и носами проплывали небеса.
Можно лечь на синий воздух и почти что полететь,
на бескрайние просторы влажным взором посмотреть:
лес налево, луг направо, лесовозы, трактора.
Вот бродяги-работяги поправляются с утра.
Вот с корзинами маячат бабки, дети — грибники.
Моют хмурые ребята мотоциклы у реки.

Можно лечь на теплый ветер и подумать-полежать:
может, правда, нам отсюда никуда не уезжать?[?]
А иначе даром, что ли, желторотый дуралей —
я на крыше паровоза ехал в город Уфалей?[?]
И на каждом на вагоне, волей вольною пьяна,
«Приму» ехала курила вся свердловская шпана*.

Замолчав, Юрка вновь глубоко затынулся и какое-то время так и сидел: удерживая дым в груди и прикрыв пощипывающие глаза.

— Душевно... — протянул старик с уважением. — Про работяг хорошо. Как там?[?] Поправляются с утра?[?] И про хмурых ребят — тоже хорошо. Молодой поэт-то?[?]

— Двадцать шесть лет... — Юрка запнулся. — Было.

— Умер, что ли?[?]

Юрка не ответил.

— Уфалей... Уфалей... Это где же, интересно, город такой?[?] — про-
бормотал старик.

— Да это, Аверьяныч, не важно, — вздохнул Юрка.

По трассе мимо них одна за другой проносились грохочущие фуры. Вдалеке раздался протяжный гудок маневрового поезда. Аверьяныч и Юрка курили, задумчиво глядя на прокопченное заводскими трубами небо и на зыбкие солнечные лучи, пробивающие дымную завесу над чернеющей вдали лесополосой.

* Стихотворение Бориса Рыжего.

Владимир СВЕТЛОСАНОВ

ЛЕСТНИЦА В МОРЕ

* * *

Алепские сосны, Италия, Крым.
Нелепо, но все это стало моим.
И вот я смотрю на березу,
Как будто на скучную прозу.

Стоит она в поле, стоит без прикрас,
Нисколько своей наготы не стыдись.
А мне подавай аллегорий,
Люблю Средиземное море,

Цветущих магнолий пьянящий дурман,
И яд олеандра, и пышный каштан,
Люблю за изящество линий
Ряды ватиканские пиний.

А эта стоит, как природе упрек,
И что в ней такого? Березовый сок?
Как все прозаично и просто:
Береза, бороздка, береста.

Судак

Сурож, Солдайя, Солдадя, Судак, Сугдея.
Предрасположенность местности к смене пола —
Факт исторически верный. С тех пор как Гея
Грекам проворным открыла врата Босфора,

Здесь, на бесплодном участке боспорской флоры,
Жили ордынцы, половцы, скифы и иудеи,
Турки-османы, татары (дефис) монголы,
Аланы, команы, сельджуки, нудисты, геи.

Бом-брам-стеньги гнулись, качались реи,
На соль меняли купцы бумазею.
В кладке стен крепостных, в основанье мола
Гены Генуи, водное марко поло.

Век судоходства — галеры, тюки, фелуки,
Фески стамбульские, тюркские вавилоны,
Крепость судакская, гладкие каменюки,
Сурожский летний зной и сухие склоны.

Мулла

Есть в Симеизе дом муллы,
Мулла недолго прожил в нем.
В саду куст желтой мушмулы,
Каштан столетний за окном.

Ковер, и низкий потолок,
И ряд подушек на полу.
Мело, мело... — и на восток
Судьба забросила муллу.

Дом перестроили, Коран
Не замусолился — истлел.
И дождик четок сквозь карман
Просыпался, отшелестел.

Кривая улочка наверх,
Татарская Шаан-Кая.
Давай помолимся за тех,
Кто не дождался ничего.

В саду желтеет мушмула,
И нет ни жертв, ни палачей.
Но вновь и вновь идет мулла
К мечети тропочкой своей.

* * *

Перстень с черным агатом,
Луна в ореоле тревоги,
Хлеб, пропахший лавандой,
И несколько слов напоследок,
Перед тем как уйти
По проселочной пыльной дороге.

Остается немного,
Нехитрые собраны вещи,
На прощанье присяду
На старенький стул колченогий.
Перстень с черным агатом
Сверкает в ночи зловецце.

* * *

Жесткая логика встречной волны,
Главный фарватер.
Медленно с Северной стороны
Двигается катер.

Мраморных львов устрашающий вид,
Лестница в море.
Ночью на Графской безмолвье царит,
Словно в соборе.

Неизгладимая память волны!
В сторону дома
Тянется с Северной стороны
След от парома.

Форос

Как я любил безлюдный причал Фороса,
Парус вдали, облака в предрассветной неге,
Небо с оттенком медного купороса,
Стрекот цикад и легкую грусть элегий,

Ржавый, на солнце выцветший можжевельник,
Заросли иглицы с колким ее соседством.

Там еще был лесник — прохиндей, бездельник.
Если напьется в стельку — спасайся бегством!

Кто его тут не знает? Душа — куда там!
Сядет, бывало, тут, у палатки, с краю,
Глушит портвейн, а с тутовым шелкопрядом
Сладить не может. Тут я его понимаю.

Бык, что приплыл с Европой сюда когда-то,
Вышел на берег и в ярости бил копытом
Твердую землю с обидой, с такой досадой
И на прощанье нарек этот край Тавридой.

Прощание с Понтом

Полгода на уровне моря, пора восвояси.
Уж близится осень, шумят диалоги платана,
На пасеке времени пчелы в смятении полном.

Медовый окончился месяц, окончился праздник,
Прощание с Понтом выходит немного спонтанным,
Легко набегают на камни высокие волны.

Итак, с окончаньем сезона, с прощальным заплывом,
С вечерней прогулкой вдоль берега, с пеной морскойю,
С тетрадкой стихов, сочиненных за эти полгода.

Напористый ветер склоняет внезапным порывом
Прибрежные сосны, и слышится в шуме прибоя,
В глухом фонетическом шуме, — прощанье, свобода.

Роман ГОРЕПЁКИН

ОЧИ ЧЕРНЫЕ

Р а с с к а з

1.

— А вообще-то, по крови я не армянин. Ну от силы армянин на полставки. Вот по национальности — да-а-а!

— Как так, Жора?

— А так. Мама у меня русская, сибирячка.

— Ну а папа?

— А папа — тут дело похитрее будет. Может, и есть у него армянские корни. Но факт не доказанный. Хотя у кого нет хоть капли благородной армянской крови в нашем-то городе?

— Ну а фамилия, Жора?

— Фамилия? Звучная армянская фамилия, спору нет. Только она у отца — не от рождения. Усыновленный ведь он.

— Ну ладно, а нос твой? Скажешь, не армянский? А сам-то — смуглый, чернявый!

— А то ты у нас дюже белявый? Цыганская твоя морда неумытая! Ты на себя в зеркало смотрел, Ромалэ-чавалэ*? С тобой же на базаре все цыганки, как со своим, по-цыгански лопотать начинают! А считаешься — казачок!..

У нас с Жорой такие беседы — регулярно. Совершенно беззлобные. В них нет ни намек на национальную неприязнь, ни желания уколоть собеседника. Мы можем смеяться друг над другом, над какими-то примечательными — и больше выдуманнными, чем реальными, — национальными чертами в наших лицах и характерах. Можем называть друг друга «обидными» кличками и рассказывать едкие анекдоты с подтекстом. Это ни о чем не говорит. Мы — давние друзья.

Да и вообще, у нас на Юге многонациональный народ. Тщательно вымешенный, плотно свитый и хорошо пропеченный жгучим солнышком калач. Любим пошутить насчет соседа, но абсолютно точно знаем преде-

* Ромалэ-чавалэ — шутивное прозвище из искаженных цыганских слов.

лы, за которые заходить не надо. Нас не понять другим. Для этого нужно здесь родиться и вырасти или хотя бы прожить долгую жизнь, с раннего возраста.

Весна у нас — самое замечательное время года! Стремительно, как напакостившая лисица, убегает сырая ветреная зима. До изнурительно жаркого лета еще далеко. И вот в цвету всякий плодовый мусор: абрикосы, вишни, слива, алыча... А за ними уж готовы распустить благородный цвет яблони и груши. Белопенное кружево опутало город, душистая метель стелет прохладные розоватые снежинки-лепестки по улицам, крышам, машинам... Каштаны подняли свои восковые свечи — во славу весны!

Жора закуривает, жирными клубами извергает дым и бормочет, оглядывая свой виноградник:

— Это совсем не то, что курила моя бабушка... Нет, не то! Моя бабушка покупала сырой лист турецкого табака, приносила целый ворох этих листьев, свежесрезанных. Сушила их дома в темной комнате. Перекладывала вишнево́й листво́й и донником. Вынимала из каждого листа все прожилки — на выброс. А затем самое интересное: варила табак в меду и водке! О как! Ну потом, конечно, опять сушила — все с тем же донником и вишневым листом. Крутила папиросы — тоненькие и длинные-предлинные. Аромат от них был — шарман! Все индийские благовония в подметки не годятся! Когда мне исполнилось шестнадцать, бабушка дала мне мою первую в жизни папиросу и сказала: «Жора! Никогда не кури ту дрянь, которую продают в магазине. Приди и скажи: “Бабушка, дай мне папирос”. И бабушка даст тебе настоящих папирос». Вот такая была бабушка!

— Все-таки твоя бабушка была армянкой?

— Да, армянкой. Тут и вопросов нет. Исключительной красоты была женщина! Да я ведь показывал тебе ее фотографии — еще те, дореволюционные. Разве не прекрасна она?

Жора прерывает рассказ: он заметил что-то неладное на своих любимых лозах. Жоре теперь не до меня. На коленях, по локоть в черной донской земличке, он возится с недавно открытыми после зимовки кустами, холит их умными ладонями виноградаря.

— Жора, — говорю, — ты каждый раз начинаешь про свою бабушку — и тут же прерываешься или перескакиваешь на другое!

Жора долго смотрит на меня снизу вверх, щурясь от весеннего солнышка, потом встает с земли, отряхивает комочки чернозема с обветренных рук и с пафосом отвечает:

— О, моя бабушка — это целая поэма! Правда, поэма разрозненная и местами апокрифичная, но весьма занятная. Что, хочешь послушать?

— Валяй!

— Ну и слушай, коли уши есть, слова у меня найдутся, — балагурит Жора. — Да погоди! Вот условие. С тебя потом — ваши цыганские ро-

мансы. «Машеньку», «Две гитары» и обязательно «Очи черные». «Очи» будешь играть на бис, пока не скажу «хватит». Так идет?

— Идет!

Жора радуется выгодной, на его взгляд, сделке, хохочет, подпрыгивает — этакий огромный подвижный шар с толстыми ручками и ножками и весом за полтора центнера.

2.

— Моя бабушка Мариэтта — сильно дореволюционная бабушка, тысяча восемьсот девяносто шестого года рождения. Это, конечно же, неточные сведения: подозреваю, она могла и скинуть несколько годков. Либо набавить — по собственному желанию или острой необходимости. Ко времени революции бабушке исполнился двадцать один год, и она была полностью совершеннолетней, согласно всем правам состояния Российской империи и сословным традициям. А происходила она из третьего сословия — купеческого, значит. Ну кем еще могли быть армяне из Нахичевани-на-Дону? Либо ремесленниками, либо священниками, либо купцами.

Мой прадед торговал металлической посудой: железной, медной, оловянной, серебряной, — на чем сколотил весьма приличное состояние. Он держал посудные лавки во многих южных городах России, даже в Крыму. В молодости был простым чеканщиком, потом завел торговлюшку, так потихоньку и вышел в купцы. Как поговаривают, ходил в «тысячниках»: значит, имел капитал не менее ста тысяч полновесных царских рублей. Однако значился всего лишь в третьей гильдии. Войди он, причем легко, в первую, его, несомненно, ожидали большие почет и уважение. Но гильдейский сбор в третьей гильдии был гораздо меньше. Прадед, как сейчас говорится, таким способом укрывался от налогов.

В конце тысяча девятьсот семнадцатого года у нас в Нахичевани, впервые в истории революции, столкнулись лбами казаки-белогвардейцы и восставшие пролетарии. Казаки, профессиональные военные, да еще только что с фронтов Первой мировой, с треском вышибли из города неумелого, на первых порах, противника. Но дальше пройти не смогли: сказала существенная разница в силах. Оборонявшихся красных было вдесятеро больше, чем наступающих добровольцев-алексеевцев. Так их называла бабушка — алексеевцами, не белогвардейцами. Отсюда началась Гражданская, это уж всем известная история, я тебе не буду ее пересказывать.

Расскажу лучше мало кому известные мелкие, но интересные факты того времени. Например, хитрое армянское купечество основные свои денежки хранило не в банках — во всяком случае, не в российских. Не менее половины капитала у них, как и у всех торговцев, было в обороте — в товаре, векселях, закладных и прочем. Из оставшейся половины часть

лежала-таки в банках, но зарубежных. Причем весьма экзотических. Прадедовы деньги хранились в Банке Шотландии, в самом Эдинбурге. Вторая же часть «нетоварной» половины почти у всех купцов-армян сохранилась в виде слитков драгоценных металлов. Где у кого — это уж были личные тайны. А ведь до сих пор мои братья-армяне пытаются искать старинные клады по купеческим особнякам Ростова. И, поговаривают, небезуспешно!

А началось все еще в тысяча девятьсот третьем году, когда крупные чиновники Российской империи наложили лапу на капиталы — надо думать, весьма немалые — армянского духовенства. Де-юре это был перевод дел Армяно-григорианской церкви из одного министерства в другое. Де-факто — конечно же, кто бы сомневался! — хитрые рыбаки чиновники пытались ловить рыбку в мутной водичке.

После революции тысяча девятьсот пятого года Нахичевань и Ростов наполнились бандами преступников. В крупном промышленно-транспортном узле, который составляла эта пара городов-соседей, в те времена крутились немалые деньги. А где капиталы — там и махинации, и криминал. Банды сколачивались в основном по национальному признаку и грабили иноплеменников. Некоторые, впрочем, не стеснялись обчищать и своих. А уж воры-одиночки — те и вовсе ничем не брезговали, была бы пожива. С тех пор Ростов и стал превращаться в криминальную столицу юга России. Тогда же, полагаю, он получил и свое легендарное прозвище — Ростов-папа.

И, конечно же, армянские промышленники и торговцы, славившиеся своими состояниями, в первую очередь попадали под пристальный взор воровских сообществ.

Вот почему армянское купечество решило застраховать свое дело по максимуму, от всех причуд жизни. Кроме одной — революции они предусмотреть не могли.

Ну, кто не смог — а кто и умудрился. Прадед незадолго до событий октября семнадцатого года уехал за границу — якобы по торговым делам. Уезжая, дал краткие, но очень четкие распоряжения: такого-то числа в такое-то время всей многочисленной семье находиться в таком-то месте — причем аж в Екатеринодаре. Никаких пояснений, лишь указания. По традиции никто не осмелился спросить у главы семьи о причинах и тем паче оспорить его решение. Собрались, поехали. Революция не революция, война не война — отец приказал, все выполняют безоговорочно.

Про Ледяной поход Корнилова ты, поди, и без меня знаешь. Вот по пути белой армии, отставая от нее всего на несколько дней, двигалась и семья прадеда. Прямо посередине между белыми и красными, так уж случилось. Что они там пережили, бабушка никогда подробно не рассказывала. Итог своему личному «ледяному походу» она подводила так: «По дороге все умерли от тифа, а я была изнасилована столько раз, что никакая зараза меня уже не брала».

Мариэтта добралась до Екатеринодара лишь спустя два месяца после назначенной отцом даты. По указанному адресу когда-то проживал крупный греческий промышленник, но теперь грека там уже и в помине не было. Связь дочери с отцом оборвалась навсегда, о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

До конца девятнадцатого года бабушка прожила в Екатеринодаре.

3.

Мариэтта получила весьма хорошее воспитание и образование. С одной стороны — ортодоксальное, принятое в патриархальных армянских семьях. С другой стороны — светское, по тем годам самое современное.

Она прекрасно играла на фортепиано. Видел бы ты это действо, когда бабушка раскрывала свой старинный кабинетный «Беккер»! Она облачалась в черное концертное платье, зажигала свечи, ставила в вазы букеты цветов, распаивала окна — и играла вдохновенно, страстно! Ни для кого, для себя. А под окнами через какое-то время всегда собиралась хоть и немногочисленная, но всегда рукоплескавшая в конце публика. Мне казалось, бабушка молодела на десятки лет: передо мной сидела девушка с дореволюционной фотографии — черноокая красавица Мариэтта, первая невеста всего немалого купеческого города.

Бабушка великолепно готовила. Думаю, благодаря ее кулинарному искусству я и вырос таким большим и красивым — сто пятьдесят кило настоящей мужской стати! Причем готовила она и наши традиционные армянские кушанья, и блюда старинной донской кухни, и совершенно экзотичные — родом из позапрошлого века — яства. Как они назывались, запомнить я не смог, но все это было невероятно вкусным. Да еще и требовало редких ингредиентов, которые в советское время могла достать только бабушка — благодаря своему особому искусству. О нем расскажу чуть позже.

Бабушка Мариэтта научила меня танцевать вальс. Она учила и другим танцам, но их я, увы, не освоил. А вот вальс дался мне легко, несмотря на мою внушительную уже в детстве комплекцию. Танец я готовил к школьному выпускному балу. Мне жутко хотелось удивить свою тогдашнюю любовь — девочку из параллельного класса, отличницу, медалистку и первостатейную красавицу. Ох и недотрогой же она была! А занималась одновременно всеми видами танцев: бальными, спортивными и акробатическими. Бабушка сказала мне: «Всякая девушка отнесется к молодому человеку благосклонно, если он умеет хорошо танцевать. Но если он умеет хорошо танцевать вальс — она будет принадлежать ему безоговорочно!» Ты знаешь, ведь так и случилось! Но я тебе скажу одну штуку: так, как кружилась в вальсе бабушка — старуха за семьдесят лет, не могла более ни одна из женщин, с которыми я танцевал потом. Ни у

кого не было той легкости, невесомости, той предельной красоты движений, той плавно меняющейся — в соответствии с музыкой — страсти...

Весьма недурно бабушка и пела. Правда, большого голоса не имела — или уже потеряла его с возрастом, — однако обладала красивым меццо-сопрано. Конечно же, как все женщины той эпохи, исполняла старинные русские и цыганские романсы. Настолько входила в образ, что могла плакать, смеяться и чуть ли не умирать в произведении. Ты же знаешь «Невечернюю», песню из старого черно-белого фильма? Ее там исполняет Соня Тимофеева — последняя настоящая таборная цыганка в русской театральной цыганской среде. Да мне ли говорить тебе о ней, Ромалэчавалэ? Это же у тебя я переписывал — еще с кассет — цыганку Соню, это же ты, поклонник вашего босоногого народа, где-то отрыл эти записи! А вот «Невечернюю» я услышал все же раньше — в исполнении бабушки. С Соней никто не сравнится по голосу. Но по драматизму — Мариэтта бы не уступила.

Бабушка владела несколькими иностранными языками. Английским — в совершенстве: вела при отце всю его деловую переписку с Эдинбургом, служила при нем переводчицей во время встреч с партнерами-британцами, для чего отец вывозил ее в Тифлис, Ялту и даже в Питер. Английский она изучала с раннего детства со специально выписанной преподавательницей, англичанкой родом из Мидлсекса. Французский, по ее словам, был ей известен «в достаточной мере, чтобы свободно изъясняться, читать и писать, но далеко не как парижанка». Ее владение еще парой языков — польским и греческим — меня долго удивляло, пока я не узнал истории их освоения. Ну и, конечно же, русский и армянский языки, как родные. Думаю, что, кроме билингвальности от рождения, которая позволяет таким детям легко осваивать иностранные языки, у Мариэтты были и врожденные способности.

И на всех этих языках бабушка восхитительно, невероятно цветисто, в десять этажей, умела ругаться. Я, конечно, могу судить только по ее русским, армянским и немножко английским выражениям. Но по аналогии могу предположить, что и французские, польские и греческие идиомы были столь же живописны. Причем ругалась она, не повышая тона, строя длинные, красивые, законченные предложения. Сапожная «матушка» звучала в ее исполнении как высокий штиль.

К слову, о сапожниках. Все знают из блатной песенки о ростовских армянах-обувщиках, которые «шьют фартовые сапожки». А ведь это древнее и благородное мастерство действительно было когда-то в чести, и ростовские мастера-армяне славились своей обувью. С одним таким, тоже дореволюционным, старичком, бабушка водила дружбу. Специально для нее старик Галуст шил ботики, туфли, те же сапожки — такую обувь не увидишь нынче нигде, разве только в каком-нибудь восточном музее. У Галуста обувались лишь несколько клиентов — стариков и старушек его возраста. Он тачал обувь на дому, работал в большой, почти пу-

стой комнате коммунальной квартиры на Портовой улице. Комната была увешана сапожными материалами и инструментом, в углу стояла тахта и скамьи для клиентов, да еще была ширма, отделявшая жилой угол от мастерской. Сколько раз я бывал у этого мастера, столько заставлял там одну и ту же компанию: самого Галуста и двух еще более преклонных, ветхих, как истлевшие мумии, музыкантов. Один играл на зурне*, другой — на дхолье**. Играли они тихо-тихо. И непрерывно. Негромким ручейком журчала музыка, и так же почти бесшумно, исключительно вручную, не используя никаких машинок, работал старик Галуст.

Говорят, он и умер за своей работой. Закончил пару обуви, поставил на лавку, склонил голову и заснул навсегда. Единственный случай, когда я видел, как бабушка плакала, — после похорон сапожника Галуста.

Что же касается одежды, то бабушка сама была и швеей, и закройщицей, и кутюрье в одном флаконе. Шила все: от сорочек до пальто. Даже изготавливала шляпки — немыслимых по нынешним временам фасонов. Вся работа, от грубой до самой тончайшей, делала на швейной машинке «Зингер» тысяча девятьсот пятого года выпуска. Машинка стояла на страшно тяжелой чугунной станине с колесиками. Когда-то к ней пристроили электродвигатель, уже в послевоенные времена, кто — не знаю. Работа была сделана аккуратно и добротнo. Но бабушка презирала этот чужеродный прибор, называла его «рамада сбоку». Двигатель обычно был отключен, бабушка шила, качая ногами ножной привод. Шила для себя, иногда в подарок своим старым приятельницам. Мне шила самую разнообразную одежду. В ней я походил на гимназиста царских времен, а не на советского школьника. Я неоднократно слышал просьбы к ней о пошиве на заказ. Она всегда отказывала, хотя могла бы зарабатывать этим очень неплохие, по советским меркам, деньги, потому что обращения поступали порой от жен самых высокопоставленных лиц: секретаря парткома, директора универсама, председателя профсоюза водников... Но всем и всегда давался от ворот поворот. Работать портнихой она могла, но зарабатывать этим не желала.

В некоторой мере бабушка владела и изобразительным искусством. Я никогда не видел, чтобы она рисовала какие-нибудь акварели, писала маслом, или еще чего-то в этом роде. Не интересовалась она ни пейзажами, ни натюрмортами, зато могла взять карандаш и быстро, скупно, в два-три десятка штрихов, очень точно набросать человека. Если ей хотелось, то она делала полный карандашный портрет со множеством нюансов, в замысловатой технике, и он начинал выглядеть как черно-белая фотография. Однако чаще она рисовала лишь общие контуры головы и набрасывала черты лица, но очень похоже, очень реалистично. Если это был знакомый мне человек — я узнавал его моментально. Кстати, свои

* Зурна — древний язычковый духовой инструмент, деревянная трубка с несколькими отверстиями и двойной тростью. Распространен на Востоке, Балканах, в Малой и Средней Азии и на Кавказе.

** Дхол — восточный двусторонний барабан.

рассказы она часто сопровождала рисунками, изображала лица или фигуры описываемых ею персонажей. Ты видел рисунки на стенах моего кабинета? Вот это они и есть.

4.

У бабушки хранился кольт — знаменитый пистолет модели M1911. Мистер Браунинг запатентовал его в тысяча девятьсот одиннадцатом году, а на вооружении он чуть ли не по сию пору. Но суть не в этом. И не в том, что бабушка держала у себя кольт — в глубоко советские времена! — конечно же, нелегально. И даже не то интересно, что она могла — и делала это регулярно — быстро разобрать, обслужить, собрать и зарядить оружие. Выполняла она эту работу легкими и точными движениями, ровно так же, как танцевала вальс. Видимо, опыт обращения был столь велик, что вошел в ее тело на уровне рефлексов.

А вся соль вот в чем...

Однажды ранним летним утром — бабушка всегда вставала в пять утра, а меня будила в шесть, и как же мне это не нравилось! — она объявила: «Сегодня поедem упражняться в обращении с оружием». Я сразу понял, что в дело будет пущен кольт, и, как всякий мальчишка, радовался безмерно. После завтрака бабушка появилась в костюме «амазонка»: темно-зеленый жакет в талию, длинная широкая складчатая юбка из того же материала, сапожки без каблуков, белый батистовый платок на шее и зеленая шляпка с узкими полями и вуалеткой. Все, естественно, сшито собственноручно.

Еще не было и семи утра. Бабушка вышла на улицу. Я смотрел на нее из широкого окна — мы жили на втором этаже старинного дома, — стройную, изящную, в необыкновенной одежде, и бабушка отнюдь не казалась мне старухой. А в ту пору ей было уже сильно за шестьдесят лет.

Подъехала машина — великолепная, сияющая хромом решетки и гляncем кузова бирюзовая «победа». Вылез шофер, маленький толстый человек в длинном кожаном пальто и шляпе, приблизился к бабушке. Они коротко переговорили, шофер что-то передал бабушке и удалился, заложив руки за спину. Бабушка вернулась в квартиру, взяла приготовленную корзинку, позвала меня, и мы вышли на улицу. Она открыла заднюю дверь «победы», поставила там корзину, мне указала на переднюю дверь. Я забрался в машину и погрузился в удивительный аромат автомобиля — смесь запахов кожаных диванов салона, моторного масла и табака. А бабушка в который раз удивила меня: она села на водительское место, вставила ключ в замок зажигания, завела машину и уверенно, я бы даже сказал, лихо повела ее пустыми, солнечными улицами города.

По мосту мы переехали на левый берег Дона и долго катили по пыльным проселкам, между заросших камышами речных протоков, меж болотистых лугов и колхозных полей. Мне нравился плавный ход машины, раз-

меренный шум ее мотора, нравился свежий утренний ветер, врывающийся в открытые окна. На ветру трепетала бабушкина вуалетка, бабушка улыбалась, а ее тонкие смуглые кисти легко крутили баранку.

Наконец мы остановились. Вокруг расстилалась зеленая пойма Дона в узоре из тонких серебристо-синих жилок — рукавов и каналов. Впереди был высокий глинистый косогор, закрывавший горизонт, над ним — бледное небо.

Приподнимая подол длинной юбки, бабушка пошла вверх по косогору, я — за ней. Наверху я увидел, что мы находимся у огромного карьера. Карьер был очень старый и заброшенный, выработка камня в нем давно не велась. Громадная впадина густо поросла сорняками и кустарниками. Наверху уже припекало жаркое солнце, а из карьера тянуло приятной прохладой.

Мы долго спускались, петляя между желтыми каменными глыбами, зарослями и кучами щебня, пока не добрались до плоского луга на дне. По всему лугу редко стояли старые ивы.

Под одним из полумертвых деревьев мы остановились. В нижней части ива зеленела молодыми ветвями, а вверху торчали сухие, лишённые коры, выбеленные дождями и ветром острые обломки. Тут была тишина, лишь негромко распевали какие-то птицы. Бабушка открыла корзину, сбросив с нее платок. Поверх свертков с припасами для пикника, меж бутылок с напитками, прямо посередине лежал кольт и пачка патронов к нему. Вот так вот просто — лежал пистолет. Причем, как оказалось, уже заряженный. Так безбоязненно бабушка возила опасное во всех смыслах оружие.

Она взяла кольт, быстро передернула затвор, подала пистолет мне и сказала: «Стреляй, голубчик». Рукой показала куда: в дерево, отстоявшее от нас шагов на десять-пятнадцать.

Я взял оружие. Его внушительный вес и холод металла были для меня не новы, я неоднократно играл с ним дома, воображая себя то ковбоем, то партизаном, то милиционером. Двумя руками я поднял пистолет, вытянул руки, начал целиться, жмуря один глаз. В общем, все ровно так же, как делал в своих играх. И, будто в воображаемом сражении, я быстро нажал на спусковой крючок — это я тоже проделывал миллион раз с незаряженным кольтом... А вот дальше все пошло совсем не так, как в игре.

Гром оглушил меня. Отдача дернула руки вверх и больно прошла по детским костям. В нос ударил едкий запах пороха. От испуга я уронил пистолет и тут же разревелся.

Бабушка присела, одной рукой подобрала кольт, а другой прижала меня к себе. Она что-то говорила мне, но я почти ничего не слышал. Я обнимал ее, плакал ей в плечо и ощущал, как ее теплая маленькая рука гладит меня то по спине, то по голове.

Потом я, конечно, успокоился. Наверное, прошло совсем немного времени, потому что в мертвом воздухе карьера еще стояла пороховая

гарь. Вскоре немножко разложило уши и перестали болеть руки. Бабушка так и сидела на коленках передо мной, улыбалась и уже ничего не говорила. В складках широкой бархатной юбки мирно лежал страшный кольт.

Бабушка придвинула к себе корзину, расстелила платок, разложила на нем всякие угощения, и я принялся уплетать все подряд. Заедать испуг, как говорится. А она лишь отщипывала маленькие кусочки от сдобной домашней пышки. Спустя какое-то время ко мне полностью вернулся слух. Я забыл о своем позорном реве. После этого мы долго бродили по карьере. Воображали, будто это таинственный остров. Обследовали его укромные уголки, заросли и рощицы, взбирались на крутые каменные склоны и представляли, что степь вокруг — это бескрайний океан, в котором затерялся наш маленький зеленый клочок суши.

Наконец мы вернулись к корзинке под ивой. Солнце стояло высоко-высоко, тени почти исчезли. Бабушка выкурила длинную тонкую папироску, а потом сказала: «Будем считать, что ты прошел минимальный курс владения оружием. Для твоего возраста этого достаточно». Она ни словом, ни интонацией, ни своим видом не напомнила мне о том, как я расплакался. И добавила: «Теперь я постреляю, голубчик».

Она взяла кольт со дна опустевшей корзинки, оглянулась, ища цель, выбрала дерево на приличном расстоянии. Сказала мне: «Открой-ка рот, голубчик», — и начала стрелять. Шесть выстрелов — пистолет был семизарядный, один патрон использовал я — прозвучали без остановки. Стреляла она от пояса, держа пистолет одной рукой, чуть наклонившись и слегка прижав ее к бедру. Руку подбрасывало, но она моментально возвращала ее в исходное положение. Я, конечно, опять оглох, но уже не устроил истерики. Белый дымок быстро рассеялся. Бабушка притянула меня к себе и, все так же улыбаясь, сказала прямо в ухо: «Иди-ка, голубчик, посчитай, сколько раз я попала».

Я побежал к дереву-мишени.

Чуть выше моей головы в сухой расщепленной древесине были отверстия. В некоторых виднелись искореженные пули. Шесть отверстий лежали кучно, образуя маленькое облачко. Я, конечно же, восхитился бабушкиной меткостью и сноровкой. Но тогда, в том возрасте, я еще не понимал, какое это было мастерство и какой тренировкой оно могло быть достигнуто.

Потом мы вернулись домой. Пистолет, как и утром, ехал в корзине на заднем сиденье рядом с ненужными обертками и пустыми бутылками из-под узвара, чуть прикрытый бабушкиным платком. Дома бабушка положила оружие и патроны на обычное место — в верхний ящик резного комода. За бирюзовой «победой» пришел толстый человек в кожаном пальто.

Мне страшно хотелось рассказать обо всем мальчишкам-приятелям. Но я сдержался. Меня никто не заставлял молчать, я сам понимал, что о таком не болтают.

Много раз, когда я уже подрос, мы ездили с бабушкой в наш «тир», все время на разных машинах, появлявшихся из ниоткуда. И я уже стрелял по-настоящему, много и с удовольствием.

5.

Однажды мы побывали на регате. В то время Гребной канал еще не построили и спортсмены соревновались в Стародонье — отгороженном дамбами старом русле Дона. Мне понравилось состязание гребцов: динамичное красивое действо на воде и свежем воздухе. Тогда бабушка высказалась в том духе, что парусный спорт — еще более захватывающее дело, особенно когда сам участвуешь в этом. Сам, на парусной яхте, в волнах и соленых брызгах, под порывами ветра и раздутыми парусами. Я начал было расспросы, но беседа на эту тему у нас не сложилась.

А в августе того же года меня неожиданно отправили в Ялту. Вдвоем с бабушкой.

Выяснилось, что бабушка прекрасно помнила этот город, в котором не бывала, по ее словам, лет сорок с лишним. Но только помнила она его таким, каким он был до революции и сразу после нее: со старыми названиями улиц, с именами давно исчезнувших владельцев дач, домов и дворцов, с совершенно иными вывесками магазинов.

Мне это было неинтересно, я хотел одного: купаться и загорать на мелкой белой крымской гальке. А еще я страстно мечтал поплавать на парусной лодке. Днем и ночью по синим водам залива стайками бабочек порхали лодки. Ах, как хотел я оказаться на одной из них! Я постоянно клянчил это у бабушки, и наконец она пообещала: «Мы выйдем в море под парусами!»

Мы долго шли по берегу. На склонах гор лепились домики, а у воды лежали лодки и сушились сети — это начался рыбацкий поселок. У одной из лодок — черной, длинной, хищной, как какая-нибудь злобная рыба, — сидел босой человек с голым торсом густо-фиолетового цвета. Это был старый грек, носатый, седоусый, с большими, сильно выпуклыми черными глазами. Сначала он глядел на нас исподлобья, на русскую речь бабушки отвечал коротко и тихо, хотя и не грубо. Потом она заговорила с ним по-гречески — и грек заулыбался, вскочил, начал тараторить громко и много, жестикулируя и непрестанно обнажая в улыбке редкие, белые, как у юноши, зубы. В конце концов он слегка поклонился бабушке, быстро вынул из лодки свои многочисленные снасти и побросал их на гальку, а в лодку уложил связку длинных шестов, обмотанных тканью, какие-то веревки, две пары весел, еще что-то... Потом потянул лодку в воду, разрезая море ее острым носом, и лодка ожила на волне, лишь корма еще цеплялась за белую галечную отмель.

Сначала бабушка, а потом я — мы перелезли через борта и сели на длинные скамьи вдоль лодки — банки. Грек еще потянул лодку, и она

целиком легла на воду. Он зашел по колено в море и хотел было забраться к нам, но бабушка запротестовала, снова что-то сказала по-гречески, смеясь и качая головой. Носатый старик тоже отвечал со смехом, потом сильно толкнул лодку к морю, махнул нам рукой и вышел из воды.

Тут мне, честно говоря, стало страшновато.

Ярко-синее море лишь чуть волновалось под слабыми порывами ветра. Берег был совсем рядом, и фиолетовый грек почти не уменьшился в размерах. Невдалеке играли дети — они забавлялись с большой рыжей собакой. Но мне стало жутко одиноко. Бабушка заметила, что я скис. «А ну-ка, голубчик, помогай своей старенькой бабушке! Разматывай парус!» — сказала она мне и указала на шесты с рулоном ткани, грубой, непонятного цвета. Пока я тянул полотнище, постепенно раскладывая его в лодке, бабушка сбросила с себя лишнюю одежду — пиджак, длинную юбку, шарф — и оказалась в просторных белых штанах и свободной белой блузе навыпуск. Затем она скинула туфли, сняла непременную шляпку — и ветер рванул ее смоляные, без единой седой пряди волосы. Она закатала широкие рукава и стала вместе со мной разматывать парусину.

Когда шесты освободились, бабушка соединила их вместе и закрепила мачту — а это была складная мачта — в специальном устройстве на дне лодки и у бортов. Затем она растянула несколько канатов, прикрепленных к шестам, притянула короткими отрезками веревок полотнище — и через несколько минут над нами взвился огромный треугольный парус. В парусе захлопал ветер, туго натянутые канаты завибрировали, за кормой неожиданно вспенилась вода, и лодка пошла, чуть кренясь и лавируя, вдоль берега. Это было чудо!

На корме лодки оказался руль, бабушка немного повозилась с механизмом управления, и тут же лодка перестала менять курс, как ей нравится. Легко ступая босыми ногами, бабушка перебежала сначала на нос, что-то сделала там со снастями, потом вернулась на корму, немного высвободила конец какой-то веревки и уселась на кормовой банке. Держа одной рукой руль, а другой — веревку, прикрепленную к углу паруса, она стала управлять лодкой, и та начала послушно менять курс, следуя движениям бабушкиных рук.

Я был на корабле, под парусами, в море, и этим кораблем управляла моя бабушка. Это было невероятно, но именно так и было!

Потом мы долго ходили галсами вдоль побережья Ялтинского залива, от мыса к мысу, немного заплывали за них и возвращались назад, а потом снова шли к рыбацкому поселку, еще несколько раз удалялись в открытое море и опять возвращались...

На самом деле все наше плавание проходило совсем недалеко от берега, метрах в пятистах максимум. Но что это было за плавание! Этого не передать словами! Под руководством и с помощью бабушки я как-то освоил управление парусом и рулем. И хотя моих детских силенок явно не хватало для этой работы, я уже казался себе по меньшей мере Джимом

Хокинсом, героем моего любимого «Острова сокровищ». Только став намного старше, я осознал — как и в случае со стрельбой из пистолета, — сколько же сил и сноровки было в небольших руках моей уже очень немолодой бабушки!

6.

В бурных двадцатых годах прошлого века Мариэтта была контрабандистом и пиратом на Черном море. Вот так вот, ни больше и ни меньше. Не знаю, считаются ли грамотными, литературными терминами слова «контрабандистка» и «пиратка». Бабушка называла себя только в мужском роде: контрабандист, пират. Я узнал об этой части ее долгой жизни уже тогда, когда бабушка не могла вставать с постели. Ей было больше девяноста лет, а она все еще сохраняла ясность памяти, остроту ума и твердость характера. Только физические силы были уже на исходе.

...К лету тысяча девятьсот двадцатого года Мариэтта оказалась в Крыму. Там доживала свои последние месяцы армия Врангеля. Еще в Екатеринодаре Мариэтта сошлась с офицером-алексеевцем, поляком по имени Вацлав. За время их связи она выучила польский язык вместе со всеми красочными польскими ругательствами, сфотографировалась с Вацлавом, одетым в форму казака-терца, — эту фотографию она хранила всю жизнь, — переехала в Ялту и забеременела.

Я не думаю, что отношения Вацлава и Мариэтты были юридически оформлены. Она упоминала, что никогда не была венчана, ни в какой конфессии. Иных же брачных обрядов она и вовсе не признавала, хотя религиозной не была, скорее наоборот, исповедовала некую форму насмешливого атеизма. В рассказах никогда не называла Вацлава мужем, только «мой Вацлав» или «мой любимый».

Почему они расстались, мне неизвестно. На прощание Вацлав обнял ее, поцеловал и, не выпуская из объятий, два раза ударил в живот большим кавказским кинжалом. Беременную, на шестом месяце. Положил, онемевшую, с широко распахнутыми глазами, на низенькую кушетку и вышел за дверь квартиры, которую они снимали вдали от моря и опасной портовой жизни.

Начинался теплый крымский ноябрь. Через неделю армия Врангеля навсегда ушла из России на русских кораблях под французскими флагами.

Убивал ли Вацлав свою женщину в предвидении той катастрофы, что ожидалась для них с уходом белой армии из Крыма, и тем самым, по своему разумению, совершал благо для любимой? Обезумел ли, как многие достойные до той поры люди, от жестокости войн, участником которых он оказался? Или просто не захотел взваливать на себя обузу в виде жены и ребенка в лихие времена? Мариэтта этого так никогда и не узнала. Велики и чудны Твои дела, Господь Бог Вседержитель! Он зарезал ее, но-

сившую его ребенка, вероломно и хладнокровно, — а она продолжила его любить всю оставшуюся жизнь.

Мариэтту, с выкидышем, почти при смерти, но в сознании, обна- ружила хозяйка квартиры, пожилая еврейка. Она поднялась со своего цокольного этажа к квартирантам, потому что с потолка сквозь широкие щели ветхого дощатого перекрытия к ней начала капать кровь. Выхаживала раненую, кормила, делясь своим скудным хлебом, весь страшный, полуголодный двадцать первый год. Приходили чужие люди — называла своей племянницей, которую ранили отступающие белогвардейцы, благо восточная внешность Мариэтты делала эту ложь похожей на правду. Еврейка была сестрой милосердия в ялтинском госпитале и при старом режиме, и при Врангеле, и при новых властях. Там она смогла добыть ткань для перевязок и кое-какие лекарства. Но что это были за лекарства! Как Мариэтта смогла выжить с такими ранами без антибиотиков и помощи современной хирургии, уму непостижимо.

А еврейку в конце концов расстреляли вместе с другими сотрудниками госпиталя, вместе с ранеными солдатами и офицерами. Многие пациенты были, конечно, белогвардейцами. Но некоторые военные были ранены еще в Первую мировую и уже давно не держали в руках оружия. Какой-то древний генерал, помнивший еще русско-турецкие войны, уже и так был на краю могилы по естественным причинам, и его все равно убили. Казнили даже сторожей и писаря госпиталя. Но расстрелы эти устроили вовсе не красноармейцы, как принято считать, а повстанцы-партизаны — бандиты, попросту говоря. Они вошли в города Крыма сразу после ухода Врангеля. Красная армия добралась до Ялты лишь несколько дней спустя. К этому времени банды самого разного национального состава и убеждений, а чаще вовсе без них, уже разграбили город и залили его кровью.

Из госпитальных уцелел лишь мальчик-ногаец. Он выполнял при госпитале специфическую работу: хоронил ампутированные конечности и внутренности. Таскал на пустырь окровавленные отходы хирургических операций и прикапывал их в жестком каменистом грунте, пересыпая ще- локом. При разрушенной медслужбе иного способа утилизации не было, а этих отходов — хоть отбавляй. Жил мальчишка все у той же старой еврейки. Она давала ему кров и пищу, а он собирал для нее в окрестных горных рощах дрова — черные корни и белые сучья.

Тихим утром ногаец приполз в дом, забился в низенькое подполье и в ответ на все расспросы только быстро-быстро шептал: «Всэх убыл! Всэх убыл!»

После гибели хозяйки Мариэтта собрала свой нищенский узелок и бежала из Ялты. Берегом моря в ненастную безлунную ночь прошла пят- надцать километров в сторону Гурзуфа, под утро спряталась в каком-то гроте и там передневала. А ночью снова зашагала вдоль линии прибоя... Цели у нее не было, просто шла и шла бесконечными ночами. Пряталась

днем, пряталась и по ночам, если видела вблизи людей, слышала выстрелы, крики или просто разговоры. Питалась чем придется, пила откуда попало.

В какую-то из ночей у нее снова открылись раны, началось кровотечение, силы и сознание ее покинули.

7.

Очнулась Мариэтта в маленьком потаенном поселке. В узком ущелье пряталось несколько сарайчиков. По дну ущелья протекал мелкий ручей, поэтому оно густо заросло кустарником и деревьями. Два высоких скалистых мыса закрывали все подходы с берега. Со стороны прибрежных гор место и вовсе было недоступно и почти невидимо. Извилистая и мелкая бухта не позволяла зайти в нее сколько-нибудь крупным судам.

Здесь жили греки, всего три семьи. Ни в одной семье не осталось взрослых мужчин. Как позднее выяснилось, греки под прикрытием рыбацкого промысла занимались контрабандой. Однажды мужчины ушли в море за товаром и не вернулись. Случилось это уже более года назад. В поселке остались пять женщин — две старухи, три помоложе — да пятеро детей разного возраста, не старше восьми лет.

Незнакомку без признаков жизни нашли за мысом дети, приплывшие туда в поисках добычи, приносимой прибоем. Они вынули из холодных рук женщины узелок с вещами, сняли с нее все, что им понравилось, и вернулись домой, где рассказали о находке одной из старух. Та села в лодчонку, приказала старшему внуку сопровождать ее, сама взялась за весла — и через несколько минут уже осматривала тело.

Целью старухи-гречанки было либо убедиться, что дети обнаружили труп, либо добить найденную, а затем поскорее избавиться от этой находки, дабы не привлекать ненужного внимания. Молодая женщина была жива. Значит, придется убить ее. Тяжелым голышом по черепу — и делу конец!.. Однако, увидев место и характер кровотечений — из половых органов и в ужасающем количестве, — старуха пожалела несчастную чисто по-женски. И, вместо того чтобы опустить на ее голову камень, погрузила вдвоем с внуком исхудалое, невесомое тело в свою лодку.

Мариэтта снова выжила. Мало-помалу пришла в себя, потом окрепла и осталась в этом тайном поселении — без надежд на возможное возвращение к иному обществу и вообще без мыслей о будущем.

Здесь обитатели жили только морем: рыбачили и собирали то, что выбросят волны. У них в распоряжении было несколько совсем мелких весельных лодочек, небольшая, изрядно побитая парусная шлюпка и старый парусно-моторный баркас. Этот баркас применялся мужьями-контрабандистами как запасной, если их основное «промысловое» судно требовало ремонта. Женщины баркасом не пользовались, в открытое море не ходили.

Питались они в основном соленой и вяленой рыбой, моллюсками, иногда мясом дельфина и даже чайками. Кое-что перепало от растущих по крутым склонам ущелья груш, мелкой айвы-дичка и шиповника. Огонь разводили только в глубокой, хорошо защищенной пещере, и то редко, лишь когда совсем замерзали. В этой пещере и жили все вместе в холодное время года. А на весну, лето и раннюю осень перебирались в сарайчики, слепленные из чего попало, практически под открытое небо.

До того как погибли мужчины, эта каменная щель была временной базой-укрытием контрабандистов и эдакой летней «дачей» для их семей. Осенью они переселялись в горную местность в нескольких километрах от моря. Но после смерти кормильцев и защитников, после нескольких смен власти в революционном Крыму, после нападений бандитов на горный поселок, разграблений и убийств его жителей женщины больше туда не вернулись. Боялись новых хозяев жизни, боялись старых соседей, которые могли припомнить им ремесло погибших мужей, боялись тех, с кем знакомы не были, но кто уже вольготно расселился в их поселковых домах.

В укромном месте хранились всяческие запасы: топливо и масло для лодочных моторов, кое-какие запчасти, всякая морская снасть, немного оружия и патронов к нему и даже небольшая сумма денег. Когда-то были и мука, и крупы, и консервы — все, что требуется, чтобы спокойно прожить месяц-другой. Однако эта «цивилизованная» пища давно уже кончилась.

Вот здесь-то Мариэтта и выучила греческий. С ее лингвистическими способностями ей не составило труда овладеть еще одним языком. К осени двадцать второго года она уже считалась своей в этой странной полудикой, полуголодной, полностью оторванной от внешнего мира стае.

Всем здесь заправляла старуха Агата, та самая, что из внезапной жалости оставила в живых найденную незнакомку. Агата была толстой, почти беззубой, практически лысой. Остатки седых волос собирала в узел на макушке и голову ничем не покрывала. Она вообще и в стужу, и в зной ходила босиком, в шерстяной юбке и овчинной безрукавке на голое тело, мехом внутрь. Кроме того, была она краснолицая, безбровая, изрядно усатая и почти непрерывно курила короткую трубку. Видимо, у нее имелся отдельный схрон табака.

Муж Агаты при жизни был главой шайки, поэтому и ей досталась главенствующая роль среди женщин.

Также здесь была невестка старухи Мика, красивая гречанка лет тридцати с пышной копной черных волос и крупным сильным телом. Двое сыновей Мики, что приходились Агате внуками, были старшими детьми в стае. Еще жены двоих других погибших контрабандистов — полные, достаточно молодые, но апатичные женщины, их дочери — девочки от трех до пяти лет да старая нянька, служившая в одной из этих семей, — вот и все подчиненные старухи Агаты.

Пиратство не было основным занятием контрабандистов. Однако они не брезговали при случае грабить таких же, как и они сами, мастеров темных дел, а также мелких торговцев и даже простых рыбаков. Бывало, нападали на прогулочные яхты, если заранее знали, что не встретят вооруженного отпора. В жестокие революционные годы, при возросшем спросе на нелегальные товары контрабандный промысел расцвел пышным цветом. Заодно, как это всегда бывает во времена, когда насилие остается безнаказанным, увеличилось и число прямых морских разбоев, доходы от которых значительно перекрывали риски.

Но мужчин этого клана навсегда забрало Черное море, и их жены и дети остались на берегу сиротами, не имеющими куска хлеба и теплого угла.

8.

Зябким октябрьским утром старая Агата сидела на чурбаке у входа в пещеру, щурила глаз от дымка своей вонючей трубки и внимательно наблюдала, как молодые гречанки, а с ними и Мариэтта, шли от моря вверх, неся в корзинах утренний улов. Мариэтта уже вполне овладела азами морских ремесел: управлением весельной и парусной лодками, рыбалкой с помощью сети, разделкой и примитивным приготовлением рыбы. Руки ее стали такими же, как и у рыбацек-гречанок: грубыми, красными, разъеденными морской солью. Тело от черноморского загара приобрело фиолетовый оттенок, а одежда износилась и изорвалась, как у всех.

Женщины по традиции поставили корзины перед Агатой. Та заглянула в них: каждая была полна. Но старуха нахмурилась и недовольно за сопела, а потом и вовсе стала браниться и пинать корзины толстыми, как у бегемотихи, ногами, расшвыривая еще живую рыбу. Она яростно топтала ее, расставив в стороны огромные голые руки, на которых тряслись комья жирной плоти.

Закончив этот безумный танец, Агата снова уселась на свой чурбак и как ни в чем не бывало ухмыльнулась беззубым ртом. Младшие рыбацки только недоуменно переглянулись.

— Вот что я вам скажу, вонючие вы медузы, — начала вещать сильным голосом Агата, перекидывая трубку из угла в угол рта. — Если кому еще нравится жрать эту дохлятину, — она взглядом указала на разбросанную рыбу, — оставайтесь тут навсегда и подышайте, мне-то что с того? А у меня рыбы кости стоят уже не то что поперек горла, а поперек зада! Вместо белого хлеба — гнилые груши! Вместо розовой бараньей печенки — протухший еще при жизни баклан! Мне это вот как надоело!

— Чего ты хочешь? — осторожно перебила ее невестка Мика.

— Хочу заняться делом. Делом! А не ковырянием в рыбьих кишках!

— Каким делом?

— Сегодня была ясная ночь. И этой ночью я стояла на «башне», — старуха Агата трубкой указала вверх: «башней» называли высшую точку на мысу, закрывающем щель с запада, — и видела в море корабль. На этом корабле выставили два огня по борту, а потом убрали.

Агата помусолила толстыми губами трубку, выпустила дым и продолжила:

— Я также видела, как к кораблю подошла лодка. Потом отвалила. Потом приходила еще одна лодка. И еще одна. Все ушли в разные стороны. Ни одна лодка не запускала мотор. Ни одна не подняла парус. Лодки шли так, что мне стало ясно: на них было не более двух гребцов. Уж в этом я уверена!

Агата опять умолкла, потом многозначительно выкатила глаза:

— Это означает, что дело опять пошло! Сюда снова прибыли большие купцы, и к ним приходили купцы поменьше — разбирать товар. Они повезли товар каждый в свою нору. А оттуда потащат сбывать его перекупщикам. И снова в море — к большому купцу под любыми флагами... Вот что происходит! А мы сидим тут, приросли к камням, как ракушки!

Агата снова пососала трубку, огляделась по сторонам, потом ударила себя ладонями по громадным бедрам и выкрикнула:

— Время заняться делом! Я уже все продумала, даже кое-что подготовила за вас, бестолковых неумех! А теперь и вам пора взяться за работу. Давайте-ка, подбирайте скорей и готовьте эту поганую рыбу, глаза б мои ее не видели! Да потом все собирайтесь и слушайте бабу Агату!

Старуха потянулась к ветви сумаха, сорвала несколько коричневых ягод, с размаху бросила их в рот и долго жевала, морщась то ли от удовольствия, то ли от резкой кислоты плодов. Солнце припекало, пот крупными каплями выступал на багровом лице Агаты. Она расстегнула овчинную безрукавку, распахнула ее полы и выставила под солнце огромные, темные, будто кожаные бурдюки, груди.

Молодые женщины между тем собрали рыбу и принялись ее потрошить прямо на камнях. Старая нянька с закутанным по самые глаза лицом возилась с младшими девочками. Мальчики, внуки Агаты, убежали к морю и купались в молочно-зеленой, матовой пенной воде, невзирая на октябрьскую прохладу.

Агата скрылась в пещере. На ходу она сильно раскачивалась и размахивала руками. Спустя какое-то время вылезла наружу с тяжелым мешком, раскрыла его и, придерживая одной рукой, другой начала извлекать и раскладывать на камнях грязные тряпичные свертки. Сильно запахло машинным маслом.

Мариэтта надрезала потрошенные тушки рыбы, натирала их крупной морской солью и продевала сквозь рыбы головы веревку — готовила улов к копчению в дыму костра, который горел в пещере с начала холодов. Она стояла ближе всех к старой Агате и видела, чем та занималась. По виду свертков, их тяжести и запаху она поняла: Агата вынесла из тайника

оружие и готовит его к «делу», о котором только что так страстно говорила.

В мешке оказалось четыре винтовки, несколько пистолетов разных марок и калибров и даже пара гранат. Там же нашлось и кое-какое холодное оружие. Развернув арсенал, Агата уперла в бока толстые, словно раздутые воздухом, кулаки. Потом покосилась на сидящую рядом Мариэтту и, добродушно улыбаясь одним углом рта, спросила:

— Я слыхала, ты умеешь обращаться с такими игрушками?

— Приходилось, — просто ответила Мариэтта.

— Да-а-а... — задумчиво протянула старая Агата. — Сейчас такие времена... Даже тощие городские селедки и хилые армяночки-купчихи — и те научились владеть винтовкой. А я ведь, моя ты милая, с пятнадцати лет в море с моим покойным мужем! Как украл он меня у отца-матери, так и вышли мы с ним на дело в ту же ночь. Не на супружеское ложе возлегли, а пошли на морской простор в шторм. Да в такой шторм, я тебе скажу! Да на такое дело! И этими вот руками в мою брачную ночь я сжимала ружье вместо тела любимого... Я ведь только годика три как не стала с мужем ходить за товаром. Старость подступила, шея больше не ворочается. А до той поры — о! Я могла работать веслами от заката до рассвета, не разгибаясь! Не всякий мужчина-моряк мог со мной состязаться!

Агата действительно страдала какой-то болезнью позвоночника, из-за чего почти не двигала головой. Ей приходилось либо косить глазами, либо разворачиваться всем своим жирным телом. Вот и сейчас, пустившись в воспоминания, она разговаривала с собеседницей, бросая на нее короткие косые взгляды.

— С тех пор мы так и жили с ним, с мужем моим, упокой, Господи, его душу и прости ему все прегрешения. В море дольше, чем на берегу. Бывало, я месяцами жила как нищенка и питалась хуже бездомной собаки. Зато потом надевала княжеские наряды, золота носила на себе больше, чем египтянка, и пробовала пищу, какой не едали султаны! В молодости мы побывали в турецком Константинополе, в болгарском Бургасе, в итальянских портах и на берегах родины моего народа — Греции. И даже в Париже были. Вот как я жила, простая морячка! Мы ночевали в лучших гостиницах, и муж мой водил меня во французские рестораны четыре раза в день. И что за яства мы там вкушали!.. А теперь самое большое мое желание — хлебная лепешка. Сдобная пшеничная лепешка, божественно ароматная! И кусок жареной баранины, и чтобы мясо срезали с молодого барашка, пока он еще бьется и трепещет. Вот чего я хочу больше всего на свете!

9.

После завтрака Агата куда-то увела Мику. Остальные занялись своими обычными делами.

В течение дня ветер постепенно крепчал. Море дыбилось и злобно кусало берег белопенным оскалом прибоя. А к вечеру начался настоящий шторм, первый сильный осенний шторм в этом году.

В пещере — извилистой, в несколько колен, с низким, но широким залом в тупике — было тепло и даже уютно. Лишь дым от костра занимал собравшихся обитателей. Костер горел в широком грубом камине, камин имел узенькую трубу, выведенную в щель в толще скал. Все было так хитроумно устроено, что даже в самую ясную погоду дым снаружи не поднимался вверх, а растекался по ущелью и уносился, уже почти неощутимый и невидимый, в море. Но по этой же причине в ветреную погоду камин в пещере нещадно чадил, чад выедал глаза и вызывал кашель. Поэтому женщины и дети располагались полулежа на тюфяках, набитых сухой травой и заваленных всяким тряпьем.

Агата и Мика присоединились к остальным, когда уже окончательно стемнело. Они вымокли. Мика переделась в сухую одежду, а старуха уселась спиной к камину, растянула на коленях грязную юбку и так и сушилась. От мокрой, воняющей бараном и человеческим потом овчины поднимался пар.

Агата начала «собрание»:

— Завтра, милье мои морские курочки, непогода пройдет, и вы возьметесь за шлюпку. Я хочу, чтобы к вечеру завтрашнего дня она была такой, будто только-только с верфи. Все, что требуется, я уже припасла: смолу, краску, дерево, веревки, инструменты... Одним словом, все найдете у «башни». Смолу будете топить здесь. Работать — на берегу. Что делать, вам объяснять не нужно, — чай, рыбачки, сами поймете. Этим займутся толстухи: ты и ты, — она указала на двух вечно сонных молодых гречанок.

Затем, почмокав трубкой, продолжила:

— Ты, Мика, берись за паруса. Если старые еще годятся в дело — вот они, в узлах, — подлатай, поднови. Если найдешь в них сильный изъян — придется шить новые, парусина есть. Мне нужно иметь отличный грот и хотя бы сносный стаксель! Оно, конечно, лучше бы нам паруса негодились, обойтись бы веслами... Да только ведь не угадаешь, что и когда понадобится, поэтому завтра паруса должны быть в надлежащем виде!

Агата голой рукой взяла из костра уголек — раскурить гаснущую трубку. Потом уперла взгляд исподлобья в Мариэтту и, громко причмокивая толстыми губами, проговорила:

— А для тебя, найденьш, — она нередко так называла спасенную женщину, — у меня есть особое дело. Которым мы займемся с тобой прямо сейчас. Да-да, прямо сейчас! Дождь и ветер нам только в помощь. Так что, ежели ты боишься простудиться, надевай свои лохмотья, да поскорее. А бабка Агата и так готова!

Они вышли в штормовую, черную, как восточные глаза, ночь. У порога Агата указала на два кожаных мешка, один из них взяла сама. Жен-

щины спустились по скользкой от дождя дорожке на дно ущелья, к ручью. Дальше Агата повела Мариэтту в какие-то дебри. Та шла за ней, почти ничего не видя, спотыкаясь о камни и растения. Наконец они добрались до цели: это была просторная, но неглубокая пещера, практически грот. Ветер гудел в камнях, будто дул в гигантские трубы, но дождь не захлестывал внутрь, здесь было сухо.

Агата повозилась в темноте, зажгла маленький масляный фонарь и быстро прикрыла его стеклянную створку. Затрепетал узкий язычок пламени, по каменным сводам шарахнулись черные тени, обозначилась угловатая пасть входа в пещеру, открытая к невидимому отсюда, но густо ощущаемому морю.

Агата прокричала сквозь рев непогоды:

— Я буду давать тебе оружие, а ты стреляй!

— Куда стрелять? — едва перекрикивая шум ветра, спросила Мариэтта.

— Глупая! Наружу стреляй!

— Темно же!

— Мозги рыбы! Да, темно! Ежели бы надо было при свете — я бы привела тебя сюда днем! Но мне не надо днем! Мне надо, чтобы ты стреляла ночью, в темноте!

И Агата сунула Мариэтте винтовку, больно ударив девушку стволом в кость грудины.

Мариэтту охватила злость. Опыт позволил ей почти на ощупь опознать русскую трехлинейку. Она повернула рычаг затвора влево, яростно дернула его к себе, потом дослала вперед, повернула вправо, вскинула винтовку и нажала на спусковой крючок. В реве бури выстрел прозвучал сухо. Огненный шар выхватил из густой тьмы широкую, приземистую тушу Агаты. Будто артиллерийский офицер, та махнула рукой — мол, огонь! И Мариэтта без перерыва отстреляла все патроны магазина.

Агата выхватила винтовку из рук Мариэтты, сунула ей другую. Это тоже была трехлинейка. Снова гром выстрелов во тьму, до опустошения магазина. Третья «мосинка»*, опять — огонь. Четвертым и последним стволом оказалась французская «лебель», длинная и незнакомая. Повертев в руках, Мариэтта молча вернула оружие Агате. Та, не вскидывая винтовку к плечу, с одной руки выстрелила в черноту. Перезаряжать не стала — отложила в сторону.

Так же были отстреляны все пистолеты. Кислый дым, смешавшись с влажным холодным воздухом, повис в гроте туманом. Дождь прекратился, стало немного тише. Агата раскурила трубку от пламени фонаря и уселась на камни. Жестом показала Мариэтте, мол, садись рядом. Та присела. От тела старухи-гречанки шло хорошо ощущаемое тепло, и Мариэтта невольно прислонилась к ее могучей спине.

Агата по привычке скосила глаза. И, улыбаясь, громко просипела:

* «Мосинка» — русская трехлинейная винтовка Мосина образца 1891 года.

— Что, деваха, замерзла? Ну грейся, грейся, найденьш! Бабка Агата теплая! И добрая! А стреляешь ты ничего... Годно стреляешь! Ты в людей стреляла?

— Да.

— Страшно было?

— Да.

— Убивала?

— Да.

— Своих — которых ты убила — видела?

— Да.

— Вблизи видела?

— Нет.

— А тошно тебе было?

— Да.

— Всегда тошно было?

— Нет.

— Привыкла потом?

— Нет.

— Понимаю, найденьш, понимаю...

Они отдохнули немного, потом, бережно упаковав оружие в ветошь и мешки, вернулись в жилую пещеру. Там все уже спали. Одна лишь древняя нянька сидела у гаснущего камина, старчески трясла головой и что-то бормотала.

Шторм ревел всю ночь, а потом внезапно стих — и настало утро. Море, в резко вычерченных полосах — изумрудных, синих, бирюзовых и желто-розовых, — отдыхало.

10.

Весь следующий день велась тщательная подготовка к «делу». Мариэтта уже давно поняла, что это за дело. Агата собиралась выйти в открытое море, встретить в известном ей месте корабль, перевозящий контрабанду, взять за имеющуюся у нее наличность какую-то порцию нелегального товара, свезти в ущелье, а оттуда доставить знакомым ей одной перекупщикам. На часть вырученных денег добыть съестных припасов, на остальные — снова завести бесконечную шарманку контрабандистского промысла.

Опасностей в этом предприятии было великое множество. Контрабандистов могли схватить пограничники или таможенные инспекторы, причем не только русские. Могли напасть другие такие же морские лиходеи. Все это грозило погоней, перестрелкой и гибелью. Не говоря уже о коварстве погоды вкупе с утlostью суденышка, на котором придется ходить. А еще был возможен обман со стороны поставщика, с которого взыскать что-то совершенно нереально. И это только половина дела.

Далее предстояло сбыть товар. Какие трудности ожидались там, знала лишь одна Агата.

В первую ночь, пасмурную, безлунную и изрядно ветреную, в море вышли Агата и Мика. Хорошо отремонтированная шлюпка, вся черная вплоть до уключин и последней веревки, быстро скрылась во тьме. По приказу Агаты Мариэтта осталась на берегу с оружием дожидаться их возвращения.

Прошло много часов, пока в покрытых белой пеной водах снова не возник темный силуэт шлюпки. Втроем втащили посудину на берег и уволокли в укрытие. Выгрузили из нее снасти. Вначале Мариэтте показалось, что никакой добычи в этом походе Агате не досталось. Но старуха не выглядела недовольной, наоборот — очевидно была в настроении. Она отправила молодых женщин с поклажей в жилую пещеру, а сама осталась на берегу. Сказала, что некоторое время будет наблюдать за морем.

За год, проведенный в убежище контрабандистов, Мариэтта ближе всего сошлась с Микой, поэтому дорогой она без обиняков спросила у гречанки о результатах. Та рассказала, что приходил корабль под французским флагом, на нем оказались турки-контрабандисты, старые знакомые Агаты. На имевшиеся деньги отгрузили товар. Страшно удивились деньгам: Агата расплатилась золотыми николаевскими червонцами. А товаром оказался кокаин. Предлагали еще пшеничную муку, да Агата отказалась: зачем, мол, брать дорогую турецкую муку, когда на деньги, вырученные от наркотика, в сытом хлебном Крыму можно будет купить любые продукты.

Эх, не знала, не ведала Агата, что по тучной, плодородной крымской земле давно разъезжал третий всадник Апокалипсиса. Что мука стала стоить дороже золота. Что за горсть ее убивали без пощады стариков и детей, бывших господ и самых убогих крестьян. Что в прекрасных крымских городах и поселках валялись раздутые трупы умерших голодной смертью. Что в кипарисовых и персиковых рощах на смрадных кострах в сатанинские ночи варили человечину людоеды.

Мариэтта, будучи еще в Ялте, захватила начало голода двадцать первого года. Но на тот момент сумасшедший взлет лишь начался. Цена хлебу считалась на тысячи рублей за фунт, но хлеб еще был. А когда разразился настоящий голодный мор, маленькая стая в укромном ущелье и не ощутила этих перемен: их спасало доброе Черное море да отрыв от большого мира. Жили не сыто, не в тепле, не в удобствах, но и не на грани смерти.

Вечером старая Агата, невзирая на бессонную ночь, вырядилась цыганкой: обвешалась дешевыми украшениями, повязалась цветастыми шальями, напялила несколько юбок — и отплыла на самой маленькой лодочке. Вернулась затемно мрачнее тучи и, не проронив ни слова, завалилась спать у костра.

Утром до рассвета Агата подняла Мариэтту, увела на берег моря и там рассказала все, что увидела и узнала в горном поселке. Больше всего

она досадовала, что добыть продуктов не удалось: в маленьком селении с пищей было совсем плохо. Ни купить съестного за деньги, ни выменять на наркотики не получилось.

Да, конечно, кокаин и в это время нашел покупателей. Среди них были кокаинисты «старой формации», кто не покинул Россию с Врангелем: одни скрывались, другие перешли на сторону советской власти, — и наркоманы из числа вершителей новой истории. Страшный белый яд был востребован, перекупщики охотно брали такой товар.

При продаже кокаина Агате пришлось довериться подельникам и взять столько и таких денег, какие они дали. Но этим новым деньгам Агата не доверяла. Для дальнейших дел она хотела пообщаться с тем, кому верила больше. Именно поэтому она обратилась к Мариэтте, у которой имелись более свежие, чем у нее, представления о ценах и деньгах. Но та, прожив здесь около года, тоже помочь не могла.

В итоге Агата решила на новую вылазку, теперь уже в прибрежный поселок, бывший курорт. Снова в одиночку уплыла на лодочке и вернулась так же к ночи. Снова была недовольна, но хотя бы возвратилась не с пустыми руками. В полночь в пещере напекли лепешек и изжарили мясо. Лепешки вышли серыми и плохо пропеклись: мука была грязной, смешанной с отрубями и половиной*. Старая баранина тоже готовилась плохо и еще хуже жевалась. Но какой же стоял аромат от этих блюд! Как радовались дети забытой, такой желанной пище!

Далее Агата порешила в первую очередь брать у «больших купцов» муку и крупу.

Эти пресловутые «большие купцы», к слову, только так назывались. И их суда именовались «кораблями» скорее условно. На деле это были убогие истрепанные посудины, в основном старые парусники, иногда дооборудованные малоомощными двигателями и нередко — огромными галерными веслами. Их команды состояли из отребья всех черноморских народов. Ходили они под любыми флагами. И как вообще ходили в открытом море — непонятно, так как были столь изношены, что, казалось, могли затонуть даже при самом небольшом шторме. Однако же курсировали — и в те годы даже в изобилии — от турецкого берега к русскому и обратно.

Купить контрабандную муку в море — значит перегрузить ее с борта корабля, каким бы последний ни был небольшим, в мелкое суденышко. А это весьма непростая задача! Многопудовые мешки, волнение моря, ночная тьма, спешка... Вся работа вручную, никаких тебе талей или даже веревок: с борта бросают груз — в лодке его ловят. Даже крепкие мужчины — и те не все способны на такую работу. И сколько можно взять этого громоздкого товара в хрупкую шлюпку? И ведь дальше его еще надо выгрузить и где-то спрятать... А как потом доставить скупщику?..

* Полова — мякина, отходы при обмолаоте злаковых и бобовых культур.

Эти вопросы мучили Агату несколько дней. Ответ на них нашелся единственный: выходить за добычей нужно на баркасе, большой командой.

Состояние баркаса — судна длиной метров десять и шириной не более трех — было неизвестно. Вот уже больше двух лет он стоял в узкой протоке, зажатый скалами, в которые буквально врос бортами. Над корпусом свесились кусты и деревца, и казалось, что они растут уже в самом баркасе. Все это время двигатель никто не запускал и тем более не обслуживал. Винт, рулевая машина, гребной вал, прочая механика и даже якоря — что с ними случилось, годны ли они еще? Никто из женщин, конечно, не мог знать этого.

Агата кое-что смыслила в управлении баркасом, не более. Однако под ее руководством началась новая работа. Откачали воду, натекшую в корпус. Заделали течи и вообще отремонтировали все, что смогли. Подновили рубку, натянули новые снасти, паруса подлатали, что-то сшили заново. В итоге баркас стал вполне пригоден как парусное судно. Но этого было недостаточно, а двигатель не запускался, как Агата ни старалась.

Дело шло к ноябрю, холодало, ветры становились злее. Ласковое Черное море остывало.

Агата велела Мике и Мариэтте готовиться к отплытию на баркасе под парусами: собрать провизии на четыре-пять дней, взять теплые вещи, кое-что из оружия, рыболовные снасти, погрузить на борт маленькую лодку, а главное — топливо для двигателя. Тяжелые жестяные баки с облезлой маркировкой заводов Нобеля женщины перенесли в рубку баркаса. Вечером вручную, на канатах, идя по берегу, вывели баркас из протоки. Агата проверила управление — судно слушалось руля, штурвал работал исправно. Подняли косые паруса и шли под ними всю ночь. А к утру встали в виду чужого берега в большой бухте, по которой были разбросаны мелкие рыбацьи суда — их насчитали около десятка.

Агата распорядилась заняться ловлей рыбы сетями, а для нее спустить лодку — и ушла на веслах к берегу. Лишь к вечеру вернулась, и не одна. С лодки на баркас с трудом поднялся, хватаясь за снасти и протянутые руки, маленький старичок, тощий, с большой лысой головой. Он оказался мотористом. Вдвоем с Агатой они долго разбирались с машиной. Дважды ходили на лодке к берегу за какими-то запчастями. К утру мотор баркаса ожил. Весь следующий день продолжился ремонт механизмов под прикрытием «ловли рыбы».

Большеголового старичка Агата свезла на берег. Следующей ночью вывела баркас из бухты на машинном ходу. Далеко в море заглушила мотор, велела ставить паруса и так привела баркас в родное укрытие. Спустя несколько дней большая женская команда — все, кроме древней няньки и детей, — вышла в первый рейс.

Вот так Мариэтта стала контрабандистом. В команде она исполняла роль стрелка, наблюдающего и прикрывающего работы. Также ей был

поручен весь арсенал: хранение оружия, уход, снаряжение и учет боеприпасов.

Быстро выяснилось, что одна из молодых гречанок, самая тучная, одышливая и неповоротливая, для морских дел негодна. Ее списали на береговые работы. В команде остались четверо. Молодые гречанки занимались погрузкой товаров. Брали чаще всего муку, крупы и все тот же кокаин. Позже добавились табак, алкоголь, оружие и взрывчатка. Мотор старались не использовать, дабы не производить лишнего шума. Он запускался лишь тогда, когда Агата считала это совершенно необходимым или абсолютно безопасным. Сама Агата руководила организацией, переговорами, оплатой и управляла баркасом.

В следующем же рейде произошла первая вооруженная стычка, и потом они случались регулярно. Приходилось уходить под огнем. Бывало, что сами нападали, по сути — пиратствовали. Про убийства и погибших Мариэтта ничего не говорила, а я не спрашивал. Но думаю, что все это было. Несколько раз Мариэтта сама оказалась ранена. Пару раз баркас терпел крушение, правда, у берега, и его удавалось спасти.

Рассказывала Мариэтта и о том, как они вывозили нелегальных эмигрантов и, наоборот, доставляли в Россию иностранцев или незаконно вернувшихся русских. И те и другие платили щедро, и Агата с большим удовольствием перевозила «живой товар». Эмигрантов переправляли на иностранные корабли, ожидавшие в нейтральных водах. Тех, кто пробирался в Крым, перебрасывали с этих же кораблей на безлюдный берег.

Так продолжалось около года. Контрабандисты зажили сытно, оделись-обулись, создали, казалось, неистощимые запасы продовольствия, пополнили арсенал и топливный склад, обустроили свое жилье — завезли даже кое-какую мебель. Но тайное убежище в прибрежном ущелье так и не покинули. Агата знала, что их деятельность, хоть и под видом рыболовства, неизбежно привлечет внимание. И что заигрывать с новой властью — дохлый номер, поняла давно. Несколько раз старуха пробовала при помощи подкупа или как-то иначе войти в сговор с советскими чиновниками и военными из наркоманов-кокаинистов. Да ничего не вышло. Хорошо хоть, что хуже не стало, заключила она.

А погубил их тот самый «живой товар».

Мариэтта отлеживалась с очередным ранением: ей прострелили обе руки навывлет. Ранение было легкое, но болезненное и требовало покоя. Агата готовилась к новому рейду и все сожалела о том, что «сегодня везти живой товар, а мой стрелок негоден». Но отменить дело не пожелала: деньги сулили немалые.

Агата договорилась с заказчиком так: баркас выйдет в море, с берега на весельной лодке ей привезут клиента, которого она доставит на ожидающий корабль. Всего-то.

Вместо лодчонки с эмигрантом пришел советский военный катер, расстрелял всю команду из пулеметов и затопил баркас. Случилось это прямо напротив контрабандистского ущелья тихой белолунной ночью.

Убежище контрабандистов не раскрыли. Спустя месяц Мариэтта покинула его навсегда. Уплыла на лодке, взяв лишь немного пищи, пистолет и патроны к нему.

В тысяча девятьсот двадцать четвертом году она вернулась в Ростов.

11.

В начале тридцатых Мариэтта усыновила мальчишку-беспризорника, моего будущего отца. Нашла его случайно, голодного и замерзающего, в камышовом шалаше на берегу Дона. К этому месту подступал пустырь, простиравшийся позади дома, где проживала Мариэтта.

Мальчишка сбежал из сиротского приюта и жил у речки, подворовывая овощи по огородам да кошельки по вокзалам. Лет ему было около семи, а какого он роду-племени — ни сам он, ни Мариэтта не знали. Пожалела немолодая женщина черноглазого смуглого мальчика, отдаленно похожего на армянина. Знала, что своих детей родить никогда уже не сможет: виной тому и возраст, и рубцы, оставшиеся на память от любимого Вацлава. И взяла в свой теплый неголодный дом воришку и хулигана без всяких опасений.

Спустя какое-то время мальчик стал называть ее мамой.

В сорок первом году, сказавшись восемнадцатилетним, мой отец ушел на фронт добровольцем. Повезло — вернулся с войны живым и здоровым, в медалях и орденах. Поступил в университет на геофак, окончил его, женился — тоже на выпускнице-геологе. И стали они с мамой разъезжать по всей стране в геологических партиях.

Потом родился я. Из-за кочевой жизни родителей чуть ли не большую часть детства и юности я прожил с бабушкой. Моя мама считала, что бабушка оказывает на меня дурное влияние. И было из-за чего! Ну например, то же табакокурение, оружие в доме, которое никуда не пряталось, всякие буржуазные привычки и пережитки старого режима: вещички, традиции, церковные праздники...

А еще — карты.

Собственно, игрой в карты бабушка и жила. Почти всю ту часть ее жизни, которую я помню, она была профессиональным игроком. Играла в преферанс, а еще — в легендарный винт, который так чудесно описан у Чехова и Куприна и в который, говорят, игрывал — и проигрывал — сам замшелый граф Толстой. Судя по свидетельствам наших классиков, до революции при игре в винт на кон ставились целые состояния. А я своими глазами видел такие же случаи в советское время. За один вечер могли быть спущены и отыграны колоссальные деньги: десятки и сотни тысяч советских рублей, а также ювелирные украшения, облигации, меха, недвижимость, старинные книги, ценные картины и другие произведения искусства.

Все это происходило в доме бабушки, точнее — в принадлежавшем ей флигеле. Флигель располагался далеко на задворках, в глубине запу-

ценного фруктового сада. Там два раза в месяц по пятницам собиралось общество картежников. И что за типажи туда съезжались! Незабвенный «Союз меча и орала» просто отдыхает!

Существовало две компании игроков, собиравшиеся поочередно. Они никогда не пересекались, по крайней мере — в игровом зале у бабушки.

Первую компанию составляли «недобитые буржуи», они играли в тот самый древний винт.

Неизменно приезжал старик в желтой седине и настоящем пенсне. Он всегда являлся одетым в длинное, до пола, пальто и закутанным в шарф, даже летом. Под этой безобидной и даже забавной оболочкой скрывался парадный мундир казачьего полковника с царскими орденами, с серебряными погонами. И как он не боялся случайного раскрытия своей персоны?! Идет такой вот «товарищ» по огромному советскому городу мимо советских граждан, а также мимо стражей советской законности. С виду просто чудаковатый пожилой человек, тепло одетый, как одеваются многие старики. А на деле — белый офицер, который почти в открытую носит царскую форму!

Старик всегда целовал бабушке руку, часто говорил по-английски и играл на относительно мелкие суммы — на какие-то сотни советских рублей, которые проигрывал всегда и совершенно бесстрастно.

Также постоянным игроком был еще более старый человек — толстый, с багровыми раздутыми щеками, совершенно лысый. Он одевался в просторные, как балахоны, костюмы светлых тонов, говорил высоким женским голосом и часто повторял: «Да-с, да-с!» Ходил он, тяжело опираясь на толстенную палку. После каждого десятка шагов отдыхал, неестественно вывернув ноги — тонкие, дрожащие, с трудом поддерживающие огромное брюхо. Брюхо выпирало из-под жилетки и цеплялось за окружающие предметы. В двери — весьма просторные двери старинного флигеля — этот человек с трудом просовывался боком. Мысленно я его называл Дас. А бабушка звала советником. Советник Дас играл на золото. Золото было в виде золотого песка, Дас приносил его в старинной, золотой же табакерке разложенным по маленьким сверткам.

Нерегулярно появлялась Старая Дама — старуха высокого роста в огромном парике, бледная, густо напудренная и чудовищно накрашенная. На меня она смотрела строго и, как мне казалось, злобно. Говорила отрывисто и мало, зато выигрывала много. Ставила советские деньги новенькими банковскими пачками — тугие брикеты в полосатых бумажных лентах. Еще Старая Дама примечательно пила водку. Нет, она ее не пила — она ее вкушала! Принимала рюмку, сильно отставив мизинчик, и ничем не закусывала. Сколько было этих рюмок за вечер — невозможно сосчитать. Старая Дама не пьянела.

Изредка приходил старичок-армянин, с ног до головы в черном, — узенькая фигурка с покатыми плечами. У него были отвисшие синие губы

и огромный, изъеденный какой-то болячкой нос. А еще он носил диковинную по тем временам шляпу — круглый котелок. Этот самый старичок играл на всякий антиквариат. Появлялся только тогда, когда кто-то делал ставкой интересные ему древности. Играл со страстью, с криками, брызгал слюной и страшно пучил из красных круглых век черные глаза.

Совсем изредка появлялись еще двое-трое подобных господ, их я помню плохо.

Была и вторая компания — «советская номенклатура», те играли уже в современный преферанс. Это были люди помоложе, совершенно обычные внешне, почти рядовые советские граждане, однако на деле — достаточно крупные руководящие работники.

Секретарь парткома огромного завода — видный мужчина с манерами аристократа и руками молотобойца — всегда приезжал на машине. Точнее, его привозили. При этом водитель и некий сопровождающий человек оставались в автомобиле. До утра, до следующего вечера — неважно. Автомобиль, припаркованный в соседнем переулке, караулил «хозяина», который мог внезапно уехать, но обязательно возвращался к прерванной партии. Денег в руках секретаря я никогда не видел; что он с собой приносил для ставки, не знаю, а уносил всегда нечто прямоугольное, завернутое в газеты или ткань. Полагаю, это были картины или книги.

Постоянно в компании «номенклатуры» присутствовал директор универмага — нашего единственного универмага в городе, — моложавый синеглазый человек с седым курчавым казачьим чубом. Фронтвик: на его пиджаке был закреплен большой прямоугольник наградных планок. Однажды на Девятое мая он прибыл играть в мундире майора артиллерии. На мундире красовались настоящие ордена и медали. Директор-майор смеялся громко, матерился забористо, в словах рычал буквой «р», всех называл на «ты» и проигрывал десятки тысяч рублей.

Приезжал один совсем молодой человек, его звали Павел. Павел был высок и вальяжен, ходил руки в брюки, непрерывно курил, зажав папиросу в углу рта и сверкая золотыми зубами. Он очень нервничал, когда проигрывал, но еще больше нервничал, когда выигрывал. Все валилось у него из рук: карты, деньги, напитки, одежда. Мариэтта звала его «сыном капитана».

Остальные игроки из «номенклатуры» часто менялись. Они были разных лет, но почти одинаковой наружности: типичные советские функционеры — плотные люди в серой одежде, неярких галстуках, больших очках и шляпах. Таких мы видели на трибунах приветствующими нас в праздничные дни медленными взмахами рук. Бывали модно одетые женщины — в заграничных платьях, надушенные популярным парфюмом. Эти не играли в карты, они лишь сопровождали своих мужчин. А мужчины спокойно доставали из кожаных портфелей пачки советских сторублевки — красивых, новеньких, с большим портретом Ленина — и так же спокойно сгребали выигрыш в эти глянцевые портфели.

Ты, наверное, задашь вопрос, почему меня, сопливого мальчишку, вообще допускали в эти «общества», в игровой зал? Почему бабушка не прогоняла, не ограждала — ни меня от картежников, ни их от меня, а совершенно спокойно относилась к тому, что я в любое время мог, например, появиться и выйти из флигеля или просидеть в нем долгое время? Почему игроки также ни разу не высказались против моей персоны? Это и для меня самого загадка.

Но очевидно, что ни партия «недобитых буржуев», ни партия «советской номенклатуры» не боялись разоблачения, не боялись милиции, КГБ, ОБХСС или иных «органов». Полагаю также, что эти партии знали о существовании друг друга. Например, случалось, что секретарь парткома в качестве выигрыша уносил оставленную в предыдущий игровой день картину и Мариэтта говорила ему, что эта картина — от старичка в черном.

Вообще, поскольку я почти с рождения находился в этом окружении, оно не казалось мне чуждым, криминальным или даже просто неестественным для того времени. Такова особенность детского сознания.

Бабушка играла с обеими компаниями и в преферанс, и в винт. И выигрывала достаточно много, чтобы обеспечить себе хорошую жизнь. На выигранные деньги она приобретала экзотические вещи, например, тот же «Беккер», старинную мебель, множество всяких дорогих безделушек: часы, украшения, драгоценные камни. Бабушка «доставала» путевки на курорты, экскурсионные поездки в столичные города, билеты в театры. Или, например, в цирк — для меня.

А еще она добывала невероятные, по советским временам, продукты. Например, белужину, черную и красную икру, трюфели, натуральные восточные пряности, тунца и чавычу. Я уже молчу про обычную говядину лучшего качества, чай самых разных сортов, кофе в зернах, импортные сыры и совершенно доступные сейчас, но чрезвычайно редкие тогда фрукты вроде ананасов, манго и папайи.

Не сказать, чтобы от этого изобилия у нас вечно ломились столы. Но у бабушки почти всегда был запас. А иногда она задумывала некое блюдо, для которого требовались совершенно особые ингредиенты. Каперсы, например. Или оленина. И это появлялось через некоторое время.

Такой буржуазный и практически нелегальный образ жизни бабушки Мариэтты являлся причиной ее трений с моей мамой. Мама, настоящий советский человек, не могла спокойно смотреть на все эти пережитки прошлого и криминальную среду, окружавшую меня. Она напрочь отказывалась идти на компромиссы и запрещала моему отцу принимать от бабушки хоть что-то, хоть малую помощь или даже подарки. Бабушкины деньги, как заработанные нечестным способом, она презирала. Лишь по причине своей разъездной работы месяцами и годами по дальним окраинам огромной страны, в тайге, в горах и пустынях, она вынужденно мирилась с моим пребыванием у бабушки.

Но и проигрывала бабушка немало. Тогда ее шкатулки с украшениями пустели до самого дна. Иногда мне случалось видеть, что пропадали предметы интерьера, и довольно крупные. Время от времени и продукты становились самыми обычными, из соседнего магазина: макароны, дешевая колбаса, консервы...

Однажды бабушка проиграла свою роскошную огромную квартиру.

Родители мои были в экспедиции, а я жил, как водится, у бабушки. Мы съехали в игровой флигель. Вдвоем ютились в маленькой дальней комнатке с единственным окошком, выходившим в дебри заброшенного сада. Мне здесь нравилось даже больше: можно было выпрыгнуть в сад прямо в это низенькое окно, а из сада спуститься к Дону. Соседние комнаты до потолка были завалены остатками бабушкиной обстановки. Игровой зал остался в прежнем виде, туда добавился лишь «Беккер». Вернуть квартиру бабушка не смогла, крупных выигрышей более у нее не случилось.

Гораздо позже я пришел к выводу, что основной доход бабушка получала от игры с «номенклатурой». Потому что «буржуи» постепенно проигрывали и проедали остатки своего бывшего великолепия, их ставки стремительно уменьшались, а сами они умирали один за другим. Этот карточный клуб завершал свое существование. Новые люди в нем не появлялись, шулера-каталы из воровской среды никогда там и не водились.

Но первыми, как ни странно, пропали игроки из «номенклатуры». Они попросту перестали собираться. Было это где-то в конце шестидесятых годов. Просто исчезли. Первая пятница месяца, а вместе с ней и выходные стали свободными, игровой зал пустовал.

До середины семидесятых годов играла только компания «буржуев», и то всего трое: казачий полковник, армянин в черном и моя бабушка. Потом исчезли и последние два винтера. Игра прервалась.

12.

Бабушка умерла, когда я был в командировке в Югославии. Наша автоколонна поехала в страны СЭВ за сербской обувью и итальянскими джинсами. Я узнал о смерти бабушки только спустя две недели, по возвращении в СССР. Это ведь было задолго до появления интернета и мобильных телефонов.

Мне рассказали очевидцы: когда гроб внесли на старинное армянское кладбище, похоронную процессию у самых ворот встретил оркестр. Симфонический оркестр в полном составе: музыканты в черных фраках, белых жилетках, белых же сорочках и с «бабочками». Маленький дирижер подбежал к родственникам, уточнил кое-что, встал перед оркестром, вскинул руки, затянутые в перчатки, — и оркестр грянул «Очи черные».

Кто-то попытался было протестовать: мол, с чего бы оркестр, никто не заказывал, никто не оплачивал... И вообще, что за дичь — играть на

похоронах драматичный, но захватский романс?! Ну ладно бы траурный марш. Но «Очи черные»?!

На что дирижер ответил: «Оркестр заказала сама покойница три дня назад. Задала репертуар, уточнила, где и сколько играть. Гонорар полностью уплачен, мы обязаны его отработать». И показал расписку с красивой, затейливой бабушкиной подписью.

Оркестр играл «Очи черные» все время, пока гроб несли по извилистым тропинкам кладбища. Потом дирижер построил музыкантов у свежевырытой могилы, меж старых акаций и кустов сирени. И все время, пока прощались с усопшей, опускали гроб, пока закапывали могилу, пока не ушел последний провожающий, — симфонический оркестр играл «Очи черные».

13.

Моему отцу бабушка завещала небольшое состояньице, что осталось у нее от карточной игры. Заметь, в золотых украшениях, по той еще традиции. В пересчете на советские блага оно составило «жигуль»-трешку, вот эту дачу и несколько поездок всей семьей в Ялту. Бабушкин флигель оказался не оформленным по закону — или оформленным, но неверно — и отошел государству. Персонально мне бабушка выделила в завещании тысячу рублей на сберкнижке и золотой брегет. Помнишь, у Пушкина: «Пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед»? Брегет ты у меня видел. А тысяча советских рублей превратилась в пыль в начале девяностых.

14.

Что-то похолодало, Ромалэ-чавалэ, ты не замечаешь? А не пора ли нам посетить мой винный погреб? Ах, каким сотерном моего собственного производства я тебя сейчас угощу! Родина революций позавидует!

Екатерина МАЛОФЕЕВА

УДОКАН

Цикл стихотворений

* * *

Раз в августе такой прохладный ветер,
представь, как здесь печально в ноябре.
Она, дождя как будто не заметив,
стоит на переезде, замерев.
Подранки — уязвимые мишени.
Бездумно треплет гриву кедрача
безвременье, тоска и безрешенье,
а горы смотрят.
Смотрят и молчат.

* * *

По склонам гор слоятся сланцы.
Курумник, редкая трава.
Моих наивных иностранцев
смешил водила-хитрован.
Рыбалка, женщины, налоги,
запнулся, вспомнил про Чечню...
Пробалагурил полдороги.
Через мужскую трепотню
я на секунду разглядела
за ним —
его в семнадцать лет.

И понемногу вечерело —
закат за нами шел след в след.

* * *

Пожалей меня, неумелую,
Удокан,
отнеси меня, онемелую,
к облакам.
В седловине они качаются,
ай-люли,
все мечтается, да не чается
по любви.
Тянешь-тянешь, я крепко поймана
на блесну.
Здесь нас много таких — изломанных.
Я вернусь
надыхаться твоим предзимием
и уйти.
Успокой меня, исцели меня,

отпусти.

* * *

Все рвется, все теряется, и даже
реальность ускользает из-под ног.
Глухой предупредительный гудок
отъехавшей машины каротажной
спугнул ворон. Бензиновая пленка
на лужах — переливчатая дрожь.
Пропала с платья маленькая брошь,
порез на рюкзаке — пунктиром тонким,
и с мясом вырван молнии замок.
Я — в центре покачнувшегося мира,
здесь ветрено, и холодно, и сыро.
Вдруг на пол отцепившийся брелок
упал, и мне смешно — благоустроить
пространство это точно не смогу.

Баюкает мотора тихий гул,
и зеркало подмерзло боковое,
где пропадает корпус заводской.

Под сердцем заживает и пустеет,
оставив ощущение потери,
рассыпавшейся ткани под рукой.

Сергей ВЛАДИМИРОВ

ВОЛШЕБНИК

Р а с с к а з

— Давай никуда не поедем?!

Девушка. Невысокая. Каштановые волосы острижены под каре. Сережка в носу. Карие глаза с легким прищуром. Милое, слегка скуластое личико, в котором видится что-то татарское. Ярко-желтый топ. Шортики цвета хаки. На загорелых ножках легкие летние шлепанцы.

А Костя — просто Костя. Двадцатилетний белобрысый балбес, который вот уже три недели украдкой пялился на эту девушку в утренней электричке, не решаясь не то что познакомиться, но даже приветливо улыбнуться. Пятнадцать раз они ездили в город в одном вагоне. Или четырнадцать? Костя на склад, где трудился разнорабочим, а девушка... бог весть.

Электричка всосала остатки пассажиров, презрительно хлопнула дверями, фыркнула, дернулась и покатила в сторону города.

— Давай не поедем, — глупо согласился Костя.

— Гениально! — восхитилась девушка. — Кира!

И протянула руку. Пожатие маленькой ладошки было крепким, почти мужским.

— Костя.

— Хм, я почему-то думала, ты — Ваня.

— Почему — Ваня?

— Так. Похож. Ладно. Давай. Веди.

— Куда? — парень начал ошалело пунцоветь.

— Ну тебе виднее. Ты же местный.

— А ты не местная?

— Нет, я из Донецка. С мамой сюда приехала.

— Здорово. Я тоже вот с мамой живу. А ты к родственникам?

— Не совсем. Пришлось просто... приехать... Мы идем?

— Но я, как бы... Мы же... — замямлил Костя.

— Так! — Кира решительно тряхнула челкой. — Объясняю. Я езжу в город на подготовительные. В местный вуз перевожусь. И эти подготовительные мне надоели. А поскольку ты все равно за последнее время взглядом во мне дырку просверлил, то я решила, что ты будешь меня сегодня развлекать. Как — тебе виднее. Только без глупостей всяких.

— Тогда, может, на озеро?

— Пошли на озеро.

И они пошли. Костя косился на неожиданную спутницу и думал о том, что она совсем не похожа на тех людей из Донбасса, которые в последнее время вынужденно приезжают в Россию. В телевизоре, в новостях они выглядят нервными, усталыми, часто в мешковатой одежде с чужого плеча. А эта вон какая. Ладная, аккуратная. Идет и чуть улыбается. А еще Косте почему-то было очень хорошо.

Идти пришлось недолго. Озеро нежилось в легкой утренней дымке сразу за поселком. Молодые люди свернули в тенистый безлюдный переулок, провожаемые ленивым побрехиванием собак, и сразу за последними домами и покосившимися заборами перед ними открылся водоем, обрамленный ивами и камышом, — оставалось только с косогора спуститься.

Оскальзываясь на мокрой от росы траве, они сбежали по извилистой тропинке к берегу. Веяло рассветной прохладой, ветерок рябил водную гладь. Пасторальный пейзаж портили лишь валяющиеся тут и там пустые пластиковые бутылки да пятна от кострищ.

Кира остановилась и выжидательно посмотрела на Костю. Тот не понял. Девушка вздохнула.

— Ну что, прикажешь мне на мокрую траву садиться или постоим?

— Ой, извини. — Костя, застревая в рукавах, торопливо стянул с себя легкую ветровку, бросил на землю. — Вот, садись.

— Спасибо, о благородный джентльмен. — Девушка присела, изящно подогнув ноги, чиркнула зажигалкой, выпустила облачко дыма. — Ну, рассказывай. Кем будешь?

Вопрос был такой странный, что Костя смешался.

— Вообще-то не знаю. Я хочу в цирковое училище поступить. Мне медведи нравятся и фокусники.

— Иллюзионисты, — уточнила Кира. — Но на самом деле я спрашивала, кто ты и чем занимаешься. И сядь уже, не отвечивай.

Костя послушно плюхнулся на мокрую траву.

— Я на складе работаю. Ну вот так...

— А тебя за прогул не уволят?

Парень пожал плечами.

— По-моему, ты — безответственный, — улыбаясь, пожурила спутника Кира. — Подружка есть?

— Нет, что ты, — отчаянно замотал головой Костя, у которого враз пересохло в горле. — Вообще ни одной.

— Врешь ведь? Сейчас как застучает нас с тобой. Что делать будем?

— А у тебя парень есть? — выпалил Костя.

Глаза у Киры как-то нехорошо сузились и холодно блеснули.

— Не твое дело, — вздернула она подбородок.

И Костя решил замять тему.

— Хорошо, — продолжила девушка после паузы. — Почему тебе медведи нравятся, а не тигры?

— Ну не то чтобы сильно нравятся, — замаялся Костя. — Фокусы вообще-то нравятся больше. Стану вот циркачом-волшебником.

Ки́ра по красивой дуге, щелчком, некультурно отправила окурков в камыши.

— А ты знаешь, — заявила она, — чтобы стать волшебником, учиться — мало. Нужен еще дар. У тебя есть дар, Ваня?

— Я — Костя.

— Конечно, извини. Что там с даром?

— Конечно, есть дар! — уверенно сказал парень. — Хочешь, волшебный фокус покажу?

— А мне понравится?

— Конечно!

— Тогда давай.

Костя сделал многозначительное лицо и выудил из кармана джинсов потрепанную колоду карт. В обеденный перерыв на складе хватало любителей перекинуться в картишки, и Костя был не последним игроком.

Ки́ра слегка наклонила голову, как бы говоря: «Удиви меня».

Волшебник перетасовал колоду и интригуяще попросил:

— А теперь вытяни любую карту, только мне не показывай. Потом я положу ее назад в колоду...

— Достаточно, — разочарованно вздохнула Ки́ра. — Потом ты еще раз перетасуешь и начнешь выкладывать карты по одной, пока не дойдешь до нужной, которую я вытягивала. Верно?

— Угу, — грустно подтвердил волшебник. — А как ты...

— Ну как. Ты запоминаешь последнюю карту в колоде, подсовываешь под нее мою и слегка тасуешь. С большой вероятностью моя карта появится следующей, после той, которую ты запомнил ранее. Это детсадовский фокус, а никакое не волшебство.

— А что же тогда волшебство?

— Ну-у-у, — протянула девушка. — Вот если бы сейчас я выпила холодного белого вина, а еще мороженое чтобы, и еще что-нибудь уместное для пикника у воды. Тогда это было бы, считай, чудо.

— Погоди, — Костя вскочил. — Сейчас.

Он немедленно вытащил мобильник и отошел в сторонку. Набрал номер и с кем-то пошептался. Потом вернулся к девушке, важно уселся рядом и заявил:

— Волшебство будет, но мне надо настроиться.

— Да? — заинтересовалась Кира. — А где у тебя регулятор и кнопка «включить»? Покажи, а! Или пультик имеется? Тумблер там? Дай покрутить. Так же быстрее настроишься!

Издевательство продолжалось минут десять. Потом где-то наверху, на дороге за кустами, заурчал мотор и охнули изношенные тормоза. Костя облегченно ретировался.

Вскарабкавшись по склону, он обнаружил выдавшую виды «шестерку» ядовито-красного цвета, а в ней, за рулем, лыбящегося кореша Сашку.

— Привез? — спросил запыхавшийся волшебник, пожимая руку товарищу.

— Костян, ты меня удивил до офигения, — заявил Сашка, протягивая через водительское окно замызганный черный пакет. — Такой наборчик, да еще и срочно-обморочно. Ты что, там с телкой виснешь?!

— Тихо, не ори, — затравленно попросил Костя.

— Чё за обжимахи? Настюха, Людка?

— Все, спасибо, — отбивался Костя. — Езжай, езжай.

— Да еду, еду. С тебя полтора косаря.

— Сколько?! Офигел?!

— А что, — удивился Сашка. — За срочность, за бензин. Доставка же! Я, вообще-то, сильно занят был. А ты что, кстати, не на работе?

— Некогда! Потом! Вот тебе косарь. Вечером еще пятисотку закину.

— Э-э-э!

— Спасибо! Пока!

Костя вновь продрался сквозь кусты и, пряча пакет за спиной, подошел к девушке.

— Закрой глаза, — потребовал он. — Сейчас будет волшебство.

— М-м-м. — Кира послушно зажмурилась и сделала лицо — «я вся в предвкушении». Косте очень сильно захотелось ее поцеловать, но он сдержался и просто поставил пакет рядом с девушкой на траву.

— Вот, — гордо сказал он. — Сим-салабим-шалман-бурдюк! Готово, открывай.

— Ух ты! — Кира приступила к инспекции. — Вино белое. Теплое. В тетрапаке. «Шардоне»! Крымское, наверное. А, нет! Томское. Нет, реально? В Томске виноград растет? Что тут у нас еще? Пломбир, два штука, давленный, но еще холодный. Пиво. Это не интересно. Сухарики. Сыр. А бокал? Где хрустальный бокал?! Так не пойдет! А — вот же он!

Девушка достала с самого дна пакета пирамидку одноразовых стаканчиков.

— Садись, герой! С натяжкой за волшебство сойдет. Но учиться надо, да.

Потом они сидели и пили теплое, отдающее брагой шардоне. Вино стучалось в голову. По крайней мере, Косте. Наваивался полдень. Роса высохла. От озера потянуло тиной. Над водой как очумелые носились жуки, стрекозы, бабочки. Изредка всплескивала рыба. Солнце раскочегарилось полноценно, по-июньски. Становилось жарко.

— Ладно, будем считать, что это уже глнтвейн, — поморщилась Кира, отставляя недопитый стаканчик. Прикусила длинную травинку.

Между молодыми людьми что-то разладилось. За последний час они обменялись едва ли несколькими фразами. Костя сидел, обхватив колени, чувствуя, что время уходит, и мучительно размышлял, как поддержать разговор.

— Ну а как тебе вообще у нас? — наконец спросил он.

— У вас — это где? Здесь или в городе?

— Ну, здесь.

— Здесь хорошо, — раздумчиво сказала Кира. — Очень тихо и спокойно. Особенно по ночам.

— Вот уж спокойно, — не поверил Костя. — Собаки гавкают, придурки на мотоциклах гоняют. Ворочаешься, ворочаешься...

Девушка взглянула на парня хмуро.

— Собаки ему спать не дают. Мотоциклы. Скажи спасибо, потолок на голову не падает.

— Это как? — удивился Костя.

— Никак. Зачем тебе это все знать? Живи себе спокойно, по ночам меньше ворочаться будешь.

Костя уловил насмешку в ее голосе и смолчал.

— В городе у вас — вообще, — продолжала Кира, заводясь. — Ходят толпами, как бараны, по сторонам не смотрят. Почти у всех гарнитура в ушах. Как ты с заткнутыми ушами мину или снаряд услышишь? А когда прилетит — уже поздно. Бери потом мешки, а то и лопаты — собирай. Еще эти инфантилы на самокатах, в детстве не наигравшиеся. Бороды до пуза отрасли и гоняют. Глаза стеклянные, тупая улыбка до ушей, летят по тротуарам. Те же наушники на башке. Пристрелила бы.

Кира залпом допила остатки вина из стакана. Скривилась. В этот момент земля задрожала, и девушка испуганно вскинулась.

— Это товарняк, — успокоил Костя. — Вон железка же.

Оба обернулись.

Действительно, по высокой насыпи за озером стремительно двигался товарный поезд. Быстро проплывали платформы, на которых отчетливо различались силуэты танков, грузовиков, бронетранспортеров.

— Тут прямая ветка от Каледина рядом, — пояснил Костя. — Ни стрелок, ни семафоров, ни пересечений. Товарняк большую скорость набирает, и если тяжело нагружен, то трясет. Этот тяжелый.

— Вижу, — подтвердила Кира, не отрываясь глядя на состав, идущий на запад. — Надо же, даже не маскируют.

— Так таких составов сейчас по три-четыре в день. Брезента не напасешься, наверное, — предположил Костя.

— Кстати, — встрепенулась Кира, — а тебе сколько лет?

— Двадцать один... Скоро будет. А что?

— А почему не в армии? Ты же не служил явно.

— Понимаешь, — смутился Костя, — отца нет, а мать болеет сильно. Мне пока отсрочку дали. Ну, как бы по уходу.

— Как бы понятно! — голос Киры похолодел.

— Что тебе понятно?

— Все понятно. Ты — настоящий волшебник.

— Не понял, — начал сердиться Костя.

— Не понял он. У меня отец восемь лет назад ушел из дома. Взял автомат и ушел. Ему пятьдесят три было, и он все легкие на шахте оставил. А взял и ушел. Воевать. И я его с тех пор не видела. Потому что мы не в самом Донецке жили, а чуть... западнее. И там никому не надо рассказывать, что мужики и пацаны твои на войне. И им домой наведываться не стоит. Потому что всякое может быть. И не только он ушел. Другие... тоже.

— И что я в связи с этим должен делать? — сердито спросил Костя. — Может, был бы Ваней — знал, конечно.

И тут же понял, что ляпнул зря и сгоряча.

— Да уж, не Ваня ты! — Кира вдруг разом успокоилась, почти ласково улыбнулась, откинулась назад на спину, легла — вытянулась на траве. Поддержала топик повыше и подвернула шортики — вроде как позаторать собралась. Ладонью прикрыла глаза от солнца и, казалось, через минуту задремала.

Костя и злился, и любовался ей одновременно.

Его взгляд подолгу останавливался на спокойном расслабленном личике, скользил по изгибам фигуры, перебирал изящные пальчики с лакированными ноготками. Девушка была наполнена свежестью и — до краев — той самой истинной жизнью, которой в молодых женщинах куда больше, чем в любых брутальных, свирепых и буйных мужчинах. На левом бедре, с внешней стороны, у Киры обнаружилась татуировка, которую ранее скрывали шортики. Она и сейчас была большей частью скрыта, но все-таки виден был фрагмент. Косте показалось, что рисунок похож на приклад автомата. Он бы не удивился, если бы это было так.

Но постепенно злость и обида стали душить парня все сильнее. Он ни за что не признался бы себе, но в глубине души понимал, что Кире он не слишком интересен. И злился. Он чувствовал себя собакой, сидящей у ног хозяина, который занят своими делами и не обращает на нее никакого внимания. И обижался. Как же так? Он со всей душой. А она? Воображает много! Нужна больно!

Накрутив себя такими мыслями, Костя сердито поднялся, уцепился за лежащую на траве полторашку уже горячего пива и отошел в сторонку, хоть и не слишком далеко. Присел у развесистой ивы. Бутылка сказала «чпок!», и пиво вместе с пеной шустро устремилось на свободу. Но не преуспело, поскольку Костя был начеку.

Упавший на томское шардоне, почти вскипевший пенный напиток вскоре оказал бомбический эффект. За какие-то двадцать минут Костя

оказался совершенно пьян. Но держал себя в руках. Упорно не смотрел в сторону зазнавшейся негодяйки и все лил и лил в себя хмельное.

Загрохотал вдалеке очередной поезд. Костя покосился на девушку и увидел, что она, выходя из полудремы, подняла голову.

Земля дрожала.

Кира села, а Костя вдруг взял и спрятался за старую иву. Будь он трезв, он бы ни за что так не сделал. Но теперь ему показалось забавным взять и исчезнуть. А вот пусть поищет и попугается, попереживает! А то ишь, цаца.

Из-за ивы Костя тихонько передислоцировался, под прикрытием камышей, к другому выходу на берег, метрах в десяти от Киры. При этом он озорно хихикал. Но про себя, чтобы не быть обнаруженным.

Когда, шурша осокой, он пробрался к самому озеру, его ждал полноценный сюрприз. На воде, буквально рукой подать, колыхались несколько почти полностью раскрывшихся белых кувшинок, что было почти невероятно в июне в этих широтах. Костя даже хорошенько протер глаза — уж не пьяный бред ли? Кувшинки остались на месте.

Вся злость и обида тут же исчезли. Надо сорвать кувшинки для Киры. И это будет тот еще фокус. Все сразу наладится. И потом они наверняка увидятся еще. А потом...

— Эй, волшебник, ты куда подевался? Поезд в Хогвартс скоро уходит! — Голос Киры был спокоен и чуть насмешлив.

Костя моментально перепугался, что не успеет сорвать кувшинки и его обнаружат раньше времени. Он расстегнул ремень, принялся снимать узкие джинсы, прыгать на одной ноге, укрощая непослушную штанину, не желаящую стягиваться. Наконец, пыхтя, как сердитый еж, он шагнул в прогретую солнцем воду. Шаг, другой по скользкому дну. Кувшинки совсем рядом. Он сделал еще шаг. Нога чуть ли не по колено ушла в ил. Парень потерял равновесие и с воплем плюхнулся в озеро. Начались постыдные барахтанья и попытки выбраться из иловой ловушки.

— Эгей, — послышалось из-за камыша. — Ты там купаешься? Я тоже хочу! Вода теплая? Или ты рыбачишь?

Но Костя уже расшвиравшим бизоном выбирался на берег. Грязь покрывала его до самого тумблера и рукояток настроек. С мокрой насквозь рубашки текли ручьи. Он умудрился перемазать в иле волосы и лицо. В душе же его сноровистые черти разжигали жаркий огонь под небольшим закопченным котлом. Таким он и предстал перед Кирой, которая выследила его по звукам, пустой пивной бутылке и сиротливо притаившимся в осоке джинсам.

Вышедшая к нему девушка всплеснула руками.

— Волшебник! Тебе еще рано осваивать телепортацию! Видишь, к чему это приводит! Стоило на полчаса оставить тебя одного...

Относительно серьезного тона Кира долго не выдержала и принялась заливисто хохотать.

Костя мрачно багровел и сжимал кулаки до тех пор, пока не осознал, что в правой руке что-то держит. Выяснилось, что одну, самую маленькую и жалкую кувшинку ему сорвать все-таки удалось. Правда, у нее был длинный стебель, который волочился за собирателем цветов по траве, как мокрый хвост. Но, как известно, стебель в кувшинке — далеко не самое главное.

Костя молча протянул цветок Кире. Та моментально перестала смеяться.

— Это мне? — спросила она, принимая цветок, и тут же, сноровисто орудуя цепкими пальчиками, попыталась пристроить его в прическу. — Очень мило. Ты за ним туда полез?

Костя молча кивнул.

— Нет, из тебя точно выйдет волшебник. Правда, тебя надо сначала отмыть. И... кажется, сударь, вы пьяны!

— Ничё я не пьян.

— Лжец, алкоголик и бабник!

— Чего это я бабник?

— Ну, я — баба. Ты здесь, со мной, а не на работе. Значит — бабник.

— Да я для тебя что хочешь сделаю! — наголовато заявил все еще хмельной Костя.

— Ой ли?

— Сто пудов!

— Тогда останови следующий поезд.

— Как? — не понял Костя. — На рельсы, что ли, лечь?

— Хочу тебя огорчить, но из-за лежащего тебя на рельсах поезд не остановится. Просто не успеет.

— А вот возьму и остановлю, — упорствовал Костя.

— Ладно, я пошутила. А за цветок — спасибо.

И тут произошла какая-то ерунда. Кира приблизилась к мокрому и жалкому Косте, положила руку ему на плечо, мимолетно чмокнула в перепачканную щеку, показала язык и тут же, не оглядываясь, быстро ушла к месту их импровизированного пикника.

Костя не сразу последовал за ней. Сначала, в первом приближении, приводил себя в порядок, потом втискивался в джинсы, которые не хотели налезать на мокрые ноги. Все это время с его лица не сходила идиотски-блаженная улыбка. С этой же улыбкой он вернулся к Кире.

Девушке, которая опять уютно устроилась на ветровке, улыбка не очень понравилась.

— Но, но, — заявила она, — ты это прекращай. Если кто увидит, подумает, что у тебя тепловой удар. Ты как вообще себя чувствуешь?

— Отлично. Никогда так хорошо себя не чувствовал.

— Тогда пора творить еще одно чудо, потому что воды ты наколдовать не догадался, а пить хочется безумно. Или уйдем уже?

— Нет, что ты! — испугался Костя. — Сейчас что-нибудь придумаем.

— Давай. Если поезд останавливать не будешь, а его уже, кстати, слышно, то сгоняй до магазина, без чудес, ногами. Денег дать?

Поезд.

Действительно, слышался слабый шум приближающегося состава, и уже первый раз легонько вздохнула земля.

Косте, пребывающему в состоянии индивидуального бессознательного, вдруг захотелось дурачиться, скоморошить, орать и хохотать. Он повернулся лицом к далекой насыпи, встал в позу, отдаленно напоминающую боевую стойку шаолиньского монаха, и скроил зверскую рожу.

— Узрите же истинное чудо! — завыл он. — Великий волшебник Коста да Нтин сейчас одной только силою могучей воли остановит этот жалкий поезд! Уберите от экранов женщин и детей!

Кира обреченно закрыла лицо руками. Ее плечи затряслись от смеха.

— Шабу-бабу-лабуда! — Костя интенсивно взмахнул руками и принял еще более эффектную позу, вперившись взглядом в только что показавшуюся вдали голову состава.

Состав был какой-то неправильный. Он состоял из совершенно одинаковых стальных грузовых вагонов серебристого цвета. Тянули его сразу три электровоза. Причем тянули как-то тяжело. Во всяком случае, с меньшей скоростью, чем те поезда, которые проносились по насыпи ранее.

А Костей окончательно овладел глупый азарт. Ни разу никто и никогда в поселке не видел, чтобы на этом участке перегона поезда стояли. Тем сильнее ему хотелось, чтобы именно этот состав взял и остановился.

Костя выпучил глаза, напрягся так, что, казалось, шевелились уши, и кричал про себя: «Стоять! Стой! Остановись! Я приказываю». Он мысленно строил перед поездом непреодолимые преграды, возводил высокие горы и щедро расплескивал широкие реки.

Поезду было все равно. Как шел себе, так и шел.

— Пожалуй, лучше все же учиться на дрессировщика, — заявила Кира, наблюдающая за пантомимой. — Медведи если со смеху не помрут, то сразу исполнят все трюки, лишь бы только ты прекратил эти кривляния. Папа рассказывал, что раньше у нас в храме был батюшка, который страдал эпилепсией. Как-то раз во время службы...

Закончить историю Кира не успела.

— А-а-а! Получилось! Смотри! Смотри!

Девушка обернулась и увидела, что странный поезд замедляет ход, явно используя экстренное торможение.

Костя прыгал от радости, а у Киры в груди почему-то нехорошо похолодело. Она решительно встала и отвесила волшебнику легкий подзатыльник.

— Прекрати быстро!

— Эй, ты чего?

— Ничего! Чему радуешься?

— Так я поезд остановил!

— И что? Ехал бы себе и ехал. Смотри, там что-то происходит.

Действительно, состав уже окончательно остановился. По насыпи вдоль вагонов забегали люди. Кажется, в камуфляжной форме, хотя из-за расстояния точно сказать было сложно. Некоторые фигурки активно размахивали руками, суетились. Другие казались собранными и деловитыми. Вот двое самых суетливых кинулись спускаться вниз по насыпи, но одновременно споткнулись и упали. Почти тут же послышались сухие негромкие хлопки, будто хворост ломали. Многие фигурки бросились к вагонам, а несколько подошли ближе к краю насыпи. Еще раз пощелкало-похлопало.

Костю кто-то дернул за штанину. Он опустил глаза и увидел, что Кира лежит лицом вниз на траве, пригнув голову.

— Ложись, дурак!

— Зачем?

— Стреляют же! Помереть захотел?

— Где стреляют? — не понял Костя.

Кира еще что-то говорила, но он уже не слушал, потому что во все глаза снова смотрел на поезд. Смотрел на то, как, словно створки диковинных раковин, раскрываются крыши трех серебристых вагонов. На то, как в образовавшихся проемах вырастают, неуклонно поднимаясь, словно алчные острые когти, готовые разорвать небо, зеленые массивные трубы.

За ногу ущипнули больно. Но Костя все стоял, даже тогда, когда одна из зеленых труб с яркой вспышкой выплюнула вверх длинную серую сигару. Негромко хлопнуло. Сорвались с придорожных деревьев птицы и рванули в сторону озера. Улететь успели не все. Совсем уж ослепительно сверкнуло, бабахнуло с ревом.словно адское пламя облизало по бокам состав, и сигара стремительно рванула ввысь. А из выси падали на землю горящими искорками еще трепещущие птицы. Ласковая волна очень теплого, но не обжигающего воздуха со всей мочи приложила Костю в грудь, и он наконец непроизвольно сел.

И тут же получил по лицу.

Это была не пощечина. Кира приложила его вполне умеючи, так, что лязгнули зубы и мир перед глазами поплыл. Костя ошалело мотнул головой, а Кира схватила его за рубаху на груди и трясла — только пуговицы разлетались. Белая кувшинка в ее волосах сейчас смотрелась совершенно нелепо.

— Ты что сделал?! Что наделал?! Волшебник хренов! Назад. Верни все назад сейчас же! Пусть уезжает! Пусть чертов поезд уезжает!

В этот момент полыхнуло и громыхнуло второй раз. Еще одна сигара — родная сестра первой — наставила острый нос в сторону плотных белых облаков и унеслась. Над головами с криками пролетели остатки ошалевшей стаи птиц. Слышно было только их да еще удаляющийся рев

ракетных двигателей. На озере стояла тишина. Застывший в ужасе пейзаж снова приласкала пусковая воздушная волна.

Кира перестала трясти парня. Она уткнулась ему в грудь, в остатки разорванной рубашки, и шептала, так что еле можно было разобрать:

— Что же ты наделал, Ваня? Как же мне тебя теперь найти? Теперь не найти. Теперь никому никого уже не найти. Никому и никогда. Костя, почему?

Костя хотел возразить, что он — не Ваня, но третья и последняя серая тень скользнула по синему небосводу вслед за предшественницами. И чем дальше она отдалялась, тем сильнее наваливалась на остающийся внизу мир кладбищенская тишь.

Костя провожал серую тень взглядом и бормотал пересохшими губами:

— Я волшебник. Я волшебник. Я настоящий волшебник...

Ярко-оранжевые полуденные звезды призрачно истаяли в небе.

Ольга ПОЛЯНИНА

«ТА ПТИЦА, ЧТО ПОЕТ...»

* * *

Если боюсь — то остаться опять в барыше,
Силы — чужой, былинной,
Перекаленной кратно.
Каждое слово теперь — как вода в ковше.
Выпью до половины
И отдаю обратно.

Высылки, выселка, долгого бега соль.
Эта знакомая гибель
Всего, что избыток.
Каждое слово обрезано по косой,
Стерто на сгибе,
Как у двойных открыток.

* * *

Свистнет июнь — соловьем и разбойником —
Буйную голову в темном снегу
Сложит сирень, я стучу рукомошкой —
Руки отмыть не могу.

Чудится — тени и веса лишенное
Чудо, как кровь на руках,
Данное мне, но опять не решенное
О четырех лепестках.

Вышел ли срок моему ученичеству
Или уже мастерству,
Завтра же будешь в раю ботаническом.
Я отступлюсь, не сорву.

* * *

Я — многие. Огонь и ворожба
Над очагом, листвы сердцебиенье,
Пустой песок и снова — на столбах —
Огни, огни, пришедшие в движенье.

Опять ворота с птицей на плече
И долгий берег с панорамным видом.
Я — все они, и никому ничем
Себя не выдам.

* * *

«Крестьянина Матвея Фомина
Младенец Иоанн, полгода, от поносу».
Ни смысла, ни следа. Намучился Ванюшка.
Как будто дали редкую вещицу,
Смотри: настройки, память, яркость...
И сразу отобрали: разобьешь.

Единственная запись, между прочим,
Где наш Матвей — Фомин,
Ну, здравствуй, дед Фома!
Так, значит, это ты в ревизской
Полутора годов и, значит, ты — Степанов.
А Пушкин жив еще.
Отец еще не умер.

Я/мы — младенец Иоанн.
Мной тоже где-то конопатят щели.
Я тоже есмь подсказка, перемычка.
Я, знаешь, даже в руки брать не буду.
Да, редкая вещица.
Сам держи.

* * *

...не так уж и пуста
Пустыня, по которой нас водили.
Песок, пески — вот здесь мы точно были.
И горизонт — знакомые места.

Впитавший кровь, и гной, и соль, и молоко
Песок, который к вечеру остынет,
Еще песок, но больше не пустыня.
Идти все легче, чувствуешь? Легко.

Подумай только — это ради нас
Затеян турпоход с ночевкой на природе.
Мы слишком много помним и, бог даст,
Еще походим.

* * *

Та птица, что поет,
Та флейта, что играет...
И не перестает,
Хотя перевирает.

Чем дальше — легче врать.
Как будто даже чище
Случается сыграть.
Само себя насвищет

Веселое вранье,
Как бабочка из шелка,
Про нас и про нее,
Которая умолкла.

ДРАМАТУРГИЯ

Наталья ДМИТРИЕВА

Г + Т + Н = ДОМ

Пьеса в пяти действиях

Садитесь на любой троллейбус, кроме «двойки», сойдете на остановке «Кинотеатр имени Маяковского». Идите дальше по ходу троллейбуса, увидите розовый дом, вверху — башенные часы, внизу — гастроном. Это так называемый «дом под часами».

Михаил Михеев, «Запах "Шинра"»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дом под часами, дом.

Первый, Второй, Третий, члены Расследовательской комиссии в сфере культурно-исторического наследия.

Борис Гордеев, архитектор.

Николай Никитин, архитектор.

Сергей Тургенев, инженер.

Олег Викторович, борец за права Дома.

Барон Унгерн, Константин Голодяев, горожане и прочие лица.

1.

Обычный (и отчасти — метафизический) кабинет. Канцелярский стол. На столе — кипа архивных документов. За столом — члены Расследовательской комиссии, которые рассматривают «Дело Дома под часами». Посреди кабинета стоит стул. На нем сидит постаревший Дом.

Первый (*обращаясь к Дому*). Итак, вы были построены с 1932 по 1934 год — по заказу Крайснабсбыта. Проживаете по адресу Красный проспект, 11. Ваши родители — архитектор Борис Гордеев и его проектная группа, в состав которой вошел его однокурсник и родственник Сергей Тургенев и инженер Николай Никитин. Никитин — это тот самый, что спроектировал Останкинскую телебашню и монумент «Родина-мать» в Волгограде? Верно?

Дом. Верно.

Второй (*обращаясь к дому*). Вы настаиваете на том, что представляете историко-культурную ценность для Новосибирска?

Дом. Настаиваю.

Третий (*иронично*). Потрепало вас время. Вам бы на инвалидность заявиться. А не на статус Музея конструктивизма претендовать.

Дом. Претендую на то, чего достоин.

Первый. Начинаем слушания по делу Дома под часами. У нас есть ходатайство о присуждении вам особого статуса, который позволит вам стать центром культурно-исторического наследия. Начнем с самого яркого эпизода. Свидетели защиты предполагают, что в вашем подвале сожгли в 1921 году тело барона Унгерна.

Третий (*возмущенно*). Я протестую! Нет никаких подтверждающих документов! Это городские легенды!

Второй (*примирительно*). Коллега, в нашем случае мифотворчество повышает исторический статус Дома в глазах горожан. Каждый уважающий себя «дом с историей» должен иметь привидение. Чем вас не устраивает легенда о «черном бароне»?

Третий (*запальчиво*). Ваше мифотворчество не выдерживает никакой критики! Барона Унгерна казнили в 1921 году, а Дом родился в 1932-м! Между этими событиями разница в одиннадцать лет!

Дом. Справедливости ради замечу, что это не мой подвал, а купца Федора Маштакова.

Третий (*удивленно*). В смысле?

Дом под часами — это застывшая во времени музыка четких линий и утилитарных форм

Первый (*вздохая*). Молодым коллегам стоило бы серьезнее изучать историю, прежде чем начинать работать в комиссии. Что ж, начнем с ликбеза.

Затемнение. На стене кабинета высвечивается экран. Зритель видит название фильма.

Тайна подвала купца Маштакова

В 2016 году в Новосибирске шарахнуло исторической сенсацией: бригада рабочих, укреплявшая в Доме под часами фундамент, обнаружила в его подвале «привет из прошлого» — подземный этаж со стенами, выполненными бутовой кладкой. Прибывшие на место происшествия краеведы удивленно присвистнули: ничего себе антураж — арки, мрачнуха — на конструктивизм совсем не похоже. Сотрудник Музея города Новосибирска Константин Голодяев сразу предположил: подземное пространство досталось Дому в наследство от дореволюционной застройки — в начале XX века новониколаевские купцы сильно уважали «бессмертные» свойства бутовой кладки, когда стена собиралась как конструктор легиона, из разных пород камня. Строили-то основательно, на века.

— На месте Дома под часами стоял одноэтажный дом купца Федора Даниловича Маштакова — одного из богатейших людей Новониколаевска, торговавшего чаем и тканями, — говорит Олег Викторович. — Обнаружив этот подвал, мы поняли — строители Дома под часами не стали изобретать велосипед, а использовали прежний фундамент, «похоронив» его под каркасом Дома.

Справка из сборника 1913 года «Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых»:

Маштаков Федор Данилович — крупный новониколаевский купец, владелец торговли всевозможными товарами (сибирский «Мюръ и Мерилизъ»), гласный городской думы, член правления приюта «Ясли», почтенный мировой судья при Томском окружном суде, строитель многих церквей, щедрый благотворитель во дни народных бедствий, член учетного комитета во многих банках, член Красного Креста, член Императорского общества спасения на водах, член Вольного пожарного общества. Родился в 1849 году во Владимирской губернии, образование получил в Ковровском городском училище. Оборот фирмы достигает ныне 2 000 000 рублей в год. Обладая столь исключительной энергией, скромное дело, основанное в 1874 году, продолжает вести честно. Адрес: Новониколаевск, Новониколаевский проспект. Тел. 147.

Федора Маштакова в Ново-Николаевске редкий бродяга не знал: достойный человек, меценат, купец прогрессивных взглядов! В свое

время переехал из Владимирской губернии в Барнаул, дело свое открыл — торговал мануфактурой и галантереей в Алтайском округе. А весной 1894 года вместе с братьями решил: едем в Кривошековский поселок! Так как раз мост железнодорожный строился, а чуйка предпринимательская Федора Даниловича никогда не подводила: будет Транссибирская магистраль — будет и торговля. «К маю 1894 года кроме Маштаковых в поселке работало уже более десятка торговых точек — купцов Жернаковых, Суриковых, Орлова, Семенова, Томсикова, торгового дома “Толоконский и Рубанович”, — опираясь на архивные документы, пишет в своем исследовании, опубликованном на сайте “Библиотеки сибирского краеведения”, Константин Голодяев. — Шире всех на новом месте развернулся Федор. Имея в Барнауле годовой торговый оборот до 60 тыс. рублей, он арендовал в Ново-Николаевском поселке к 1897 г. пять усадебных участков. В 1904 году его имущество оценивалось в 20,77 тыс. рублей».

На берегу большой сибирской реки строился новый город. Федор Данилович, как умный и предприимчивый человек, понимал: в Ново-Николаевске бурлит созидательная энергия рождения — грех ей не воспользоваться в коммерческих целях. Он арендует большой участок земли в 16-м квартале, рядом с одной из базарных площадей, и строит здесь двухэтажный каменный дом — мы все его знаем как здание Новосибирского художественного училища на Красном проспекте, 9. На первом этаже — женский рай с модными магазинами, на втором — семейное гнездо купца Маштакова. «Голубушка, а вы бывали у Маштакова в его “Мануфактурных дамских модных товарах”? Такой шарман!» — «А вы слышали, как жена нашего городского Курницкого стащила там штуку шелковой материи и спрятала ее под юбку? В газетах писали!»

На углу улицы Гудимовской (нынче Коммунистическая) Федор Данилович построил одноэтажный деревянный дом — спустя тридцать лет на его месте родился Дом под часами и получил прописку по адресу Красный проспект, 11. В новониколаевскую эпоху в одноэтажном доме торговали вином и разной бакалеей, заседала Новониколаевская городская управа и рассматривал дела Городской сиротский суд, а в апреле 1910 года дом был сдан заведующему телефонной станцией, мещанину П. А. Шестоперову под театр-синематограф. Архивы утверждают, что модный синематограф работал в прибыль, но Федор Данилович посчитал кино «невыгодной затеей» и в 1911 году отказал мещанину в аренде. Выражаясь современным языком, стартап прожил всего год. В том же году синема превратилась в Народный общедоступный театр — можно сказать, что дом на Гудимовской работал как современный бизнес-центр, где одни арендаторы сменяют других. А в целом квартал купца Маштакова играл огромную роль в развитии культурной жизни Новониколаевска — Дому повезло с культурными корнями. Интеллигент во втором поколении.

Но вернемся в подвал Дома под часами, оказавшийся на поверку наследством купца Маштакова. Когда подвал начали освобождать от мусора и хлама, то прилетела еще одна сенсация: в кладке стен обнаружены

следы от пуль! Город загудел слухами: кровавая гэбня, чекистский след, массовые расстрелы! Слухи изрядно подогревал тот факт, что в 1918 году в здании художественного училища (особняк Маштакова) заседала первая ЧК.

— В одном из отверстий мы нашли дробицу, сразу отдали ее сотруднику Музея Новосибирска Константину Голодяеву, а он в свою очередь передал ее на баллистическую экспертизу, — разматывает клубок событий Олег Викторович. — «Чекистский след» оказался шрапнелью, которая отливалась для головной части снаряда «Фердинанд», а он производился до 1916 года. Думаю, что, когда здесь была стройка, дети решили порезвиться — достали где-то снарядик, развели костер и бросили его в огонь. Следы очень кучно легли.

2.

Все тот же кабинет. Члены Расследовательской комиссии изучают документы.
Дом сидит на стуле.

Первый. Надеюсь, всем понятна связь купца Маштакова и Дома под часами? Или есть какие-то сомнения?

Третий (недовольно). Сомнения всегда есть. Мне кажется, что эта связь притянута за уши. К примеру, мой прадед был великим математиком, а я пошел в агрономы — при чем тут какие-то связи?

Второй (дружелюбно). Коллега, мне кажется, что вы напрасно подходите к памятникам архитектуры с человеческими мерками. Природа на нас отдыхает. А на них — нет.

Дом. Давайте вернемся к эпизоду с бароном Романом Федоровичем фон Унгерн-Штернбергом. Есть свидетели.

Третий. Вот только не надо здесь спиритических сеансов с вызовом духа «черного барона» устраивать. У нас XXI век на дворе. Называйте вещи своими именами. Не свидетели, а носители городских легенд.

Затемнение. На авансцену выходит историк архитектуры Олег Викторович и горожанка Ирина Абуева, проживающая в Новосибирске с 1970 года.

«Сожгли в котле»

15 сентября 1921 года в новониколаевском городском саду «Сосновка» гудел возбужденный улей из двух тысяч крестьян, рабочих и красноармейцев. Народ, подгоняемый извечным желанием хлеба и зрелищ, слетелся сюда на показательный суд над бароном Унгерном — легендарным генералом-лейтенантом белой армии, взятым в плен отрядом партизан, возглавляемым Щетинкиным. Участь барона была предрешена телеграммой Ульянова-Ленина: «Судить и, в случае установления вины, в чем не может быть ни малейших сомнений, немедленно расстрелять».

**В силуэте Дома под часами можно увидеть гордый паролод,
идуций по волнам времени**

Фигура Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга, непримиримого врага большевиков, окружена романтическим буддийским флером, который вполне себе уживается с легендами о звериной жестокости барона, вычищающего огнем и мечом «красное семя». О нем написаны километры подробных текстов, но членов Расследовательской комиссии заинтересовал документ, размещенный на краеведческом ресурсе «Новосибирск в фотозагадках». Это постановление Новосибирского областного суда от 25 сентября 1998 года об отказе в реабилитации в отношении бывшего генерал-лейтенанта белой армии, командира Азиатской конной дивизии Унгерн фон Штернберга Романа Федоровича, родившегося в 1885 году в городе Граце (Австрия), осужденного приговором Чрезвычайного революционного трибунала от 15 сентября 1921 года и приговоренного к расстрелу.

Уголовное дело, по которому Унгерн фон Штернберг был осужден, где хранится — не установлено. Однако заключение в отказе в реабилитации составлено на основе восстановленного уголовного дела. Вина Унгерна в совершенных им преступлениях доказана его собственными показаниями, данными на допросах 27 августа 1921 года и 7 сентября 1921 года, а также в судебном заседании от 15 сентября 1921 года.

Признавая вину, он, в частности, пояснял, что служил ставленнику Колчака Семенову, с которым они вели непримиримую войну с Советской властью с целью ее свержения. Он показал, что по его приказу производились расстрелы всех советских граждан и лиц, сочувствующих Советской власти, были сожжены все деревни, нахо-

дящиеся на пути следования его дивизии, в селах Новодмитриевка и Капчеранская по его приказу расстреляны три семьи с детьми, по его приказу расстреливались политработники и комсостав 232 полка, служащие Центросоюза, священник, сожжен город Угра.

Так, свидетель Цыпулов пояснил, что 6 сентября 1920 года близ реки Аноны около монгольской границы отрядом Унгерна по его приказу было сожжено много населенных пунктов, убиты женщины, мужчины и дети.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР, ст. 10 Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий», президиум постановил: приговор Чрезвычайного революционного трибунала от 15.09.21 года в отношении Унгерн фон Штернберга Романа Федоровича оставить без изменений и признать его не подлежащим реабилитации.

Но в 2006 году попытки реабилитировать «кровавого барона» были предприняты вновь — в Генеральную прокуратуру РФ поступило частное заявление с просьбой проверить дело барона. Одна из праворадикальных партий хотела сделать его своим «знаменем», но сомневалась в оправданности жертв, принесенных им во имя идеи. В общем, одиозная личность продолжала и после ухода в мир иной будоражить умы — особенно в контексте своей таинственной смерти. Никто не знает, где после скорой казни упокоилось тело барона, а как говорили менты в 90-х: «нету тела — нету дела».

— Мне рассказывали историю, что после оглашения приговора барона ночью тайно вывезли на реку Обь, — говорит Олег Викторович. — Поставили на колени, выстрелили в затылок и сбросили тело в воду. На мой взгляд, это очень романтичная версия. Барон имел серьезный политический вес и был сакральной фигурой. Его тело надо было уничтожить, чтобы избежать паломничества и поклонения. Документов никаких не осталось, поэтому свидетельства и место захоронения найти невозможно. Я согласен с версией краеведа Вадима Капустина, что барона казнили в Доме под часами, где была тюрьма ЧК.

По версии историка архитектуры, тело барона Унгерна после казни было торопливо сожжено в котле, который до сих пор находится в подвале Дома под часами и достался ему в наследство от купца Маштакова. Об этом свидетельствует и горожанка Ирина Загидовна Абуева: историю о сожжении тела барона в «каком-то котле» на тюремной территории она слышала от своего свекра Бориса Сергеевича Митропольского.

Известный геолог Борис Митропольский был потомком Герхарда Миллера — русско-немецкого историка, естествоиспытателя и путешественника. Его мама Эльза Фердинандовна Миллер приняла революцию и вместе с сыном-подростком приехала из Петрограда в Новониколаевск, чтобы поспособствовать делу «мирового пожара». Восторженный подросток Борис Митропольский принял «красную борьбу» всей своей пылкой юношеской душой и сотрудничал с ЧК, гонясь со своим отрядом за кулаками в Тогучинском районе.

В этой печи, согласно городской мифологии, сожгли тело барона Унгерна

Отрезвление не заставило себя ждать: в одну из «командировок» питерский юноша понял, что в большинстве своем «кулаки» — это просто трудолюбивые люди. Чтобы спасти людей от неминуемого раскулачивания, юный командир отряда продразверстки начал подделывать документы: мол, приезжаем в деревню, а там сплошная беднота — раскулачивать-то некого.

— Борис Сергеевич рассказывал, что сразу после суда в городском саду «Сосновка» (это в районе улицы Фабричной) барона Унгерна конвоировали в ЧК — в этом здании сегодня художественное училище находится, — рассказывает Ирина Абуева (по совместительству — мама автора этого текста). — А ночью расстреляли на его территории. Свекор говорил, что тело барона нельзя было хоронить, поэтому его сожгли в каком-то купеческом котле в подвале. Сам Борис Сергеевич свидетелем этому не был, но тесно общался с сотрудниками ЧК, которые все это ему рассказали. Я хорошо помню эту историю.

3.

Все тот же кабинет и те же действующие лица. В кабинете жарко. Первый наливает воду в стакан из высокого графина, Второй листает документы, Третий что-то торопливо пишет в смартфоне. Дом продолжает сидеть на стуле.

Второй (добродушно обращаясь к Третьему). Информацию сливаете журналистам, коллега? А как насчет ваших выступлений, что все это мифотворчество не выдерживает никакой критики? Теперь выдерживает?

Третий (*смущенно*). Легенда-то годная. Просто ее нужно в правильную обертку упаковать.

Первый неожиданно поет на мотив известной песни военных лет: «Бьется в тесной печурке барон». Все замолкают и смотрят на Первого.

Дом (*удивленно*). А у вас неплохой баритон.

Первый. «О, сколько нам открытий чудных...» В детстве пел в хоре. Товарищи, мне кажется, что мы чересчур увлеклись деталями. Мы расследуем дело о культурно-историческом наследии, а не очередной том сказок братьев Гримм выпускаем. Пора начинать работать с реальными свидетелями и архивными документами.

Второй. За архивы семьи Бориса Гордеева спасибо надо сказать новосибирскому архитектору и краеведу Вадиму Капустину. Он три года убеждал семью, что материалы о жизни архитектора должны храниться именно в Новосибирске, где он спроектировал главные городские символы — железнодорожный вокзал, Дом под часами и оперный театр.

Третий. Вы хотели сказать — НОВАТ?

Второй. Кому НОВАТ, а кому — оперный театр, коллега.

Затемнение. На авансцену выходит Борис Гордеев.

Борис Гордеев. Я, Гордеев Борис Александрович, инженер-конструктор по специальности, родился в городе Горьком в 1903 году, в семье конторского служащего, из мещан города Семенова. Среднюю школу не окончил, начал трудовую жизнь в шестнадцать лет, поступил чертежником в центральное управление госзавода химпромышленности. В 1926 году окончил Московское высшее техническое училище по архитектурно-му отделению. С 1928 года, с момента начала активного развертывания строительства в Новосибирске, организовал первую проектную организацию в Сибири при новосибирском Горкомхозе. В июле 1931 года по предложению ПП ОГПУ по ЗСК перешел на работу главного архитектора стройотдела ПП ОГПУ. Для Новосибирска мною были спроектированы здания: жилого дома и гостиницы «Динамо», жилого дома Крайснабсбыта, дома-комбината, стоквартирного жилого дома, здания «Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» — всего до ста объектов, которые находятся в эксплуатации.

«В букве бетона и стекла»

Архитектурный мэтр Новосибирска Андрей Крячков считал молодого архитектора Гордеева «выскочкой» и «случайным человеком в архитектуре». Нет, товарищи, позвольте — всего двадцать пять лет, а какие амбиции! Конструктивизм, идеология утилитаризма, производственное искусство, дома-коммуны, общий быт, полет в космос социализма —

вздор и утопия! Если давать этим молодым волю, так они быстро город черт знает во что превратят. Вот чем руководствовался градостроитель Борис Коршунов, когда приглашал его в Новосибирск?

Справка за подписью главного инженера ПП ОГПУ В. Я. Мокшунова: «В 1931—32 годах в Новосибирске на Красном проспекте было построено административное здание Запсибкрайисполкома (в этом здании сейчас находится Новосибирское областное правительство. — *Прим. ред.*). Строительство здания было начато по проекту профессора-архитектора Андрея Крячкова, и, когда была построена часть фундамента здания, строительство было передано строительной организации ХОЗО ПП ОГПУ, где я работал в должности главного инженера. При строительной организации работало проектное бюро, в котором работали главный архитектор Борис Гордеев, архитектор Сергей Тургенев и инженер-конструктор Николай Никитин. Перед разворачиванием работ проект архитектора Крячкова был детально рассмотрен в нашей организации и в нем был обнаружен ряд дефектов. В особенности большие замечания были по фасаду здания, который был выполнен в старых формах и не соответствовал духу времени. Было решено внести в проект необходимые изменения и сделать новый проект с использованием заложенных фундаментов, что и было сделано Гордеевым, Тургеневым и Никитиным».

Старая как мир история: зрелость хочет почивать на заслуженных лаврах, молодость — рвать ткань привычного бытия. Крячкову тогда было пятьдесят, Гордееву — двадцать пять. Один работает в жанре «рационалистического модерна», оставляя визитки в виде знаменитых башенок из красного кирпича, другой провозглашает первостепенность полезности дома, который, по мнению лидера конструктивизма Александра Веснина, должен представлять собой «голую конструкцию без балласта изобразительности». Кстати, его брат, Виктор Веснин, был преподавателем Бориса Гордеева, у которого он прошел обучение «по фабрично-заводскому циклу» — в городском архиве хранится его характеристика на любимого ученика. «Как одному из талантливых питомцев, МВТУ поручило Борису Гордееву проектирование нового здания, — сообщает профессор В. Веснин. — Работы Гордеева в настоящее время находятся на выставке в Нью-Йорке». Проекты двадцатичетырехлетнего Гордеева поехали на выставку «Век машин» в Америку, а что сделал ты?

Молодой архитектор сумел за десять лет работы в Новосибирске сконструировать новый облик города — дерзновенный, наполненный смыслом, метафоричный. Плывет по городским волнам памяти гордым пароходом Дом под часами, несется на восток паровоз железнодорожного вокзала, ловит космические вибрации купол оперного театра, структурирует пространство строгой геометрией жилой квартал «Кузбассугля» на Красном проспекте, выступает острыми ребрами дом Общества по-

Музыка линий

литкаторжан на улице Фрунзе. Кто сказал, что главный сибирский зодчий — это Андрей Крячков? При всем нашем к нему уважении, конечно.

При нынешнем уровне инфантилизма странно звучит фраза, что на момент проектирования Дома под часами Гордееву было около двадцати шести лет. Уже идет строительство «спорного» здания Запсибкрайисполкома, где сегодня работает областное правительство, построен жилой комплекс «Динамо», заезжают новоселы в дома «Кузбассугля» — творческая энергия Гордеева воплощается в букве бетона и стекла как мощное футуристическое высказывание. В новом мире человек будет созидать, прорывая творческой мыслью далекие галактики. Никаких мещанских кухонь — только творчество, только хардкор. Хочешь есть? Сходи в пищеблок. Кстати, современные феминистки на ура бы восприняли идеи конструктивизма — его идеология освобождала женщин от кухонь. Как и освобождала от «мещанской» приватности: в Доме под часами, к примеру, квартиры выходили на застекленные галереи-коридоры, где каждый «прохожий» мог сунуть свой нос не в свое семейное дело. А чего мы там за занавесочками прячемся? Не время, товарищ, — новое общество строим!

Из заметки «Советской Сибири» за июль 1946 года, размещенной на краеведческом ресурсе «Новосибирск в фотозагадках»: «Двадцать лет назад на Красном проспекте появился новый дом. Все любовались им. Ближние здания всеми своими кирпичами завидовали славе молодого соседа... Он ослепительно сверкал тысячами стекол своих удлиненных веранд, где, отражаясь в масляных панелях, играли дети. В нарядном зале “Гастронома” толпилась публика. Зеркальная кабина лифта легко и нежно мчала своих пассажиров — жиль-

цов верхних этажей. Под вечер в десятках квартир начинали журчать дожди душей, в белых ваннах плескались, сбрасывая усталость после рабочего дня, счастливые обитатели. Как венец и символ благополучия, на башне, вознесенной на высоту седьмого этажа, мерно отсчитывающая время, шли огромные часы. Эти часы принесли дому огромную популярность. По ним издали горожане узнавали время».

Борис Гордеев творил истово, понимая, что земного времени у него осталось мало. Туберкулез легких съедал организм, иногда давая передышку-ремиссию. «1935—1937 годы были почти вырваны из моей трудовой книжки осложнившимся туберкулезом, — пишет в своей автобиографической справке архитектор. — Я был вынужден подолгу жить в Крыму. В 1938 году работал главным архитектором по переносу города Калязина».

В 1941 году Бориса Александровича отправляют в Красноярск, а через два года он возвращается в Новосибирск, чтобы здесь умереть. Дело в том, что Московский туберкулезный институт был эвакуирован в наш город, а Гордееву срочно нужна была помощь.

Но не успели.

7 мая 1943 года он умер в возрасте тридцати девяти лет и был похоронен на Заельцовском кладбище. На долгие десятилетия Новосибирск забыл о нем, вымарав само понятие «конструктивизм» из городского исторического контекста.

Из письма жены Бориса Гордеева Елены: «Вспоминается 1943 год, когда я привезла его из Красноярска в туберкулезный институт Новосибирска. Уже смертельного больного перевозила его из дома в больницу, где он и умер. На центральной площади города он попросил остановить машину, долго стоял он на площади, долго смотрел в сторону Большого Оперного театра... Прошу мне простить это лирическое отступление, — я не могу не вспомнить о нем, так как являлась живым свидетелем его отношения вообще к Новосибирску. Москва, май, 1974 год».

4.

Кабинет. Тишина. Дом скособочился на стуле, тихо плачет.

Третий. Да уж. Тут живешь и все думаешь, что это только генеральная репетиция. А человек сразу жил по-настоящему. Невзирая на статус спецпереселенца.

Первый (*вздрагивает*). Кто спецпереселенец?

Третий. Борис Гордеев. Его же в ссылку в Сибирь сослали. В источниках пишут. Сергей Баландин в энциклопедии утверждал, что архитектор приехал в Новосибирск как спецпереселенец. Профессор Невзгодин об этом же в своей публикации сообщал. В Сибирь умирать отправляли, а мы тут живем. (*Неуклюже смеется над своей шуткой.*)

Второй. Если следовать вашей логике, то и академик Лаврентьев — спецпереселенец. А вы не допускали мысли, что люди могли сюда ехать по собственному желанию?

Третий (*удивленно*). Зачем?

Второй. Чтобы создавать новое. Одним потреблением сыт не будешь, коллега.

Первый (*обращаясь к Третьему*). Молодой человек, прекратите множить эту растиражированную байку про Гордеева-спецпереселенца. Подумайте логически. Вы изучили много документов, где говорится, что архитектор работал в системе ОГПУ. Он и сам в своей автобиографии, которая хранится в городском архиве, об этом говорит. Цитирую дословно: «В июле 1931 года по предложению ПП ОГПУ по ЗСК я перешел на работу главного архитектора стройотдела ПП ОГПУ». Как вы думаете, система могла позволить, чтобы стройотделом руководил неблагонадежный человек? Особенно если учесть, что у него был допуск ко всем секретным документам.

Третий. Признаю, был неправ. Но тогда встречный вопрос. Почему Новосибирск долгие годы отвергал архитектора, который спроектировал для него самые знаковые здания? (*Достает из архивной папки отпечатанное на машинке письмо.*) Вот, к примеру, Л. Смирнов из Ростова-на-Дону благодарит в 1974 году Елену Гордееву за снимки ее мужа и говорит в своем письме, что в его монографии впервые будет рассказано о вкладе Бориса Александровича в строительство Новосибирска. Цитирую: «Составил из ваших сведений литературный портрет молодого архитектора, так много сделавшего для развития современной архитектуры в Новосибирске. Портрет, конечно, краткий, в рамках главы моей рукописи, но все же он будет единственным в литературе о Сибири». Очень странные дела. Да в его честь как минимум улицу должны были назвать!

Второй (*вздыхает*). След архитектора Крячкова. Трудно проигрывать молодым конкурентам, когда ты уже на пьедестале. Видимо, ему удалось каким-то образом сформировать мнение о «выскочке»-Гордееве в градостроительной среде Новосибирска. А гениев, знаете, люди не любят. К счастью, нашлись подвижники, которые сдвинули «дело Гордеева» с точки забвения.

Первый. Давайте продолжать. Рассмотрим эпизод под условным названием «Три товарища». Все-таки Борис Гордеев не в одиночку работал.

Затемнение. На авансцену выходят Сергей Тургенев и Николай Никитин.

Сергей Тургенев. Я, инженер-строитель Сергей Петрович Тургенев, родился в 1902 году в Москве. Мой отец, Петр Сергеевич Тургенев, был персональным пенсионером как ближайший родственник писателя

Ивана Тургенева. Я начал свою учебу с гимназии, которую окончил в 1918 году. До 1921 года, в связи с тяжелым положением семьи, я работал в ремонтных автомастерских. И одновременно готовился поступать на архитектурное отделение Московского высшего технического училища, что и сделал в 1920 году, но фактически приступил к учебе только с 1921 года. В 1927-м я женился на Татьяне Александровне Гордеевой. В этом же году меня и брата выслали в Сибирь.

Николай Никитин. Я, инженер-конструктор Николай Васильевич Никитин, родился 2 декабря 1907 года в Тобольске. В 1911 году я с семьей переехал в Ишим, где закончил два класса приходского училища. Осенью 1919 года в город вошли красные, и мы с отрядами Колчака ушли в город Новониколаевск. Здесь я окончил с отличием школу имени Тимирязева и в 1925 году уехал в Томск поступать в Сибирский технологический институт имени Дзержинского на инженерно-строительный факультет. Учился на архитектурном отделении, где пригодились мои навыки рисования. Как пишут историки, будучи студентом, я «заболел» железобетонными конструкциями, во время учебы руководил конструкторским бюро, которое сотрудничало с Кузнецким металлургическим комбинатом. В 1930 году я с дипломом вернулся в Новосибирск.

Олег Викторович — хранитель Дома

«Три товарища»

Семейная легенда Тургеневых-Гордеевых гласит, что братья Тургеневы пошли по статье 58.5 УК РСФСР за «ни за что» — пели в кругу друзей фривольные куплеты на мотив «Боже, Царя храни!». Что там на самом деле происходило — никому не ведомо, но факт остается фактом: 10 июня 1927 года Сергея Тургенева арестовали, а 8 июля огласили приговор — три года концлагерей. Но 25 октября суд смилостивился и заменил концлагерь ссылкой в Сибирь — в город Тулун Иркутской области. А в сентябре 1929 года Сергей Тургенев приезжает в Новосибирск — по приглашению своего однокурсника и шурина Бориса Гордеева.

Из секретного рапорта на имя заведующего Горкомхоза от 28 июня 1929 года: «Вами мне предложено поискать кандидата на замещение вакантной должности по отделению благоустройства. Из моих справок в инженерно-технических кругах Новосибирска выяснилось, что архитектора со стажем в данное время из работников, находящихся здесь, заполучить невозможно. В виду упразднения в Тулуне округа, имеется возможность при вашем содействии привлечь инженера Тургенева, высланного на жительство туда, имеющего хорошие отзывы о работе. Полагаю, что Б. А. Коршунов сможет дать свой отзыв о работоспособности инженера Тургенева, который когда-то работал у него».

Вместе Гордеев и Тургенев начали строить Новосибирск, модернизируя «сибирскую провинцию» в духе конструктивизма — общая любовь к архитектуре и стилю окрыляла! В 1930 году к ним присоединяется инженер Николай Никитин, который скрепляет полет творческой мысли силой железобетонных конструкций. Начинается золотая эра конструктивизма в Новосибирске: три товарища совместно разрабатывают проект четырехэтажного дома на привокзальной площади, жилой комбинат «Динамо» на Красном проспекте, здание Крайисполкома на Красном проспекте (дружеский привет архитектору Крячкову!), здание железнодорожного вокзала, ну и конечно — Дом под часами. Кстати, для железнодорожного вокзала инженер Никитин спроектировал уникальные большепролетные железобетонные арочные перекрытия, которые и позволили зданию иметь столько воздуха и света.

Отзыв на здание железнодорожного вокзала от корифеев конструктивизма братьев Весниных: «Общая архитектурная композиция новоси-

Евгений Конопцев регулярно заводит знаменитые часы

бирского вокзала, исполненная архитекторами Б. Гордеевым и С. Тургеневым, выражает идею большого вокзала. В целом можно считать, что трудная задача найти оформление нового советского типа вокзала решена удачно».

В 1934 году Сергей Тургенев уезжает в Москву. Через три года туда приедет и Николай Никитин, чтобы через годы творческих поисков стать автором самых главных советских символов — Останкинской башни и монумента «Родина-мать» в Волгограде.

5.

Кабинет. За столом — порядком уставшие члены Расследовательской комиссии. Дом стряхивает с себя штукатурку, кряхтит.

Первый. Ну что же, все документы изучены, свидетели выступили. Думаю, что прений не будет.

Второй. Какие еще прения, помилуйте. Что мы — не люди? И так все ясно. Уже один тот факт, что международный комитет Досомото, охраняющий памятники современной архитектуры, признал Дом под часами одним из 800 лучших авангардных творений архитектуры в мире, говорит за себя.

Третий. А я бы послушал выступление Дома. В порядке самообразования, конечно. Все-таки — первоисточник.

Дом. Да я с радостью. Могу про часы рассказать.

Затемнение. На авансцену выходит Дом. Он неожиданно не привычного серого цвета, а персикового.

«Бьют часы на старой башне»

Никто не знает, кому пришла эта идея в голову — выкрасить Новосибирск в унылый серый цвет. Достаточно посмотреть на старые фотографии тех же 50-х годов, чтобы убедиться — центр утопал в зелени и радовал глаз яркими цветами. А Дом под часами был свежего персикового цвета. Да, не практично, зато красиво. Кстати, про красивое. Многие считают Дом под часами некрасивым: непонятная геометрия, строгость форм, прямые углы. А где миленькая лепнина, все эти «рюши от архитектуры»? Но архитектура — это как музыка. Есть приятные для ушей мелодии, а есть Стравинский и Шнитке, до которых надо интеллектуально дорасти, чтобы понять, о чем они говорят. Так вот, конструктивизм — это Стравинский и Шнитке. Кто-то видит в Доме под часами «нагромождение кубиков», а кто-то — силуэт парохода или птицу на взлете.

Раньше деревья были большие, а во дворе Дома под часами журчал летом фонтан, где радостно плескалась каникулярная ребятня. А еще — летняя эстрада, танцы, песни, и плыл над Красным проспектом медовый

вечер, настоящий на сирени, и наши мамы бегали на первые свидания. «Встречаемся у Дома под часами!» И нетерпеливое ожидание влюбленных: ах, как медленно-медленно ползет минутная стрелка на башенных часах! Да что же ты, время, так ползешь-то?! И грустно улыбается Дом: эх, милые мои, пролетит время — не заметишь.

Пролетело — не заметили. По чердачной лестнице поднимаемся в башню Дома, где продолжает стучать сердце города — его сегодня регулярно заводит Евгений Конотопцев. Несколько лет назад его отец Сергей Конотопцев отремонтировал часовой механизм — часы на башне очнулись после многолетнего кризисного сна и пошли вновь. «Стучит, стучит сердце Новосибирска!» — радуется Олег Викторович, бессменный борец за права Дома.

— Прихожу сюда два-три раза в неделю, еще от погоды зависит, — говорит Евгений. — Часы — вечные. Они устроены по принципу «ходиков». Если за ними следить, то будут идти исправно. Правда, из-за сезонных перепадов температуры башня начала «гулять». А часы держит штанга, которая упирается в стену, — регулирую их по уровню.

Кстати, Дом под часами до сих пор хранит «тайну башни»: откуда часики будут? Одни источники утверждают, что часы были изготовлены на новосибирском заводе «Труд», другие считают, что их привезли из Германии, третьи предполагают «два в одном» — механизм немецкий, а сборка местная. Но это — всего лишь детали. Сегодня важно главное — сохранить футуристическую песню стекла и бетона, подаренную нам Борисом Гордеевым, Сергеем Тургеневым и Николаем Никитиным.

— Вопрос с реставрацией и реконструкцией дома решается положительно, — уверен Олег Викторович. — Мы разработали план мероприятий, нашли деньги на экспертизу, создали рабочую группу, которую возглавила профильный заместитель губернатора НСО. Но стоим на месте, потому что непонятен объем работ в плане музеефикации Дома под часами.

Милый дом. Подожди немного, а?

Кабинет исчезает в темноте. Вместо него появляется высокая серая стена. Дом подходит к стене, вынимает из кармана мел персикового цвета и размашисто пишет «Г + Т + Н = ДОМ». Все исчезает. Остается лишь эта надпись.

З а н а в е с .

Николай АНОВ

АЗИЯ

Р о м а н *

ХІІІ.

Бывший казачий есаул Иван Матвеевич в пятницу праздновал именины жены. Гости сидели на чистой половине и пили «семиречку». Граммофон, стоявший на этажерке с книгами, шипел цыганские романсы.

— Никанор Никанорыч, разрешите еще по маленькой...

— Премного благодарим.

— Нурбай Мухамедыч!.. Вам?..

— Спасибо...

Граммофон захрипел и забуксовал. Хозяин бросился менять пластинку.

— Могу завести интересный рассказ из еврейской жизни...

Хозяйка закрыла окошко на улицу:

— Квартирантка напротив живет... Жидовочка... Еще донесет...
Лучше от греха подале...

— Теперь ихняя власть, — сказал Никанор Никанорыч.

Граммофон зашипел еврейский анекдот...

— Вредная квартирантка живет... Очкастая стерва... В газетке, ска-
зывают, пишет... Эсфирь...

— Скажи-ите! Я думал, немка она!

— Какой там немка... В коммуне с немцами все трется...

— А вы думали, в коммуне немцы? Сплошь жида.

— Это вы уж оставьте, — заметил гидротехник Ветров. — Еврей на земле ни за что работать не станет... Он все больше норовит куда-нибудь в аптеку или в часовой магазин...

— Ну их к матери... Никанор Никанорыч... Товарищ Ветров, под рыбку соленькую... Не сдавайте...

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2022, № 8.

Иван Матвейч усердно наливал граненые рюмки. Именинница разносила пирог.

— А коммуна в трубу летит, — злорадно сказал Никанор Никанорыч, вытирая жесткие усы, — через две недели, коли дождя не будет, начнет у них хлеб гореть...

— Вот те и «в коммуне остановка».

— Сколько тыщ в эти затеи вбухали... Я смотрю так: мужикам эти деньги бы отдать — все буржуями бы стали...

Никанор Никанорыч вытирал носовым платком вспотевшую лысину. Маленькие крысиные глазки его блестели.

— Слышал я, — сказал Иван Матвеевич, — воскресник намереваются комсомольцы устраивать. Хотят арык чистить, чтоб из Сайрам-Су воду взять. В газетке Эсфирь Блох, эта самая, пишет. Восемьсот человек мобилизовать мальчишек собираются.

— Ей, конечно, боле других надо...

— И откуда ее вынесло?

— Немного они воды в Сайрам-Су найдут! Обожгутся! — заметил Никанор Никанорыч.

Ветров недовольно закрутил головой.

— Это вы напрасно. Там источник есть, только засорен больно. Я вот сомневаюсь, чтоб у них хватило силы прочистить арык. Его заново копать надо... А это, шутка ли, почти пять верст... Воскресником тут не много наработаешь.

Иван Матвеевич густо покраснел от волнения и рванул ворот рубахи:

— Так это что же, если полив будет, и коммуна останется, выходит?

— Выходит так!

— Не надо коммуны! — забормотал пьяный Нурбаев. — Зачем коммуны... Хотят баранов водить, Фергану продавать будут. Совсем плохо станет...

Иван Матвеевич ходил по комнате и размахивал руками. Лицо его покрылось красными пятнами.

— То для киргиз землю отняли, а теперь для немцев... Это что же такое... Житья совсем нет... Труба... Ране сто десятин засевали, а теперь десять...

— Никто эту гадюку не пришибет, — поджимая сухие губы, брезгливо сказала именинница. — Чего парни смотрят? Не понимаю!

— Бить надо, — поддержал Нурбаев. — Шибко бить надо.

За окном играли на гармонике. Пьяный парень пел частушки. Через улицу гуськом тянулись жирные утки, купаясь в пыли.

Никанор Никанорыч стучал кулаком по столу и плакал пьяными слезами:

— Станичники кровь проливали на войне с немцами, а теперь немцам землю отдают... Не допущу...

— Нурбай Мухамедыч! По маленькой!

...Нурбаев не помнил, как он вернулся домой от Ивана Матвеевича. Но когда работник вылил ему на затылок три ведра холодной воды, он пришел в себя.

Перед ним стоял Ахмет Байдильдин и размахивал кулаками:

— Подавай сто рублей, собака! Сейчас отдавай обратно...

Седая борода Ахмета Байдильдина тряслась от негодования. Нурбаев пригласил зайти гостя в комнату.

— Зейнаб украли из аула... Зейнаб бежала в город. Отец невесты не отдает калым обратно! — задыхаясь от торопливости, говорил Ахмет Байдильдин.

Зачем Нурбаев обманул уважаемого человека? Он обещал за сто рублей обделать все дело как следует и ничего не сделал. Ахмету Байдильдину грозит суд и тюрьма...

— Это все Иса виноват, — примиряюще сказал Нурбаев, ощущая тупую боль в затылке. — Надо Ису учить...

И, загораясь неожиданно злобой, погрозил кулаком в окно:

— Я ему дам!

Младший сынишка Нурбаева побежал к кишлачному учителю. Учитель пришел, поговорил с Нурбаевым и пошел к отцу Исы. Отец Исы, бедный человек, стоял почтительно в дверях и безмолвно слушал укоры Нурбаева. Чем он виноват, что комсомол испортил Ису? Теперь с Исой трудно говорить. Ему шестнадцать лет, а он не слушает отца.

— Приведи его сюда, я сам буду его учить! — закричал Нурбаев.

Пока Ахмет Байдильдин и учитель пили чай с баурсаками, отец бежал за Исой. Отцу было жалко сына, но он был должен Нурбаеву мешок рису. Богатый человек много может причинить зла бедному.

Отец вел Ису за руку. Он вздрагивал от страха и жалости, но сыну говорил сурово:

— Вот видишь, Иса, сколько горя из-за тебя терпит отец. Будь почтительным, когда войдешь в дом Нурмухамеда Нурбаева. Совсем забудь, что ты ходишь в комсомол.

Нурбаев посмотрел на юношу сонными, заплывшими глазами. Иса опустил голову.

— Щенок проклятый, долго ты будешь гадить и срамить своего отца? Отвечай, где Зейнаб?

— Не знаю, — глухо ответил Иса, не поднимая глаз. Нурбаев вскочил с неожиданной легкостью и ударил Ису по щеке. Юноша еще ниже опустил голову.

— Я научу тебя говорить, комсомольская собака... Я научу тебя. — Нурбаев схватил со стены камчу и свистнул ею в воздухе.

Отец Исы закрыл лицо ладонями. Учитель шептал слова молитвы.

Иса хотел выскочить в двери, но не успел. Нурбаев схватил его за рубаху и со всей силы ударил по спине. Иса закричал пронзительным

голосом и залился слезами. Нурбаев хлестал юношу камчой и кричал учителю:

— Закрой двери на крючок!

Отец держал Ису за руки и плакал. Учитель зажимал юноше рот. Еще могут услышать на улице...

Нурбаев отбросил камчу в угол и, уставший, упал на подушки.

— Пусть уйдет, — кивнул он головой на Ису. Учитель поднял крючок.

Ахмет Байдильдин сказал удовлетворенно:

— Теперь он скажет, где Зейнаб!

Гости продолжали пить чай. Отец Исы тоже присел рядом с учителем. Нурбаев угощал баурсаками. Учитель ел с удовольствием, но отец Исы поперхнулся:

— Кхе... Кхе...

XIV.

На другой день ровно в семь часов Дмитрий зашел к Анфисе. Она, очевидно, ждала гостя; в комнате было прибрано, и на столе сверкала чистая скатерть. Дмитрий увидел юношу с книжкой в руке.

— Мой сын Митя, — сказала Анфиса и почему-то смутилась.

Дмитрий заметил ее смущение и невольно покраснел. Сын почувствовал какую-то неловкость матери и поморщился: «Чего это она, словно боится?»

— Ну, здравствуйте, молодой человек, — сказал Дмитрий и крепко пожал руку юноши. — Что читаете?

Он взял книжку и раскрыл первую страницу.

— Да вы ее вверх ногами смотрите! — фыркнул Митя.

Мать строго посмотрела на сына, и тот насупился.

После Анфиса ставила самовар, ходила в погреб за молоком, возилась в снях... Дмитрий остался наедине с Митей.

«Ведь это мой сын, — думал Дмитрий, внимательно вглядываясь в каждую черточку Митино лица. — Мой сын».

И он чувствовал, как замирало у него сердце от неожиданной непонятной радости.

А Митя недовольно хмурил брови: «И какие это он узоры на мне разглядывает? Блажной какой-то...»

Чай пили с ватрушками и вареньем. Анфиса рассказывала о работе женотдела, Митя — о комсомоле. Дмитрий охотнее слушал сына, нежели мать. Он сразу вывел о нем правильное заключение как о хорошем комсомольце и начитанном умном мальчугане.

— На перепись ехать собирается, — сказала Анфиса, кивнув головой в сторону сына. — Не лежит у меня сердце к этой поездке. Казахского языка не знает, а хочет ехать в пустыню.

- Не в пустыню, а в степь.
- Хорошая степь — пески одни.
- Я же переводчика иметь буду.

Анфиса махнула рукой.

Сверкая глазами, Митя с увлечением рассказывал:

— У меня самый интересный район будет. Возможно, мне и на Балхаше удастся побывать. Вы знаете, товарищ Семилетов, там тигры и кабаны в большом изобилии водятся. Счастье выпадет — и на охоту попаду. Красота! Как вы скажете?

— Я тоже на Балхаш еду, — улыбаясь, заметил Дмитрий. — Но только я на яхте. С братом.

— Может быть, встретимся, — сказал Митя, стараясь походить на взрослого.

— Может быть...

Дмитрий любовался бронзовым загаром Митино лица и чистотой юношеских синих глаз. Милый, хороший мальчик! Милый сын! Обнять бы тебя, спутать тебе волосы на голове, затормозить, приласкать... Митя, радость, сын!..

Анфиса женским чутьем угадывала настроение Дмитрия. Но вместо радости она чувствовала непонятную боль. Семнадцать лет исполнилось Мите в марте, и вот только сейчас сидят они все за одним столом: сын, мать, отец! И сын не знает, что рядом с ним сидит отец, а отец не может сына назвать сыном...

— Ну, мне пора, — сказал Дмитрий и поднялся. Митя надел кепку и пошел провожать гостя.

— А я думаю в Москву ехать учиться, — сказал он. — Вторую ступень окончил. В вуз хочу идти.

— Правильно! — одобрил Дмитрий. — Приезжайте.

Дмитрий шел к Анне Васильевне. Ему не хотелось, чтобы Митя видел, куда он идет, и он протянул ему руку на прощанье.

— Теперь я один пойду!

Анна Васильевна обещала ждать на Пушкинской. Здесь после наводнения остались громадные камни, запрудившие улицу. Мало было прохожих, и меньше было риска встретить знакомых. Она сидела на камне и в задумчивости покусывала стебелек травы.

Дмитрий незаметно подкрался сзади и крепко схватил ее за плечи.

Анна Васильевна откинула голову назад и протянула губы. Неожиданно для самого себя Дмитрий крепко поцеловал ее.

— Ах, зачем вы? — притворно удивилась Анна Васильевна, а после рассмеялась. — Какая я, в сущности, глупая... Сама ведь напросилась.

Дмитрий предложил пойти вдоль головного арыка к ипподрому. Но Анна Васильевна запротестовала:

— Нет, нет... Я закрыла дочку на ключ, и от дому далеко уходить мне нельзя. Я часа через два загляну домой, а после опять выйду. Муж уехал, и мы с дочерью одни.

— А если дочка проснется, она не испугается?

— Дочь у меня большая, — сказала Анна Васильевна. — Ей уже девять лет. А потом, она уже привыкла к этому. Мне по вечерам приходится на заседаниях бывать. Я ее часто так запираю. Конечно, это ненормально, но что поделаешь? Такая жизнь... За что боролись, как говорят! — закончила она шутливо.

— Ну, куда же мы пойдем?

— А мы будем ходить вокруг этого квартала! — и учительница повисла у него на руке.

Дмитрий шел молча, а Анна Васильевна рассказывала о школе — учительницах, домпросе, последних книжных новинках. Очень охотно она вспоминала молодые годы:

— Я ведь в Сорбонне училась! А если бы вы знали, какой изумительный город Париж! Боже мой, какое это чудо!

И через минуту говорила о Сибири:

— Мы в двадцатом году были в Усть-Каменогорске... Вы знаете, я там замуж вышла. Совсем случайно. В компании стали просо сеять... А я и предлагаю: давайте, господа, лучше сразу пшено посеем, после возни будет меньше... Меня после муж Сорбонной дразнил... Он ведь техник... Почему вы все молчите?

— Так я думаю.

— О чем вы думаете?

У Анны Васильевны стало тревожное лицо:

— У вас неприятности? Да? Скажите мне, голубчик, что у вас такое? Вы из Москвы письмо получили? Да? Ваша жена заболела?

— Все благополучно, — улыбнулся Дмитрий. — Просто мысли разные лезут в голову.

И снова Анна Васильевна рассказывала про детские годы в губернаторском доме («Там сейчас исполком», — машинально подумал Дмитрий), снова вспоминала студенческую жизнь в Париже.

— Вы знаете, я в Лондоне была, в Риме, Неаполе, Ницце, Вене, — говорила Анна Васильевна, и Дмитрий видел, как блестели ее глаза. — А вот сейчас живу в дыре, получаю пятьдесят шесть с половиной и радуюсь, что состою членом профсоюза просвещения. Ко мне очень хорошо относятся и в губоно, и в губотделе, потому что я никогда не отказываюсь от общественной работы. Во-первых, я член редколлегии нашей стенной газеты, во-вторых, член драмкружка, член правления домпроса и делегатка в женотделе.

— Вы Аминову знаете?

— Знаю. Милый человек. Все делегатки ее любят. Она — обыкновенная простая батрачка, а послушали бы, какие дельные доклады делает!.. Умница! Вы знаете, она собиралась у меня немецкий язык изучать. Кроме шуток. Я и то смеялась: на что вам, товарищ Аминова? А она вполне серьезно: «Почем знать, может быть, я еще и в Германию попаду... вдруг партия пошлет».

Дмитрию было приятно слушать такие слова об Анфисе. Ведь это та самая босоногая Фиска, которая бегала к нему по ночам на мезонин и которая стала матерью его ребенка... Милая Анфиса!

— У нее сын есть, — сказала Анна Васильевна. — Мой ученик. Очевидно, весь в мать, такой же настойчивый. Отец, говорят, пьяница был...

Дмитрию почему-то стал неприятен этот разговор.

— Давайте сядемте здесь, — предложила Анна Васильевна, оставиваясь у церковной площади. Отсюда наш дом виден. Вон наискосок.

Дмитрий опустил на траву. Анна Васильевна упала рядом и заломила руки под голову.

— Расскажите мне сказку, Дмитрий Петрович! Такая серая, скучная жизнь. Как рабпросовская стенгазета. Серьезно. А хочется чего-то необычайно яркого, светлого, хорошего.

Дмитрий положил руку на лоб учительницы. Анна Васильевна схватила ее и поднесла к губам.

— Люблю, — прошептала она, целуя пальцы Дмитрия. — Люблю...

— Бросьте вы надо мной издеваться! — шутливо заметил Дмитрий. — Мы с вами видимся только четвертый раз... Когда это вы успели полюбить?

— Какой вы грубый и нехороший!

Дмитрий почувствовал в голосе ее искреннюю обиду. Он взял руки учительницы и стал целовать. У Анны Васильевны сверкнули на глазах слезинки...

— Пожар! — вдруг закричала Анна Васильевна, вырываясь из объятий Дмитрия. — Пусти. После. Пусти...

Она бежала и кричала:

— В нашем доме... А я дочку закрыла на замок... Господи!..

Зарево пожара разрасталось очень быстро. Дмитрий догнал ее, и они побежали к горящему дому.

XV.

От банкета осталось много вин и закусок. Комиссия решила устроить на другой день вечеринку и встряхнуться. Берг предложил свою квартиру. Он жил на окраине города и занимал четыре большие комнаты. Жена у него лечилась на курорте.

— Устроим настоящий райский вечер. Будет замечательно хорошо. Вот увидите, — говорил он Смолину.

Смолин велел отвезти из госбанка оставшиеся вина на квартиру Берга и поручил Кимстачу потихоньку оповестить приглашенных. Подобрать дамский персонал для райского вечера Берг решил при содействии журналиста.

— Будет семь мужчин. Значит, должно быть семь женщин — ни одной больше, ни одной меньше! — быстро решил он.

— Понимаю, — согласился Кимстач.

— Но вы найдите таких барышень, чтобы они не были цирлих-манирлих.

— Будьте покойны.

— Да... Но и не таких, чтобы мы после ходили всем коллективом в вендиспансер.

— Это труднее, — улыбнулся Кимстач.

Целый день журналист ездил по городу и разыскивал девиц для райского вечера.

Вечером на квартире Берга собрались: Мастеров, Смолин, Берг, Баймухаметов, Кимстач, начальник губадмотдела Ходжаев и прокурор Батырбеков. Пришли семь девиц — все сразу вместе.

— Не будем терять золотого времени! — закричал Берг. — Прошу садиться. Ой, нет, нет... Куда вы садитесь? Разрешите по порядку: кавалер — дама, кавалер — дама... Вот теперь хорошо!

Кимстач вышел на улицу и закрыл ставни на болты.

— Это прекрасно, вы очень догадливы, — заметил Берг и поднял стакан с коньяком. — Друзья! Я хочу сделать маленькое лирическое отступление... Прошу внимания... Мы одни... Нам никто не мешает... Ой, как это хорошо!... Вот за наш этот сегодняшний вечер я поднимаю свой бокал... Да будет он в полном смысле слова райским вечером! Ур-ра!!!

— Ур-ра!!! — закричал Кимстач.

Бутылки пустели быстро. Девушки пили, не отставая от мужчин. Первым охмелел Берг — он громко кричал и лез с поцелуями к высокой брюнетке Зосе.

— Вы настоящая Венера, но, скажу по совести, лучше, если бы у вас ничего не было венерического!

Кимстач, шатаясь, вышел закрывать остальные ставни на дворе. Когда он вернулся, Мастеров сказал ему сквозь зубы:

— Не мог Тamarку позвать... Скотина!

— Звал. Не пошла.

Берг разливал вино. Ходжаев бесцеремонно усадил одну из девиц на колени. Баймухаметов куда-то исчез с золотокудрой блондинкой. Батырбеков разговаривал с Мастеровым.

— Никакого рабкора ты не бойся. Этот рабкор третий месяц вшей кормит за подлог. А постройка Кызыл-Джола шла в таких условиях, что могли быть и недочеты...

— Я велел Кимстачу статью в газету написать.

— Правильно.

Мастеров нервно теребил бороду:

— Кто-то подкоп под меня ведет. Чувствую. Съесть хотят.

— Подавятся, — сказал Батырбеков. — Меня третий год едят — да все не могут. Завистливый народ к чужому счастью.

Девуца Тася танцевала с Кимстачем фокстрот. Играл на пианино Берг. Смолин в углу рассказывал Асе о пожарной дружине.

Райский вечер был в разгаре. Ходжаев вынул браунинг и, повесив на стену берговский будильник, начал целиться.

— Он стоит четырнадцать с полтиной! — закричал Берг, но Ходжаев все-таки выстрелил. Будильник тихо звякнул и перестал ходить.

— Попал! — обрадовался Ходжаев и стал целить вторично. Кое-как Кимстачу удалось отнять у него револьвер.

Брюнетка Зося танцевала танец Саломеи. Она бегала по ковру из угла в угол и делала бесстыдные жесты. Берг воображал себя птицей: он забрался на пианино и куковал наподобие кукушки. Мастеров взял подвернувшуюся под руку девуцу и увел ее в соседнюю комнату...

Время летело незаметно, и когда решили варить ликер, был уже первый час. Смолин забрал бутылки со спиртом, а Ася взялась разжигать примус. Они расположились на кухне, и пока Ася наливала бензин, Смолин целовал ее в шею.

— Вы мешаєте мне, — сказала Ася и чиркнула спичку. Голубой огонек обвился вокруг трехствольной трубки примуса.

Смолин тяжело дышал. Ася не поддавалась ему, и он нарочно увлек ее на кухню варить ликер. Чего она, в самом деле, ломается? Он проверил, действительно ли закрыта дверь на улицу, и грубо схватил Асю за талию.

— Я спирт разолью! — закричала Ася, стараясь не перевернуть открытую бутылку.

Но Смолин, не обращая внимания, начал валить ее на пол.

Ася взвизгнула. Юбка ее пылала от огня. Примус валялся на боку. Бутылка с бензином была разбита. Пол, залитый бензином и спиртом, весело трещал от огня. Ася сорвала с себя горящую юбку и отшвырнула в угол.

— Пожар! — закричала она и заплакала.

Смолин бросился на двор. На дворе он увидел, что пламя уже лижет высохшие доски сеней. На каланче ударили в набат. Тут Смолин сразу вспомнил о пожарной форме и побежал домой.

Мастеров танцевал с Зосей фокстрот. Берг играл на пианино. Кимстач потянул носом и сказал:

— А вы не находите, что пахнет горелым?

XVI.

Анна Васильевна задыхалась от быстрого бега. Дмитрий тащил ее за руку.

— Да может быть, не ваш дом еще горит? Что вы волнуетесь? Может быть, это соседний.

— Мой, — плакала Анна Васильевна. — Я же вижу, где пламя.

Навстречу бежал мальчишка.

— Где пожар?

— У Шаруфутдинова.

— Мой! — ахнула Анна Васильевна.

— Вы мне дайте ключ, — сказал тогда Дмитрий. — Я побегу скорее.

Она дала ключ, и Дмитрий помчался, перескакивая через арыки.

На колокольне били в набат. Зарево пожара золотило высокие тополя. Из калиток выскакивали полуодетые люди. Добровольцы пожарной дружины бежали, застегивая на ходу какие-то крючки.

Дмитрий подбежал к парадной двери и, стараясь быть хладнокровным, сунул ключ в замочную скважину. Ключ свободно вертелся в замке, но дверь не открывалась.

— Сюда! — крикнул Дмитрий добровольцу-пожарнику. — Надо дверь взломать, там ребенок закрыт.

Прибежал безусый юноша, и Дмитрий узнал Митю.

— Товарищ Семилетов? Сию минуту.

Митя отстегнул топорик и просунул острие в щель. Дверь не поддавалась.

— Нажмите, товарищ Семилетов!

Дмитрий уперся плечом, и дверь распахнулась.

В маленькой прихожей было темно. Ощупью Дмитрий нашел какую-то дверь и с силой рванул. Она была тоже закрыта.

— Митя! Давайте топор!

— Есть!

Дверь отскочила, и Дмитрий остановился, в изумлении протирая глаза.

Посреди комнаты стоял, заставленный бутылками и тарелками, стол. Какие-то люди, задыхаясь в дыму, били стекла и старались выскочить в окна. Но и тяжелые ставни были закрыты снаружи на крепкие крючки и не поддавались. Дмитрий увидел Кимстача в белом костюме, Зоя металась в дыму, Баймухаметов валялся под столом, — Дмитрий споткнулся о его ноги и тогда разглядел, что тот был мертвецки пьян.

— Где ребенок? — закричал Дмитрий. — Ребенок где?

Мастеров почувствовал, что есть возможность выйти на улицу незамеченным, и стал пробираться мимо опрокинутых стульев. В комнате уже сверкали искры, и, боясь опалить волосы, он закрыл голову и бороду руками. А может быть, Мастеров рассчитывал остаться неузнанным. В этот момент глаза Дмитрия остановились на нем. Он узнал зампредгика.

«Где ребенок?» — хотел крикнуть Дмитрий и вдруг почувствовал, что у него пересохло во рту:

— Позвольте... Что же?..

«Узнал! — мелькнула острая мысль в мозгу. — Он... Без бороды — он...»

Дмитрий схватил пробиравшегося к двери Кимстача за плечо и закричал:

— Убью... Где ребенок?

— Позвольте, какой ребенок? Это квартира Берга... У него никаких детей нет. У соседей есть ребенок... Тут в доме две квартиры.

Дмитрий выскочил на улицу.

— Где вторая квартира?

— Со двора вход.

Ну конечно, в такие минуты не надо волноваться. Больше хладнокровия! Дмитрий нащупал в кармане ключ. (Хорошо, он не оставил его в скважине замка!) Ключ подошел. Дверь легко открылась. В комнате было темно. Ощупью он нашел какую-то дверь.

— Кто там? — раздался детский испуганный голос.

— Это я, детка, — сказал Дмитрий. — Меня мама прислала к тебе... Рядом горит дом...

Девочка заплакала. Дмитрий осторожно взял ее на руки и вынес на улицу... Прибежавшая Анна Васильевна схватила у него дочку и бессильно опустилась на траву.

Старый, высохший дом пылал веселым пламенем. Пожарные едва успевали вытаскивать вещи. Дружинники быстро разматывали пожарную кишку, но в ближайшем арыке не было воды. Бочки захлопотали в нижнюю часть города.

И тут Дмитрий заметил Смолина. Он стоял в той самой форме, которую примерял при первой встрече на квартире. Руки у него были сложены на груди, а голова чуть-чуть запрокинута назад.

— Совсем Напольён, — произнес кто-то сзади, и Дмитрий понял, что это сказано по адресу товарища детства.

— Снимай крышу! — крикнул Смолин, складывая руки в трубочку.

— Есть! — отозвался Митин голос откуда-то с чердака.

Вернулись бочки с водой. На одной из них сидел Кимстач. Струя воды брызнула фонтаном, и горящие балки, почернев, зашипели. Но воды было мало, и, когда бочки поехали вторично за водой, огонь охватил дом со всех четырех сторон.

Растрепанный Берг подбежал к Смолину и, едва ворочая языком, сказал:

— У меня сгорели все деньги в письменном столе.

Берг, схватившись за голову, убежал. Баймухаметова увезли домой протрезвляться.

Девицы разошлись, как только вышли из дома на улицу. Прокурора никто не видел, — он перелез через забор и потихоньку добрался домой.

Дмитрий подошел к Анне Васильевне и спросил:

— Вас кто-нибудь приютит на ночь?

— Я уже иду к соседям... Спасибо...

— Много у вас сгорело?

— Всё, — просто сказала Анна Васильевна.

Берг метался вокруг горящего дома. Он не сказал Смолину, что у него погребло в огне сорок тысяч, закрытых в секретном ящике письменного стола.

XVII.

— Мне надо съездить в Кзыл-Джол, — сказал Дмитрий. — Ты мне лошадь дашь?

Петр Трофимыч пожевал губами. Хитрый старик сразу понял, в чем дело.

— А почему бы не дать? Поезжай. Возьми Джаксамбина с собой, он через аулы дорогу знает.

— Скорей доедете, — блеснула глазами Вероника. — По тракту дальше.

На другой день, на рассвете, Джаксамбин приготовил коней, и они выехали в степь. Старик Семилетов держал хороших лошадей: ехали быстро. Ночевали в ауле. По прямому пути до Кзыл-Джола было сто двадцать верст. Приехали как раз в полдень.

Дмитрий с любопытством глядел на показательный городок, о котором так много пришлось слышать.

Кзыл-Джол был построен в полуверсте от реки, на высоком берегу и имел всего девять зданий. Дом от дома отстоял на полверсты. Кругом расстились бесконечные пески, в городке не было ни травинки, ни кустика, и он казался мертвым.

— Живет тут кто-нибудь? — спросил Дмитрий.

— Посмотрим. Может, кто и живет.

Они проезжали мимо домов, и Дмитрий читал вслух вывески:

— Показательный дом матери и ребенка.

— Показательный дом скотовода.

— Показательная баня.

— Показательный ветеринарный пункт.

— Показательный фельдшерский пункт.

— Показательная конюшня.

Около показательной конюшни стояла единственная юрта. В юрте спал казах.

— Разбуди его, — посоветовал Дмитрий проводнику. Джаксамбин слез с коня, но в это время двери показательной конюшни распахнулись и оттуда высыпала ватага полуголых мальчишек.

— Вы кто такие? — изумился Дмитрий, заметив среди мальчишек большинство русских.

— А мы — детдом! — выдвинулся вперед веснушчатый мальчуган.

Казах, спавший в юрте, вышел к приехавшим. Лицо у него было заспанное. Он нехотя протянул Дмитрию руку, прогнал мальчишек в конюшню и предложил зайти в юрту.

Дмитрий сел на кошму и с жадностью выпил несколько кесешек ку-мысу.

— Вы что же здесь делаете? — спросил он хозяина юрты.

— Учитель, — ответил тот. — С детдомом приехал.

И учитель поведал о тяжелой жизни в Кзыл-Джоле. Казахи не едут в показательный городок, потому что здесь нет воды и негде пасти лошадей. Они останавливаются внизу, в двенадцати верстах от Кзыл-Джола. Приехал фельдшер, пожил неделю, написал рапорт и уехал. Ни одного больного за эту неделю к нему не пришло. Когда губоно решило разместить здесь детдом, он поехал в качестве воспитателя. Вначале предполагали занять дом матери и ребенка, но там нельзя жить: окна большие, занавесишь — вечером и днем невозможно дышать. Детишки перебрались в конюшню. Здесь прохладнее, а он поставил себе рядом юрту. В остальных домах никто не живет и, вероятно, жить не будет... Вчера из детдома убежало двое мальчиков-казахов... Тяжело жить. Хуже каторги. Картошку сюда возят из города за сто шестьдесят верст. Баранов покупают у проезжих казахов. Если бы ему не платили двойное жалованье, он ни одного дня здесь не остался бы!.. Ни одного!

Учитель курил папиросу и чесал под рубашкой грудь.

— Зачем же здесь построили город? — изумился Дмитрий.

— Не знаю.

— А кто строил?

— Начальство строило.

— Караулит его кто-нибудь?

— Сторож есть. Он нам обед варит, воду возит.

— И больше никого нет?

— Никого!

Дмитрий пошел осматривать постройки. Все дома были сложены из саманных кирпичей, окна были необычайно широкие и напоминали оранжерею, крашенные полы рассохлись и дали трещины. Показательная баня не имела печки. В городе не было ни одной уборной. Не было также и мусорных ям. Сразу было видно, что строили город наспех.

Дмитрий зашел в показательную конюшню. Дети валялись на грязных кошмах, были вшивые, грязные, в болячках.

— Из города приезжает сюда кто-нибудь?

— Нет, — ответил учитель. — Кто сюда поедет? Далеко. Продукты возят раз в неделю.

Вначале у Дмитрия было намерение заночевать в Кзыл-Джоле. Но теперь он решил ехать сразу же обратно. Картина ясная.

«Но как это могло быть? — мучительно думал Дмитрий. — В городе — тысяча членов партии, а показательный город доверили строить показательным мошенникам?»

Кзыл-Джол остался позади. Девять домов показательного городка походило на девять гробов. Дмитрий знал, что в этих гробах похоронено двести восемьдесят тысяч рублей, и ему не хотелось оглядываться.

Когда Дмитрий вернулся, он узнал, что приехал брат Евгений.

Вероника ходила в короткой юбке и щеголяла шелковыми чулками апельсинового цвета.

XVIII.

Эсфирь хотела уже ложиться спать. Кто-то постучал в окошко. Девушка открыла и увидела мальчугана-узбека.

— Это ты, Ашун?

— Я. Дело есть. Ису били шибко.

— Кто бил? Отец?

— Нет. Нурбаев.

— Да как же он смел? Негодяй...

— Пьяный был. За Зейнаб бил. Ох, сердитый...

— Подожди, я сейчас.

Эсфирь быстро одевалась. Зубы у нее отбивали лихорадочную дробь. Она надвинула на лоб кепку и схватила под мышку вязаный жакет.

— Ну, пошли, Ашун.

Мальчуган отрицательно покачал головой.

— Боюсь с тобой идти... Увидят — бить будут... Я в городе ночевать буду, там никто не узнает.

Эсфирь тряхнула головой.

— Ну ладно!

Ашун ушел, а Эсфирь задумалась: «Куда идти? В милицию? Но там скажут, в Карасуне есть свой милиционер. К прокурору? Он сейчас спит. В уголовный розыск? Но это не их дело. Врача надо, установить истязания... Но врач в Карасун не поедет... К Глушкову разве сходить... бесполезно. Опять он разведет бесконечные теории о родовом патриархальном строе...»

Эсфирь стояла у своего дома в нерешительности. Лунный свет заливал улицу. От высоких пирамидальных тополей ложились длинные густые тени. Неожиданно взгляд Эсфири остановился на новых громадных воротах... Что это такое? Она подошла ближе... Да, ворота вымазаны свежим дегтем... Какая гадость...

Эсфирь невольно вспомнила, что она единственная девушка в доме. Завтра надо переезжать на новую квартиру... За что ее не любят?..

Эсфирь решительно зашагала по знакомой дороге в Карасун.

Безотчетная грусть на минуту ущемила сердце. Тяжело работать в глуши. Никакой культурной жизни... Кто-то ходит в больших городах на концерты и на лекции. А тут в библиотеке не найдешь новой книжки. Тихий, мещанский город. Обыватели живут за кисейными занавесками сонной жизнью и думают только о пирогах и самогоне...

«Нет, нельзя ныть! Сейчас надо работать. Вот как немцы в комму-не... Сняли с вагона трактор — и сразу пахать... Молодцы! И вовремя

засеяли всю землю... Сейчас кирпичный завод строят... Начали рыть артезианский колодец. Товарищ Гец — прекрасный организатор».

Эсфирь шла по привычке быстрым шагом. Она любила думать о коммуне. Там собрались новые люди, умеющие организованно работать. Такие люди победят. Плохо, что товарищи в укоме, а главное в уисполкоме, не совсем ясно учитывают показательное значение коммуны... Немцы научат правильно трудиться и таранчинцев, и казахов... Если они перебьются это лето, на следующий год сумеют достать воду... У Геца есть какой-то план оросительных работ... Главное для коммуны — прорыть арык и взять воду из Сайрам-Су...

И Эсфирь ощутила радостное удовлетворение. Она, как секретарь ячейки, сумела добиться от укомла поддержки. Укомол вынес постановление — помочь коммуне прочистить арык. Послезавтра, в Троицу, молодежь города, Малой станицы и Карасуна выйдет с лопатами и кирками помогать коммунарам... Это замечательно хорошо!.. Не напрасно она писала в газете.

Чтобы перейти Чалас, Эсфирь разулась. Она перекинула ботинки за плечи и, поддерживая юбку, стала перебираться через речку. Сколько раз она ходила этой дорогой в Карасун! Вначале боялась — ей предсказывали всякие ужасы. Могут зарезать, избить, изнасиловать... Но ведь кто-то должен работать. Нацменовская работа самая тяжелая, а работников нет... Бедный Иса! Должно быть, ему действительно досталось.

Эсфирь вспомнила Нурбаева — толстого, коротконогого старика с бычьей шеей. Девушка знала, что он был когда-то богачом... Да и теперь, верно, не бедный... Говорят, у него три жены... В Карасуне его уважают и боятся... Вот что значит — деньги... Жадный старик... Это он за сто рублей устроил продажу Зейнаб сифилитику Ахмету Байдильдину. Но какой хитрый... Все знают, а посадить нельзя... Никто не докажет... Как трудно работать на Востоке...

Эсфирь перешла речку и вытерла подолом юбки мокрые ноги. Зашнуровав ботинки, она зашагала по пыльной дороге.

«Конечно, трудно работать. С одной стороны коммуна, с другой средневековый кишлак. Здесь трактор, там — калым и сифилис...»

Навстречу показались две мужские фигуры. Девушка перешла на другую сторону дороги. Мужчины курили и шатались.

«Пьяные... Может, и не заметят...»

Эсфирь пошла быстрее.

— Эй, подожди-ка!..

Девушка отошла в сторону.

— Стой, куда идешь?! Говорят, обожди...

Запах водки обжег её лицо. Эсфирь увидела курчавую черную бородку...

— Никанор Никанорыч! Жидовка...

...Кто-то с размаху ударил Эсфирь камнем по голове.

XIX.

Евгений был моложе брата на год, а выглядел старше. Он носил аккуратно причесанный пробор, форменную фуражку, белые воротнички, модные галстуки («Настоящий спец!» — подумал Дмитрий). От Евгения пахло тонкими, хорошими духами, брюки у него были тщательно выутюжены и вдобавок на левой руке болтался дамский браслет.

Но Дмитрий знал, что брат когда-то ездил на паровозе машинистом, а на Или в необычайно тяжелых условиях разыскивал водный путь для будущих пароходов. И сейчас ему предстояла нешуточная задача — добраться на Балхаш и проехать южное побережье озера. А в конце концов, что такое духи и что такое браслет?

Братья крепко расцеловались, и Евгений закидал Дмитрия вопросами:

— Ну что, любовался Кзыл-Джолом? Говорил отец? Кто-то тянул толику. Я только жалел, что ты без меня поехал. Ведь это по дороге на Балхаш. Через неделю все равно проезжать будем.

— Я знаю, — сказал Дмитрий. — У меня тут свое дело.

— Ага, жуликов на чистую воду выводить хочешь. Дело! По-моему, тут только один путь — расстреливать. Но он невозможен.

Вероника угощала братьев ватрушками, пирогами, вареньем. Садовод Семилетов смотрел на сыновей и удивлялся, как они успели вырасти и поселиться.

После братья поднялись к Дмитрию на мезонин. (Евгению Вероника приготовила большую комнату внизу.)

— Помнишь, как мы тут гимназистами жили? — сказал Дмитрий, когда Евгений сел на кровать и закурил сигару.

— Помню. Хорошее время было.

— Я хочу с тобой поговорить о деле, — прямо поставил вопрос Дмитрий.

— Хорошо.

— Но чтобы тебе было все ясно, я начну издалека. Я расскажу случай из своей жизни. Он займет немного времени.

— Чудесно!

Евгений устроился поудобнее на кровати, а Дмитрий, ероша волосы, заходил по комнате и начал рассказывать:

— Ты знаешь, в империалистическую войну я был офицером. Прямо из школы прапорщиков я попал на фронт. Дело было незадолго до Февральской революции. Наш эшелон шел из Черновиц на формирование шестьсот шестьдесят шестого полка. В Селятине мы стояли два дня. Конечно, скука была отчаянная. Офицеры спасались картами. Больше нечего было делать. Разумеется, играли в азартные игры — и очень крупно. Процветало, главным образом, двадцать одно. У меня было в кармане около трех тысяч. Это были хорошие деньги по тем временам. Выиграл

я их где-то за Черновицами. В Селятине к нам пришел попытать счастья комендант — подпоручик Гаврилов. Опишу тебе его внешность: блондин, среднего роста, длинная нижняя челюсть. На подбородке — шрам. Неприятный оскал зубов. А в общем, как говорится, особых примет нет. Мне в тот вечер отчаянно везло. Я снял три банка и, не помню, выиграл что-то очень много. Комендант Гаврилов проигрался. На другой день он пришел и предложил повторить игру. Мне не хотелось играть, но я был в выигрыше, и отказываться было неудобно. Сели. И, не помню, что-то в полтора или в два часа я продулся окончательно. Проигрались и все офицеры нашего эшелона. Когда мы легли спать, прапорщик Чистяков сказал мне потихоньку:

— Ведь вы играли с шулером.

— А вы откуда знаете? — спросил я.

— Я с ним сталкивался, — ответил Чистяков. — Он был околоточным надзирателем в нашем городе. О нем ходили слухи, что раньше он работал в охране.

Я знал, что Чистяков был учителем, и поверил ему.

— Почему же вы не предупредили играющих? — возмутился я.

— Мне не хотелось узнавать его, — сказал Чистяков. — Я поэтому и играть не стал.

На другой день мы покинули Селятин. О подпоручике Гаврилове я совершенно забыл. Во время революции было не до него. Но вот несколько дней назад я встретил человека, в котором узнал... подпоручика Гаврилова.

— Ловко! — воскликнул Евгений. — Гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда.

— Да, я встретил подпоручика Гаврилова, и сейчас у меня есть твердая уверенность, что учитель Чистяков был прав... Вне всякого сомнения, это лицо было и околоточным надзирателем, и охранником.

— Ты его задержал и передал, конечно, в соответствующее место?

— Нет. Это не так просто. Сейчас он большой человек и вдобавок мой товарищ по партии.

— История делается интересной! — приподнялся Евгений.

— Мне нужно лично самому убедиться: ошибся я или нет. Иначе я не могу ничего сделать.

Дмитрий шагал из угла в угол и ерошил волосы.

Евгений пускал дым колечками и следил, как они расходились по комнате. Дмитрий сел верхом на стул и грыз ногти. На дворе слышен был голос Вероники. Она ругала работницу за пролитое молоко.

— Что же ты хочешь? — спросил Евгений.

Дмитрий заговорил медленно:

— У меня есть план, может быть, очень дикий, но...

И он начал рассказывать.

XX.

Митя ухаживал за Тamarочкой больше года. Когда-то они учились вместе в одной школе, но Тamarочка, не окончив вторую ступень, ушла служить машинисткой в губмилицию. Здесь в нее влюбился начальник милиции, и Тamarочке пришлось перейти на службу в водхоз. В водхозе за молодой девушкой стал ухаживать инженер Остроухов. Тamarочка перекочевала в губисполком. Здесь ей не повезло окончательно: в нее влюбился сам Мастеров. Когда он схватил ее в кабинете на руки и принялся целовать, Тamarочка решила перейти в кооперацию. Она ушла из губисполкома, но в кооперацию ее не взяли... Почему? Кимстач объяснил очень просто:

— Потому что вы нравитесь Мастерову. Он нажал все кнопки, и вас никуда не возьмут. Будьте благонадежны!

Тamarочка не верила. Она стучала во все двери, но безрезультатно. Кто-то пустил слух, что она занимается проституцией. На Тamarочку стали смотреть косо. Один раз ее даже вызвали на допрос в уголовный розыск.

— Где ваш брат? — спросили Тamarочку. — Вы имеете о нем какие-либо сведения?

Тamarочка слышала, что брат у нее был офицер, после стал белобандитом, но где находится сейчас, она не знает. Брата она видела в восемнадцатом году, когда он вернулся с германского фронта. Он прожил месяц и уехал неизвестно куда. Тогда ей было тринадцать лет, она была девочкой и ничего не понимала.

— За что расстреляли вашего отца?

Как ответить на этот вопрос? Ей тогда было четырнадцать лет. Очевидно, за то, что брат стал белым атаманом и боролся с советской властью.

— У кого вы жили после расстрела отца?

Тamarочка жила у тетки. Но когда тетка умерла, ей пришлось бросить школу и пойти служить. Ей тогда было семнадцать лет. Она поступила на курсы машинописи и стала машинисткой. Она — член профсоюза работников и МОПРа.

— Про вас ходят слухи, что вы занимаетесь тайной проституцией.

На этот вопрос Тamarочка не стала отвечать. Она, сдерживая слезы, усиленно замигала глазами и отвернулась. У нее не хватило смелости сказать: пошлите меня на исследование к врачу, и он установит, что я девственница.

— Можете идти!

Тamarочка вышла...

На небе сияло солнце, небо было голубое и чистое, в арыках бежала хрустальная вода. Люди шли сытые и веселые, а у Тamarочки урчало в животе от голода.

— Какой огурчик! — произнес по адресу Тamarочки человек с портфелем.

А его спутник, без портфеля, пристально посмотрел на стройные ноги Тamarочки и одобрил:

— Невредная девочка!

Тamarочка хорошо знала, что у нее стройная фигурка, хорошенькое личико, красивые ноги. Ах, лучше было бы самое обыкновенное лицо, ну, такое, как у Женечки Васильевой. Пусть даже бородавка на щеке. Но как было бы тогда спокойно жить! Инженер Остроухов не стал бы объясняться в любви. Бородатая обезьяна Мастеров искал бы себе другую любовницу. Чудесная была бы жизнь!

Тamarочка продавала последние тряпки. У нее остались одна смена белья и одно платье. Туфли пришли в ветхость. Знакомым совестно показываться на глаза: всем должна, кому рубль, кому полтинник, кому пятерку. А главное — нет никакого выхода впереди. Тamarочка чувствовала, что кто-то закрыл ей дорогу к труду.

Кимстача она избегала видеть, а он, словно назло, подвертывался в самые тяжелые минуты жизни.

— Тamarочка, поверьте, я вам добра желаю... Пятьдесят рублей...

— Во-первых, я вам не Тamarочка, а во-вторых — убирайтесь вон...

— Пардон... Товарищ Безверхая...

Тamarочка кусала губы и уходила прочь. Кто-то посоветовал ей обратиться в женотдел. Но Тamarочка, покраснев, замахала руками:

— Что вы, что вы... Тогда совсем съедят...

Тamarочка знала: в женотделе сидит Митина мать — товарищ Аминова. Нет, Митя такой хороший мальчик!.. Лучше пусть он ничего не знает об этой грязи...

А с Митей она виделась часто. Он вел с ней умные разговоры об ошибках оппозиции (Тamarочка не знала, что такое «оппозиция», и совестилась спросить: еще душой сочтет!), рассказывал о трудностях комсомольской работы среди степняков и о последней книжке Джека Лондона... Один раз только он поцеловал Тamarочку в щеку, но сделал это так неуклюже, что покраснел и извинился:

— Вы меня извините, это совсем случайно!

Тamarочка слышала от подруг, что все комсомольцы — нахалы и держат себя неприлично, и была в раздумье: настоящий комсомолец Митя или только прикидывается?

Один раз он ее спросил:

— Почему вы, Тamarочка, не вступите в ряды организованного комсомола?

Тamarочка ничего не имела против комсомола, у нее были две подруги комсомолки, но возьмут ли ее?

— У меня отец был полковник, и его расстреляли в девятнадцатом году, — сказала она. — А брат мой был белый атаман. Он сейчас пропал без вести. Вероятно, меня не возьмут в комсомол.

— Вероятно, — тихо согласился Митя и стал рассказывать о романах Синклера.

После этого Митя совсем перестал беседовать с Тamarочкой об оппозиции и очень редко говорил о задачах комсомола. Он стал какой-то хмурый и подавленный. Очевидно, до него дошли грязные сплетни о девушке...

«Надо переехать в другой город, — кусала Тamarочка губы, лежа на постели с книжкой. — Куда угодно, только вон отсюда...»

На дворе залаяла собака. Под окнами мелькнула женская голова в красном платке.

— Вас спрашивают, — высунула голову хозяйка.

Тamarочка соскочила с постели.

— Меня?

Она надела продранные туфли на босу ногу и поправила прическу. В дверь постучали.

— Войдите!

— Товарища Безверхую можно видеть? — спросила женщина в красном платке.

— Это я буду, — ответила Тamarочка.

— Моя фамилия Аминова, — сказала женщина.

— Я знаю... На собрании вас слышала несколько раз...

— Ну тем лучше... Нам с вами поговорить надо.

Анфиса оглянулась кругом:

— У вас соседи есть? Хотелось бы без посторонних.

— Пойдемте в сад, — предложила Тamarочка. — Там никого нет.

Они прошли через двор в сад. Тamarочка привела к низенькой скамейке и предложила сесть.

— Вы знаете товарища Мастерова? — спросила Анфиса.

— Знаю.

— Скажите, только правду, верно, что он вам предлагает пятьдесят рублей, чтобы вы пошли к нему на содержание?

Тamarочка густо покраснела и опустила голову:

— Да...

— Давно он предлагает?

— Четвертый месяц.

— Вы ни копейки от него не брали?

— Нет! — горячо сказала Тamarочка. — Ни копейки.

— Он вам лично предлагал или через кого-нибудь?

— Через Кимстача, сотрудника газеты... Это который с бакенбардами, как у Пушкина.

— Вы где работаете сейчас?

— Я безработная, — сказала Тamarочка и, поймав на себе пристальный взгляд Анфисы, густо покраснела.

— А вы не встречались с Мастеровым?

— Только на службе. Я работала в губисполкоме.

— А больше нигде?

— Нигде.

Тамарочка забеспокоилась. В голосе ее задрожали слезы:

— Вы, вероятно, что-нибудь нехорошее обо мне думаете... Серьезно... Я знаю, тут сплетню пустили... Это сплошная ложь.

Но Анфиса ласково взяла ее за руку.

— Вот что, голубчик, Мастеров очень дурной человек, но все думают, что он хороший, а как коммуниста и большого начальника — его боятся. Ведь о том, что он вас приглашал на содержание, никто не знает. Вы ведь никому не жаловались и, вероятно, не пойдете? Правда?

— Правда.

— Ну вот видите. А мне бы хотелось установить этот факт. Обязательно. Поэтому я вас буду просить встретиться с Мастеровым.

— Я боюсь, — сказала Тамарочка.

— Не бойтесь. Ничего страшного не будет. Позвоните ему по телефону и скажите, чтобы он пришел к вам на дом. Назначьте время попозже — часов в одиннадцать. А чтобы он не позволил себе лишнего, я пришлю к вам делегатку. Он ее не знает, а она придет к вам как подруга или знакомая. Больше ничего от вас не потребуется.

Тамарочка молчала.

— Я все-таки боюсь. Вы знаете, я четыре месяца без работы — и это все благодаря товарищу Мастерову. Меня никуда не берут сейчас.

— Я вас на работу устрою, — сказала Анфиса. — Если захотите — и в другой город смогу.

Соблазн был очень велик, и Тамарочка сказала:

— Ну что ж, я согласна.

— Значит, завтра вечером он будет у вас. Только, смотрите, о нашем разговоре никому ни слова.

Анфиса пожала руку девушке и ушла.

XXI.

— Тамарка-то в проститутки записалась, — сказал Сережа Гусаров. У Мити побелело лицо.

— Зачем ты гадости говоришь?

— Все знают, — хвастливо ответил Сережа. — Тайной проституцией занимается.

— Врешь... Не может быть...

— А на что она живет?

Митя задумался. В самом деле — родных у нее нет и четвертый месяц без работы. Он тяжело вздохнул и ощутил боль в груди.

Возвращались они с гор и сильно устали. Сережа натер себе ногу и хронал. Когда дошли до города, Митя сухо попрощался с товарищем и свернул в переулок, чтобы выйти к дому Тамарочки.

«Приду и спрошу прямо», — решил Митя.

Тяжелая обида кипела у него в сердце, но доискаться причины он не мог.

На каланче пробило одиннадцать.

«Поздно», — подумал Митя, но повернуть назад был не в силах.

Приближаясь к дому Тamarочки, он замедлил шаг. Какой-то мужчина вошел в калитку.

У Мити пересохло в горле и потемнело в глазах. Он прибавил шагу.

«Войти или нет? Войду. Нет...»

Митя вошел в калитку и, нагибая голову, прошел под окнами. Однако войти в дом он не решился. Крадучись, он пробрался в сад и присел под открытым окном Тamarочкиной комнаты. Сколько раз в это окно он подсаживал Тamarочку, когда они поздно возвращались после прогулки за головным арыком! Митя тяжело дышал и чувствовал, как сильно билось в груди сердце. Что же это такое? Мужской голос... Удивительно знакомый голос!.. А вот говорит Тamarочка:

— Я согласна, товарищ Мастеров, но только не сейчас...

— Пятьдесят рублей в месяц и, если хотите, служба.

Митя сжал кулаки:

«Вот как!.. Действительно проститутка... Белобандитское отродье...»

— Товарищ Мастеров, я же сказала, что согласна, но только не сейчас...

Митя слышал, как Тamarочка загораживалась стульями. Но ему не было теперь жалко девушку.

— Товарищ Мастеров... Не смейте!..

В комнате упал стул, что-то зазвенело. «Заместитель председателя губисполкома, — думал Митя, — и дает пятьдесят рублей... Как это гнусно...»

Неожиданно в комнату кто-то вошел. Митя услышал третий, женский голос:

— Тamarочка, а я к вам.

— Моя подруга, — сказала Тamarочка. — Познакомьтесь.

«Помешали, — подумал Митя и почему-то обрадовался. Он почувствовал ненависть к Мастерову. — Гадина, а еще коммунист!..»

— Ну, всего лучшего, Тамара Сергеевна, — сказал Мастеров.

— До свидания!

Митя перескочил через забор. Он видел, как Мастеров вышел из калитки и тихо зашагал по улице. Сам не сознавая почему, Митя пошел сзади. Ах, как он ненавидел сейчас этого человека! Вот взять бы камень и пустить ему в череп! А потом убежать. Никого на улице нет, улица глухая... Хотя, впрочем, кто-то идет навстречу.

Митя замедлил шаги и остановился в тени большого тополя.

Минуту спустя он увидел необычайную вещь. Два встречных человека остановили Мастерова. Раздался неожиданный глухой крик. Потом

три фигуры пошли навстречу Мите. Двое неизвестных вели Мастерова под руки. У Мастерова было бледное лицо и стучали зубы. Неизвестные были в черных масках и держали револьверы.

«Бандиты», — сообразил Митя, вспомнивший, как год назад Черная маска наводила трепет на горожан ночными налетами.

Люди в масках провели Мастерова в пяти шагах от Мити и не заметили его.

Что делать? Бежать за милиционером — далеко. Кричать — бесполезно, никого нет. Самому кинуться на помощь? Но что он может сделать без оружия против двух вооруженных?

Оставалось одно: проследить, куда поведут Мастерова бандиты.

Митя шел следом, прячась в густой тени тополей. Прошли квартал, второй... Остановились. Чей это дом? Парикмахера Дьяченко... Зашли в ворота. Закрывают калитку. Где-то хлопнула дверь.

Митя приложился глазом к щелке ставен. Ставни закрыты изнутри, но немного раздвинуть их можно. Горит огонь. У стенки сверкает зеркало. Люди в черных масках проталкивают Мастерова вперед. У него бледное лицо и нижняя челюсть трясется. Высокий в маске что-то говорит парикмахеру Дьяченко. У парикмахера трясется челюсть, а лицо становится белым. Он бросается к зеркалу и начинает править бритву.

«Они хотят его зарезать», — обожгла Митину голову горячая мысль.

Он бросился бежать. Тут, за углом, живет доктор Лидке. Он венеролог, и у него есть телефон.

Митя оборвал звонок у двери врача.

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, срочно надо позвонить по телефону...

Несчастье...

Щелкнул замок. Митя в темном кабинете у телефона.

— Центральная, дайте угрозыск!

— Позвонила!

— Уголовный розыск... Откуда?..

— Срочно... Каскеленская улица... Парикмахерская Дьяченко...

Убийство... Скорее...

Митя бросил трубку и выскочил на улицу. Побежал. Сердце хочет выскочить. Вот дом парикмахера Дьяченко. Раздвинул створки ставен. Впился острыми глазами.

Жив!.. Мастеров сидит в кресле перед зеркалом. Парикмахер Дьяченко намывает ему подбородок и голову. Люди в масках держат в руках револьверы.

Митя наблюдал за работой парикмахера. Вот Дьяченко направляет бритву и берет подбородок. Руки у него дрожат, когда он начинает брить усы, держа Мастерова за нос...

Минуты тянутся страшно медленно. Они кажутся Мите часами. Почему так долго нет агентов из уголовного розыска? Безобразие!

Но вот слышен топот лошадиных копыт. По дороге мчатся два всадника. Они осаживают коней у дома парикмахера.

— Здесь! — не выдержал Митя.

Лошади привязаны. Агенты вынимают револьверы.

— Двое в масках!

Агенты идут во двор. Митя смотрит в щелку.

Удивлению его нет конца. Парикмахер Дьяченко смахивает щеткой остатки волос с Мастерова. Открывается дверь из соседней комнаты, и к зеркалу подходит товарищ Семилетов.

Теперь бояться нечего. Митя бросился за агентами уголовного розыска. Он первый распахнул двери в комнату.

— Подпоручик Гаврилов! — сказал Дмитрий. — Не узнаете? А ведь мы с вами встречались в Селятине... Вы еще благодаря ловкости рук выиграли у меня три тысячи. Помните?

Мастерова в комнате не было. На кресле сидел совершенно незнакомый человек с длинной четырехугольной челюстью.

И, повернувшись к агентам уголовного розыска, Дмитрий сказал:

— Это бывший околоточный надзиратель и сотрудник охранного отделения.

Парикмахер Дьяченко, заикаясь, подал пук волос.

— Обратите внимание... Крашено персидской хной...

XXII.

Евгений торопил с поездкой на Балхаш.

— Я должен быть в сентябре на съезде, — говорил он брату. — Как хочешь, а завтра я отправлюсь на Или. Ты можешь выехать через два дня. Я обожду в Илийской.

Дмитрий хотел увидеть Анну Васильевну перед отъездом, но от Евгения отставать не хотел.

— Хорошо, завтра я буду готов!

Он отправил Анне Васильевне записку, а вечером пошел в городской сад. Кафе-столовая ЦРК была пуста. Дмитрий спросил пиво и принялся рассматривать валявшиеся на столе старые газеты и журналы. Он развернул старый номер местной газеты и прочел крупный заголовок: «Кзыл-Джол».

Вторая строчка помельче разъясняла: «Красный путь к коммунизму».

Дмитрий заметил под статьей подпись Кимстача, усмехнулся и стал читать: «Имя зачинщиков стройки и строителей Кзыл-Джола будет внесено золотыми буквами в историю советского строительства Средней Азии. Неутомимая энергия зампредгубисполкома т. Мастерова увенчалась стопроцентным успехом. В дикой, безводной пустыне возник изумительный оазис — показательный город для кочевников. Пройдемте

по этому городу и бегло посмотрим, что воздвигли строители в течение одного только года. Нашему изумлению не будет конца. Показательный дом скотовода, показательная конюшня, показательная баня, показательный ветпункт, показательный фельдшерский пункт, показательный дом матери и ребенка. Однако довольно, всего не перечислишь. Свободный казахский народ, изнывавший долгие годы под колонизаторским игом, свободно строит отныне свою культуру...»

Дальше Дмитрий читать не стал и перевернул страницу. В отделе происшествий он обратил внимание на заметку, подписанную буквой К.:

«Пожар. В ночь на 10 июня по Каскеленской ул., в д. № 47 от невыясненных причин произошел пожар. В огне погибло все имущество инженера гр. Берга. Следует отметить героическую работу местной пожарной добровольной дружины. Дружинники под руководством т. Смолина помешали огню перекинуться на другие дома. Пожар был потушен в течение трех часов».

Дмитрий швырнул газету в сторону и принялся пить пиво. На каланче уже пробило восемь часов, Анны Васильевны не было.

«Неужели записку не получила?» — с досадой подумал он.

Прошло еще полчаса. Дмитрий посмотрел на часы и мысленно решил: «Прожду еще десять минут, а после уйду».

Но он просидел вдвое больше, а уходить не хотелось.

«Придет», — уверенно думал он.

И верно, Анна Васильевна оказалась на боковой аллее сада. Она шла торопливой походкой, поминутно оглядываясь назад. Дмитрий расплатился за пиво и пошел ей навстречу.

— А я думала, вы рассердились и ушли. Простите, что опоздала. Муж задержал.

Щеки у Анны Васильевны горели ярким румянцем, а глаза возбужденно блестели.

— Вы знаете, едва избавилась от него.

Она сама взяла Дмитрия под руку и вопросительно поглядела:

— Ну, куда же мы?

— Все равно!

— Пойдемте на наше место... Знаете, где камни... Хорошо?

Дмитрий кивнул в знак согласия и сказал:

— Итак, я завтра уезжаю. Вы знаете?

— Знаю, — шепнула Анна Васильевна и прижала к груди руку Дмитрия. — Вы будете, хоть изредка, вспоминать меня? А?

— Почему нет, — усмехнулся Дмитрий. — Буду.

Он подумал, что у Анны Васильевны есть муж, вероятно, неплохой человек. Когда Анна Васильевна вернется домой, она будет его целовать приблизительно так, как в Москве Елена целует его, возвращаясь после театра в четвертом часу ночи... Гадко это! Нехорошо.

Со дна души поднялись протестующее чувство и холодок к женщине, висевшей на руке. Разве к лицу ему, Дмитрию Семилетову, идти рядом

с «бывшим человеком»? Что общего? И почему он обманывает сейчас какого-то техника из горкомхоза?

— Человек иногда делает массу нелепых вещей, даже и тогда, когда он догадывается о их нелепости, — медленно сказал Дмитрий.

— Вы это обо мне, конечно? — подняла на него глаза Анна Васильевна.

— Скорее о себе, чем о вас!

Дмитрий почувствовал, что обидел спутницу, и, желая загладить свою вину, тихо пожал руку женщины.

Они ходили долго вдоль головного арыка, и Дмитрий слушал рассказы Анны Васильевны о Париже, Усть-Каменогорске, Сорбонне, выставке в Казпедтехникуме... По обыкновению Анна Васильевна начинала говорить об одном, но неожиданно забывала то, что хотела вначале сказать, и рассказывала совершенно о другом. Дмитрий знал ее манеру рассказывать и не перебивал.

— Давайте сядемте, — неожиданно предложила Анна Васильевна, опускаясь на большой плоский камень.

— Кто-то идет, — прошептала Анна Васильевна. — Давайте перейдем сюда.

Дмитрий перелез через камень и опустился рядом с женщиной. Анна Васильевна обвила его шею руками.

— Милый! Хороший!

— Тмарочка! Сядемте здесь, — неожиданно раздался рядом голос Мити.

Дмитрий затаил дыхание. Анна Васильевна зажала ладонью рот, чтобы не рассмеяться.

— Ну, продолжайте, Митя, я вас слушаю, — сказала Тмарочка, а Дмитрий недовольно подумал: «Черт знает, какое дурацкое положение».

Анна Васильевна, стараясь не шуметь, взяла руку Дмитрия и на его ладони пальцем стала выводить одну букву за другой. Складывая буквы, Дмитрий прочитал: «Это сын Аминовой. Мой ученик. Сидите тихо».

Дмитрий кивнул в знак того, что понял.

— Когда я сидел у вас под окном и слышал ваш разговор с Мастеровым, я решил, что грязные сплетни имеют под собой почву, — говорил Митя. — Мне было больно от всего этого, и тогда я понял, что я вас люблю.

— Какой вы смешной, Митя. Я же вам говорю, что ваша мать накануне была у меня и просила, чтобы я позвала Мастерова.

— После-то я все узнал. Мне мать сказала. Это нужно было сделать для разоблачения Мастерова.

— Вы знаете, какой он мерзавец! Он мне полгода работать не давал.

— Сейчас он арестован, — мрачно произнес Митя. — В расход пустят его. Не иначе.

— Вы думаете?

— Как пить дать. Бывший провокатор и околоточный надзиратель. Расстреляют.

— Ну и наплевать! — весело отозвалась Тamarочка. — Зато я теперь на службе. Ваша мать меня устроила в АКОСПО!

Тамарочка стащила с Мити кепку и принялась трепать ему волосы. Митя, защищаясь, ловил Тамарочкины руки.

— Не смейте, не смейте! — вдруг закричала Тамарочка, и Дмитрий услышал звонкий поцелуй.

— А вы не озорничайте, — сказал Митя.

Анну Васильевну душил смех. А Дмитрий думал о сыне: «Хороший мальчуган. Знал бы он, кто сидит у него за спиной и подслушивает...»

После Митя говорил:

— Завтра я уезжаю на перепись в Прибалхашскую волость. Очень интересная поездка.

Митя старался говорить басом, но голос у него ломался и срывался на дискант.

— Ну, побежим! — вскочила Тамарочка. — Догоняйте меня!

Анна Васильевна осторожно высунула голову.

— Удрали уже! Выходите.

Дмитрий занимался гимнастикой. От неподвижного сиденья у него онемели ноги.

— Поцелуйте меня, Дмитрий Петрович. — И она просяще протянула руки.

И снова Дмитрий невольно вспомнил техника из горкомхоза.

Взяв Анну Васильевну за руку, он сказал:

— Пойдемте лучше домой. Мне не хочется, чтобы вы обо мне вспоминали когда-нибудь дурно.

Анна Васильевна как-то странно втянула голову в плечи, съезжилась и быстро пошла прочь от Дмитрия. Когда он ее нагнал и взял под руку, она сказала:

— Мне холодно. Я озябла очень.

И действительно: зубы у ней отбивали мелкую дробь.

...Вернулся Дмитрий домой поздно.

В комнате Евгения горела лампа. Окно было открыто. Дмитрий ухватился за подоконник и поднялся на руках.

— Это ты, Дима?

— Я!

— Так я тебе дверь открою.

— Ничего, и в окно влезу.

Евгений протянул брату руку, и Дмитрий вскочил в комнату.

— Что ты так поздно?

— Дела были, — уклончиво ответил Дмитрий.

Он заметил смятую постель и шелковый шарфик Вероники, валявшийся на полу.

— Покойной ночи! — сказал Дмитрий.

Евгений молча кивнул и стал собирать фотографический аппарат.

XXIII.

Укомол хотел вместо воскресника устроить торжественные похороны Эсфири. Но долговязый Фриц от имени комсомольской ячейки коммуны настойчиво просил не срывать воскресника.

— Мы останемся без воды... Это гибель коммуны...

В укомоле экстренное заседание. Решили похоронить Эсфирь рано утром, а после похорон отправиться на воскресник.

У Геца было бледное встревоженное лицо. Но он позаботился о лопатах и киркомотыгах и проверил лично все подготовительные работы к воскреснику.

Утром около больницы собралась тысячная толпа. Босоногие мальчишки бойко торговали газетой. На первой странице в черной траурной рамке помещен был портрет Эсфири.

Эсфирь была изображена очень неудачно. У девушки не нашли ни одной фотографии, и художник нарисовал ее по памяти. Многие находили, что Эсфирь вышла похожей на Розу Люксембург, только в кепке.

Мальчишки, прочитавшие лозунг в газете, кричали на всех улицах:

— Первая жертва на кулацком фронте. Первая жертва на кулацком фронте!

Комсомольцы вспоминали, что Эсфирь несла тройную нагрузку и никогда не отказывалась от работы. Это она взбудоражила комсомол, когда понадобилась помощь коммуне. В газете пишут, что убили ее кулаки именно за коммуны...

— Первая жертва на кулацком фронте! Первая жертва!..

Казахская молодежь из Карасуна возбужденно кричала, столпившись у ворот больницы. Вспоминали Эсфирь и Ису. Кто смел убить девушку? Какое право имел Нурбаев истязать Ису?

А в стороне двое говорили шепотом:

— А Иван Матвеевича-то... Тю-тю... Портянки сушить...

— Говорят, сознался?

— А черт его знает.

— Никанор Никанорыч выдал... За что, говорит, один страдать буду...

— В газетке пишут — к высшей мере надо...

— Это за жидовку-то?.. Господи...

— Нурбаева тоже взяли... Карасунского...

— И того путают?

— Нет... Тот мальчишку выдрал...

— И за это садить?.. Ну, власть!..

— Товарищи! Товарищи!

Глушков говорил речь.

— ...Классовый враг наступает... Ему надо смести коммуны — детище Октября... Он не брезгует никакими средствами... Даже убийством... Лучший веночек на могилу... дорогому товарищу Эсфири Блох... Наша помощь коммуне...

Члены укомыла вынесли на руках гроб, обитый кумачом. Оркестр заиграл похоронный марш. Гроб поставили на телегу и повезли в коммуну.

Долговязый Фриц сказал над могилой речь на немецком языке. Потом говорила синеглазая Анна.

Когда гроб забросали землей, Гец развел комсомольцев на работу.

— Отсюда досюда — ваш участок... Надо кончить в два дня... Молодые люди должны хорошо работать... Обед привезут в двенадцать...

Длинной цепью вытянулись люди с лопатами...

Казачьи-русские и казахи-киргизы работали вместе. Солнце жгло бронзовые спины таранчинцев и узбеков. Немцы работали сосредоточенно и почти не разговаривали: во что бы то ни стало надо окончить арык в два дня.

Фашинг подошел и сказал Гецу:

— А вдруг Геллер ошибся и вода не пойдет?

Гец подумал и просто ответил:

— Тогда мы соберем окрестное население и попросим дать воды, чтобы полить половину наших посевов. Другая половина погибнет.

XXIV.

Смолин никак не мог найти Кимстача. Он звонил в редакцию каждые полчаса и, ничего не добившись, решил вечером зайти на квартиру.

Кимстач снимал у фотографа две комнаты и жил неплохо.

Встретив Смолина, он смутился и прикрыл исписанные листы бумаги.

— Я к тебе по делу, — сказал Смолин и тяжело опустился на широкий диван. Лицо у него было бледное, и руки дрожали.

Кимстач молчал и ждал.

— Помнишь, райский вечер устраивали... У Берга... Еще дом сгорел...

— Охота всякую ерунду вспоминать, — тихо сказал Кимстач. — Я, правда, был тогда, но ушел раньше, и, собственно говоря, от тебя впервые слышу такое дикое название: «райский вечер».

Смолин смотрел в сторону и ломал пальцы.

«Хочет вывернуться, — подумал Кимстач. — Я не я, и лошадь не моя...»

- Помнишь, там была девица? — поморщился Смолин.
- Да их семь штук было.
- Нет, я с которой любовь крутил. Ликер варили вместе...
- Танька или Аська?
- Черненькая, с челкой на лбу... Стриженная... Высокая...
- Это Аська, — облегченно сказал Кимстач и повеселел. — А ты что? Стрельнуть хочешь? Валяй... Деваха — во, прямо с гвоздя!
- Мне ее адрес надо.
- Могу...
- Кимстач начал перелистывать записную книжку.
- Ну, записывай!

Смолин присел к столу и приоткрыл закрытые страницы рукописи. В глаза ему бросилось четко выведенное заглавие статьи: «Преступление и наказание».

Записывая адрес, он начал бегло читать неровные строчки. Кимстач писал о бывшем околоточном надзирателе и охраннике Мастерове, пролезшем в коммунистическую партию.

— Не люблю, когда читают незаконченные вещи, — недовольно сказал Кимстач и вырвал рукопись.

Смолин криво усмехнулся:

— Юркий ты человек, Кимстач, и большая сволочь...

— Позвольте! — крикнул Кимстач.

Но Смолин, нахлобучив кепку на глаза, быстро вышел из комнаты. Он побрел по улице, глубоко втянув голову в плечи.

В глазах качались (как у пьяного) деревья, дома, палисадники. Но Смолин не был пьян. У него просто кружилась голова.

«Мастеров — сволочь, охранник. Но разве он знал это? А хуже всех Кимстач... Ласковый, гад! Стихи, сволочь, пишет! Этот-то выйдет из воды сухим. Но ведь он, Смолин, ни одной копейки не сунул себе в карман. Правда, пьянствовал вместе... райский вечер организовывал... Н-да, райский вечер!»

Смолин сжал кулаки и до крови закусил губу.

Навстречу ему попался Тропов. Смолин свернул в переулок. Лучше не встречаться...

XXV.

Экспедиция должна была отправиться на Балхаш из казачьей станции Илийской. Около берега стояла свежесколоченная яхта, — проще говоря, большая лодка с двумя крохотными каютками. Погрузка шла со вчерашнего дня. Из города привезли бидоны с бензином, консервы, сахара, крупу, картошку, масло достали в станице.

Евгений проверял винтовки и патроны. Гидротехник с рабочим укладывали провизию.

— Тысячу пудов поднимает эта штука, — сказал Евгений. — Сколотили на совесть.

— Кто строил? — поинтересовался Дмитрий.

— Рыбаки здешние. Каждый год делают. Замечательные плотники.

Снялись с якоря перед заходом солнца. Станишники вышли проводить экспедицию. Яхта медленно пошла вниз по течению, а вдоль берега растянулась пестрая толпа казаков.

Евгений достал из чемодана бутылку с вином.

— Ну, за успех... Чтобы ехать было весело и хорошо.

— Разве с Евгением Петровичем когда плохо бывает, — сказал рыбак Носов. — Третий год ездим. Плохого не видим. Ваше здоровье, товарищ! — поклонился он Дмитрию.

Гидротехник Ашурков молча выпил и ушел на корму.

Евгений назначил вахтенных и распределил дежурства.

Вечер был лунный, и решено было идти, не останавливаясь ночью.

— А мы так на мель не сядем? — полюбопытствовал Дмитрий.

— Нет, здесь хорошие места. Я ведь тут излазил всю реку, — успокоил Евгений.

В каюте, когда укладывались спать, Евгений долго рассказывал брату о реке Или.

— Мы не знаем наш край, — говорил он, — и, по правде сказать, знать не хотим. Не люблю я за это вашего брата коммуниста. О небесных миндалях вы больше думаете, чем о земле. И нет у вас практической сметки жизни. Одна болтология.

Дмитрий снисходительно улыбнулся. Евгений заметил его улыбку и рассердился.

— Не смейся, правда. Может быть, для революционера китайские события важнее, чем свои собственные окраины, я не знаю, — но мой взгляд такой: нищий народ должен вначале позаботиться о себе.

— А разве мы не заботимся?

— Кзыл-Джол построили...

— Ты берешь исключительный случай.

— Исключительный случай?! Терпеть не могу этого дурацкого оправдания. Я могу тебе рассказать, как построили на песке не показательный городок, а целую столицу.

— Можешь не рассказывать, я знаю, — угрюмо уронил Дмитрий.

Евгений курил папиросу за папиросой.

— Вот тебе и хваленая плановость вашего социалистического хозяйства! И столицы нет, и миллионов нет, и воров нет, и судить некого! Кто же виноват? Инженеры? Коммунисты? Объективные условия? Ложь. Абсурд. Дело объясняется проще. Вы не умеете строить, ибо у вас существует в корне неправильный взгляд на строительство. Вы строите не на пользу, а на славу. Ну, вроде того, как раньше строили соборы. Лишь бы пограндиознее и обязательно, чтобы в мировом масштабе.

«Однако идеология!» — подумал Дмитрий и иронически сказал:

— Но где гарантия, что твои проекты пустить пароходы по Или и Балхашу не окажутся впоследствии тоже «собором»?²

Евгений вспыхнул:

— Мои поездки обходятся государству в гроши. Вдобавок я два года ездил на свои средства. Это — первое. А второе — родившись в Семиречье, ты совершенно не знаешь Семиречья. Мне придется тебе объяснить илийскую проблему...

Евгений зажег свечу, подставил к висевшей на стене карте и принялся за объяснения. Он рассказал, какая масса илийской воды пропадает без использования. Сейчас орошается сотня-две десятин земли, а можно оросить полмиллиона. Илийская долина покроется плантациями и садами. В пустыне можно будет разводить рис, хлопок, опиный мак, ворсовальную шишку, кендырь, кенаф, табак, кунжут.

— Советская власть тратит громадные миллионы на осуществление безумного проекта — изменить русло Амударьи, — сказал Евгений. — Какому-то сумасшедшему захотелось, чтобы Амударья потекла не в Аральское море, а в Каспийское. Проект не столько дикий, сколько грандиозный. А раз так — сыпь туда миллионы! Нам ведь нужна грандиозность!.. А вот на такое верное дело, как орошение Илийской долины, — денег нет. Почему? Не потому ли, что слишком буднично? Не чувствуется, видите ли, пафоса.

— А не веришь ты в наше социалистическое строительство, — сказал Дмитрий, почувствовав в словах брата иронию.

— Не верю, — сознался Евгений. — Я — честный инженер. Подкуривать не хочу и особой нужды в этом не вижу. А работаю добросовестно, ибо получаю восемьсот рублей в месяц.

— И все-таки я не понимаю, — подумав, заметил Дмитрий, — что руководит тобой, когда ты едешь в экспедицию? Будут ходить по Балхашу наши советские пароходы, не будут — тебе какое дело? Точно так же и с илийской проблемой. Не все ли равно тебе, будем ли мы ввозить и впредь ворсовальную шишку из Франции или научимся ее культивировать сами? Не нравится мне такая интеллигентская половинчатость. Проще получать восемьсот рублей и не решать никаких проблем.

Он испытующе глядел в лицо брату. Евгений немного смутился:

— Возможно, ты прав, — ответил он. — Многие мои коллеги живут по твоему рецепту. И неплохо. Но это — чиновники. А я — инженер. В моих жилах течет отцовская кровь колонизатора. Я — человек русский. Я не хочу, чтобы сюда пришли англичане. Я просто вкладываю лепту в дело советской или, что то же самое, русской колонизации. А кроме того, если хочешь, я честолюбив...

— Никак не думал, что ты устряловец, — сказал Дмитрий и почувствовал к брату неприязнь. — Оказывается, ты стоишь не так близко к нам, как мне казалось.

— Возможно! — сухо ответил Евгений. — Впрочем, давай лучше спать. Это полезнее, чем разрешать мировые проблемы.

И он стал раздеваться.

XXVI.

Медленно шла яхта вниз по течению, делая не больше семи верст в час.

Несколько раз останавливались в аулах, чтобы купить баранины. Дмитрий присматривался к казахам и поражался ужасающей бедности кочевого хозяйства. Редко встречались здоровые, радостные лица.

Тщетно старался Дмитрий найти хоть одного грамотного кочевника. Так и не нашел.

— Вот тут и построй социализм! — словно догадываясь о мыслях брата, усмехнувшись, сказал Евгений.

— Построим! — уверенно ответил Дмитрий.

На каждой остановке Евгений фотографировал группы казахов, причем отбирал исключительно безносых.

А Дмитрий недовольно думал: «Будет после своими снимками пессимизм да устряловщину сеять».

Евгений щелкал аппаратом и весело смеялся.

— Настоящая среднеазиатская экзотика!.. Я нарочно беру такие мотивы. Терпеть не могу, когда восхищаются Востоком. На Востоке — тление и гниль! Сюда не революцию надо, а фабрики и пароходы и тамбовских хлеборобов.

И уже серьезно он говорил Дмитрию:

— Смотри, сколько земли пропадает зря. А семиреченских крестьян выселяют на Дальний Восток. Разве это не глупость? Не проще ли деньги употребить на орошение?

Дмитрий отмалчивался. Ему не хотелось спорить с братом.

...Аулы стали встречаться реже. Степь превращалась в пустыню. Бесконечные барханы уходили к горизонту. Песчаное море навевало тоску и уныние.

Когда пошли заросли камышей, Дмитрий обрадовался. Ехать стало веселее. Охотились дорогой на фазанов, но зато вечером приходилось надевать сетки. От комаров не было спасения.

Ночью в камышах раздавался пронзительный крик кабана, попавшего в лапы к тигру. Евгений мечтал о полосатой шкуре и жалел, что нельзя было устроить охоту на зверя.

Как-то днем Носов заметил на берегу темную фигуру валявшегося человека. Это было необычайно. Евгений решил высадиться и посмотреть.

— Не может быть, чтобы это был труп... Довольно странно! Шевелится! — бормотал он, разглядывая в бинокль.

Яхта подошла к берегу.

Уткнувшись лицом в песок, почти около самой воды лежала женщина.

— Казашка? — спросил Дмитрий, заметив, что женщина была в национальном платье.

— Нет, как будто русская, — ответил Евгений, внимательно вглядываясь в лицо, — хотя трудно разобрать.

Он наклонился и пощупал пульс.

— Жива. Очевидно, солнечный удар. Любопытно, как она сюда попала.

Евгений намочил в воде платок и освежил лицо. Женщина застонала и с трудом открыла глаза.

— Боюсь! — вырвался у неё тяжелый вздох. — Спасите!..

— Русская! — удивился Евгений. — Чудеса!

Он сел рядом с женщиной и, вытирая мокрым платком лицо, участливо спросил:

— Кто вы такая и почему вы здесь?

— Я русская. Я бежала от киргиз!..

На яхте женщине дали выпить коньяку и накормили бараниной. На пищу она набросилась с необычайной жадностью и по-собачьи глотала, не прожевывая, большие куски. Смотреть на нее было тяжело, а еще тяжелее было слушать, как она рассказывала историю своего плена.

В 1916 году, во время киргизского восстания, ее угнали киргизы. С тех пор она прожила в плену около десяти лет. Четыре раза ее продавали из аула в аул. Несколько раз она устраивала побег, но всегда неудачно. Она знала, что находится где-то около Балхаша, но где именно и в какую сторону надо идти — не знала. Последний ее хозяин, от которого она бежала, очень богатый и очень злой... Ее сильно били... она хотела в первые годы плена покончить жизнь самоубийством, но у нее родился мальчик. Недавно сын умер. Тогда она окончательно решила бежать.

— Как вас зовут? — спросил Дмитрий.

— Моя фамилия Сосницкая.

Дмитрий с Евгением переглянулись. Они знали когда-то гимназистку Верочку Сосницкую, дочь врача. Евгений отозвал брата и сказал:

— Надо будет ее заставить переодеться, а то вши одолеют.

Дмитрий достал свое белье, у Евгения оказались запасные галифе и толстовка, гидротехник дал парусиновые туфли.

— Вы вымойтесь и переоденьтесь, — сказал Евгений Сосницкой. — Мы сейчас сделаем остановку. Вот вам мыло и полотенце. А это — белье.

Яхта подошла к берегу и стала на якорь. Сосницкая пошла мыться. После матрос Носов ножницами снял ей волосы и начисто выбрил голову. Когда она переделалась в мужской костюм, Дмитрий почему-то вспомнил ударниц времен Керенского.

— Располагайтесь здесь, — показал ей каюту Евгений.

Сосницкая сразу же заснула.

На другой день она ела с такой же ненасытной жадностью и глазами голодной собаки смотрела на Евгения.

— Накорми ты ее досыта, — сказал Дмитрий. — Я не могу на нее смотреть.

— Нельзя сразу. Помрет еще.

Дня через два Сосницкая освоилась с новой обстановкой и стала охотно отвечать на вопросы.

— Есть ли еще русские женщины в аулах, уведенные во время киргизского восстания? — спросил Дмитрий.

Она видела только двух, когда перекочевывал аул с Балхаша. Больше она не видела. Это были крестьянки из Чилика.

— А вы слышали, что сейчас существуют советская власть, коммунисты, что царя расстреляли? — интересовался Дмитрий.

Да, это она знает. Она хорошо говорит и понимает по-казахски. Узун-кулак* все эти вести в степь приносил аккуратно. Она даже сама видела коммуниста. Это сын ее последнего владельца Баймухаметова.

XXVII.

Пользуясь попутным ветром, Евгений решил идти на парусах для исследования Учаральской мели, тянувшейся в северо-восточном направлении. Гидротехник Ашурков второй день производил обмер. Евгений сокрушенно качал головой, просматривая длинные столбики цифр. И потому, как он недовольно кусал губы и морщил лоб, Дмитрий чувствовал, что брата постигла неудача.

— При таком ветре можно рискнуть переправиться на северный берег, — сказал Евгений. — Тем более что мы находимся сейчас как раз посередине Балхаша.

Мутные зеленые волны облизывали яхту. Низко над водой носились белокрылые чайки и бакланы. Давно уже исчезла с глаз узкая полоска берега. Всюду, куда только хватало глаз, пенилась вода. И может быть, потому, что вода была бурой и зеленой, бесконечно высокое небо напоминало потолок громадной голубой юрты.

Рыбак Носов поглядел на солнце и как-то неопределенно ответил:

— Что вперед, что взад — дорога одинаковая.

— А зачем вам, Евгений Петрович, северный берег? — спросил гидротехник Ашурков. — Мы и так забрались слишком далеко... А вон там, видите, какая подозрительная штука?

Он показал пальцем на восток, где небо было подернуто тонким кружевом перистых облаков.

— Это пустяки, — махнул рукой Евгений.

— Ветер восточный.

* Слухи, «сарафанное радио».

Евгений ушел в каюту, а Ашурков вновь принялся за измерения.

Дмитрий плохо понимал сущность исследовательской работы и от ничегонеделанья скучал. Он сидел на борту яхты и, свесив ноги в воду, наблюдал, как носились над зелеными волнами белые, словно снег, чайки.

К вечеру, когда солнце окрасило небо в малиновый цвет, усилился ветер. На крутых волнах забелели гребешки. Балхаш неожиданно поседел и стал сероватым. Тонкое кружево облаков превращалось в густую черную завесу.

— А качнет нас, — сказал гидротехник Ашурков. — Будет буря.

Евгений держал в руке компас и рассматривал яхту.

— Возьмем направление на Учаральские острова. Это будет благо-разумнее.

Громадным пожарищем пылал закат. В неистовом гневе багровело клочущее озеро. На востоке дымились черные тучи, и оттуда налетал порывами холодный, пронизывающий ветер. Качаясь на волнах, вздрагивала яхта, и Дмитрий слышал неприятный скрип свежих сосновых досок.

К ночи разыгралась буря. Возмущенный Балхаш ревел сказочным чудовищем. Водяные горы, вздуваясь, росли, двигались и опрокидывались в разверстые глубины. Волны с шумом наваливались на яхту, и под их тяжестью она трещала, готовая развалиться. Трудно было понять, с какой стороны дул ветер.

Евгений решил пересесть в моторку и вести яхту на буксире. Когда заработал мотор, все почувствовали какое-то облегчение.

Холодный ветер пронизывал до костей, но сидеть в каюте Дмитрий не мог. Он надел кожаную меховую тужурку и пристроился на корме.

Первый раз в жизни он испытал бурю на Черном море, — но тогда он ехал на громадном пароходе в каюте первого класса. Его трепала морская болезнь, сильно тошнило, но он знал, что скоро будет остановка, берег... Ни о какой опасности не думалось... А вот сейчас было неприятно. Яхта не внушала доверия. Собственно говоря, какая это яхта? Самая обыкновенная большая лодка... Только сумасшедшие люди, вроде Евгения, могут совершать на ней такие рейсы.

Дмитрий почувствовал тошноту. Морская болезнь? А может быть, просто от страха? Неужели он трус? Надо взять себя в руки. Хотя, по совести говоря, мало приятного ехать во время бури в такой скорлупе...

Неожиданно сверкнула молния. Дмитрий увидел бесконечную водяную пустыню, взлохмаченную волнами, и четкий силуэт брата, сидевшего в моторке.

Почему-то в этот момент он вспомнил раскрашенные стены губкома, когда заходил к Анфисе. На одной из них изображен был корабль, застигнутый штормом в море. На носу корабля стоял Ильич в пиджаке,

с красным галстуком, в кепи. Ильич держался за автомобильный руль, а седые волны захлестывали корабль.

— Какой идиотизм, — вслух подумал Дмитрий и вздрогнул от неожиданного удара грома.

— А хватим мы горького до слез! — крикнул под ухом гидротехник. — Что, боитесь?

— Неприятно! — сказал Дмитрий и почувствовал какую-то тяжесть под сердцем.

Сознание беспомощности угнетало. Хотелось что-то делать, работать, шевелиться. Сидеть сложа руки было тяжело.

«Хоть бы весла были! — подумал он. — Странная яхта...»

С черного, как сажа, неба беспощадно хлестал дождь и, не переставая, гневно падали раскаты грома, ослепляя зигзагами молний. Беспомощно качалась яхта. Она то и дело ныряла носом в образовавшиеся крутизны, чтобы сейчас же подняться на волнующие бугры вод.

Оглушенный бурей, Дмитрий чувствовал себя маленьким и ничтожным. Глаза его слезились от сильного ветра. Среди пустыни бурливших вод, в грохоте громовых раскатов странно было думать, что где-то есть твердая земля, Москва, автобусы, уютный кабинет с книгами...

«Черт меня дернул поехать!» — подумал Дмитрий.

Надрывно завывая, свирепствовал холодный, пронизывающий ветер. Волны захлестывали яхту, но Дмитрию казалось, что вода просачивается в пробитое дно.

— Откачивайте воду! — закричал гидротехник.

Неизвестно откуда появилась Сосницкая. Дмитрий слышал, как стучали у нее зубы — то ли от страха, то ли от холода. Она старательно вычерпывала большим ковшом воду.

Дмитрий схватил ведро и с ожесточением принялся помогать. Скоро у него заболела спина и устали руки, но вода в яхте не уменьшалась. Сосницкая работала молчаливо, и Дмитрий чувствовал, что она боится.

...А Евгений, сидевший в моторке, упорно держал направление на северо-восток.

«Что за черт, давно должны быть острова!» — думал он.

Он страшно устал и замерз. Надо было бы сунуть бутылку с коньяком в карман. Собачий ветер, он пробирает до косточек! Скорей бы добраться до берега, потеплее закутаться и спать...

Непроглядный мрак ночи раскалывался ломаными полосами огня. Евгений напрягал зрение, стараясь разглядеть берег. Но, кроме взмыленного моря, ничего не видел.

«Огонь! — встрепенулся Евгений. — Неужели рыбаки?»

Красный огонек мелькнул справа и пропал.

«Галлюцинации! — подумал он. — Здесь нет жилья».

Огонек мелькнул снова и снова исчез. Евгений круто повернул вправо.

Теперь уже не было сомнения: берег был рядом.

Носов готовил якорь. Евгений осторожно подводил яхту.

Дмитрий облегченно подумал: «Ну, значит, конец мучениям».

И ему показалось, что волны стали меньше и ветер утих.

— Давай якорь! — закричал гидротехник. Моторка перестала работать. Измученный Евгений забирался на яхту.

— Здесь переночуем, — сказал он. — Только я думаю на берег сходить. Надо узнать, где мы находимся.

На берег пошли втроем: Евгений, Дмитрий и Сосницкая. Она хорошо говорила по-казахски, и Евгений взял ее на случай, как переводчицу.

Огонь горел в саманной зимовке. Когда подошли поближе, раздался громкий собачий лай.

— Однако здесь что-то вроде аула! Вон еще постройка! — удивился Евгений. — Любопытно, куда мы попали?

Он подошел к саманной постройке и заглянул в окно.

— Эге, человек есть. Давайте заходить!

Дмитрий постучал в двери.

— Кто там?

— Русский! — изумился Евгений. Кто-то подошел и распахнул двери. Евгений с Дмитрием прошли в зимовку.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — нехотя ответил человек, обросший густой бородой.

Глаза у него бегали по сторонам, и он чувствовал себя, видно, неловко.

— Мы с экспедицией, — сказал Евгений. — На яхте приплыли. Пришли узнать, что здесь за поселок?

— Рыбачий поселок, — пробурчал человек. — Рыбаки живут...

— Кому же жить на Балхаше, как не рыбакам, — улыбнулся Евгений. — Я про название спрашиваю.

— Название... Да так... Без названия поселок... Живут люди — и все... Никому не мешают... Просто рыбачий поселок.

Кто-то завозился в углу под овчинами и неожиданно закричал:

— Комиссар... Не пойду... К черту!.. К дьяволу... Не пойду... убью себя, не пойду...

Дмитрий попятился к дверям. Евгений быстро сунул руку в карман.

— Молчи, Василий! — недовольно сказал бородатый. — Чего тревожишься зря?

Но человек в углу вылез и сел по-казахски. Дмитрий увидел узкое худощавое лицо, обросшее щетиной. Большие черные глаза горели лихорадочным блеском. У человека было только одно ухо, а через щеку тянулся широкий рубец.

— Безверхий! — вдруг закричал Евгений. — Это вы!

XXVIII.

Следователь пристально взглянул на опухшее, небритое лицо Мастера и кивнул на стул:

— Садитесь.

Мастеров сел.

— Рассказывайте. Я вас слушаю.

— О чем?

— Обо всем. Как работали в полиции, в охране. Как проникли в партию?

И Мастеров начал рассказывать.

Да, он работал в охранном отделении и получал двадцать пять рублей в месяц. Но он никого не выдавал. И как он мог выдавать, когда он не знал ни одного революционера в городе? Он водил за нос охранное отделение и получал деньги. Никаких улик против него нет и быть не может. За бесполезностью его охранка сократила. Здравый смысл подсказывает, что это лучшее доказательство невиновности. После он поступил в наружную полицию и был полтора года околоточным надзирателем. Когда началась война, он добровольно ушел в армию. Он мог бы остаться в тылу, но полицейская служба была ему в тягость. Он предпочел фронт. На фронте он был, действительно, офицером. После ранения он был комендантом на этапном пункте. Во время революции стал большевиком. Прошлое давило своей грязью, и он решил переменить фамилию. Он достал документ и превратился в Мастеров. В этом он виноват, верно, но он — активный участник Октября. Начиная с семнадцатого года у него сохранены все документы. По ним следователь может установить, что он занимал ответственные посты и честно работал на благо революции. В семнадцатом году он похоронил свое прошлое и начал новую жизнь...

— Вы были председателем комиссии по постройке показательного городка Кзыл-Джол?

— Был!

— Вы знаете, что там происходило воровство?

— Кзыл-Джол строил инженер Берг. Я доверял ему во всем.

— Какой же он инженер? Он — фармацевт по образованию, бывший аптекарь.

— Значит, он меня обманывал.

— Вы от него денег не получали?

— Нет.

Следователь перелистывал пухлое дело в синей обложке.

— А вы знаете Тамару Безверхую?

— Знаю.

— Правда вы ей предлагали через Кимстача пойти к вам на содержание и обещали платить ежемесячно по пятьдесят рублей?

— Нет.

— Напрасно скрываете. Кимстач сознался.

Мастеров поник головой.

— А скажите, каким путем попала к вам вот эта тетрадка в зеленой обложке?

— Тетрадка в зеленой обложке? Это корреспонденция из степи на шести страничках, присланная в редакцию. Ее принес Кимстач. Там общается о русской женщине, находящейся в казахском ауле. Женщина была угнана в степь во время восстания в шестнадцатом году.

Корреспонденция анонимная, и ее в газете печатать не стали... Он не придал ей никакого значения. Какой-то сумасшедший бред...

— А вы внимательно прочли эту тетрадку?

— Нет, бегло.

— Не помните, о каком ауле там говорится?

— Нет.

— А не обратили вы внимания, что там упоминается фамилия Баймухаметова?

— Нет!

Тогда следователь извлек из дела узенькую тетрадку в зеленой обложке и на первой страничке показал подчеркнутую карандашом фамилию Баймухаметова.

— Это не вы подчеркнули?

— Не помню.

— А скажите, вы никому эту тетрадку не показывали из казахов?

— Нет, кажется.

— Вспомните хорошенько. Один раз к вам пришел поздно вечером, вернее даже ночью, казах... У него был новый коричневый портфель... Не помните? Я вам скажу, когда это было. В первых числах мая... Он сидел у вас в кабинете спиной к книжному шкапу... Вы сидели за письменным столом и рассматривали эту тетрадь. Вспоминаете?

— Нет!

— После он достал из портфеля три пачки денег. Они были стянуты резинками. Вы стали пересчитывать. Пересчитали и сунули в стол...

— Ничего подобного. Я вернул их обратно, — перебил Мастеров и смутился. Он понял, что сказал лишнее.

— Вернули обратно? Почему? Он вам давал взятку, и вы не хотели ее взять?

— Да.

— Не помните, сколько там было денег?

— Нет.

— Я скажу вам: там было меньше тысячи рублей. Потому что тысячу рублей вы с него все же взяли через несколько дней, а именно — на банкете во время приезда китайской делегации. Правда это?

Мастеров закрыл лицо руками и глухо ответил:

— Правда.

— Скажите, за что вам заплатил тысячу рублей Баймухаметов?

Мастеров молчал.

— Я вам скажу, за что.

Следователь пробежал глазами корреспонденцию в зеленой обложке, нашел нужное место и прочел:

— «Итак, неизвестная русская женщина десять лет томится в казахском ауле. С ней обращаются как с невольницей. Несколько раз она пыталась бежать. Но куда убежишь из пустынной степи? А может быть, у этой женщины есть родные и близкие, которые считают ее погибшей? Я пишу эти строчки в газету. Пусть они привлекут к себе внимание честных людей. Дать свою подпись под этим письмом я не могу. Есть на то причины. По тем же причинам я не мог лично принять какие-либо меры в ауле, когда проезжал его. Но если выедут отзывчивые люди из города в аул Баймухаметова, они могут спасти несчастную женщину...»

— Вы свою отзывчивость проявили тем, что получили от Баймухаметова тысячу рублей и дело сунули под сукно, — сказал следователь, закрывая зеленую обложку.

Мастеров уронил голову на грудь.

XXIX.

В одноухом человеке Евгений признал старого гимназического товарища Ваську Безверхого. Дмитрий вспомнил свой разговор со Смолиным и с любопытством всматривался в знакомые черты лица.

Но Безверхий вскочил с легкостью кошки и схватился за ружье.

— Не пойду... Будьте вы прокляты!..

— Я вас никуда не зову, Безверхий, — сказал Евгений. — Поставьте ружье на место. Неужели вы меня не узнаете? Я — Семилетов. Мы с вами учились в одном классе гимназии.

Ружье выпало из рук Безверхого. Он смотрел растерянно и бормотал:

— Ничего не понимаю... Ничего!.. Да, я с вами учился. Конечно, вы — Семилетов.

— Вот что, Безверхий, скажите вашему товарищу...

— Не надо товарищей... К черту! — пронзительным голосом закричал Безверхий. — Не надо!..

«А ведь у него не все в порядке», — подумал Дмитрий, пристально глядя в лихорадочно блестящие глаза Безверхого.

Бородатый поднял ружье и поставил к стенке. Окидывая недружелюбным взглядом Евгения, он предложил:

— Чай пить будете? Мигом согрею...

— Будем! — кивнул Евгений и, расстегивая кожаную куртку, сел на кошму. Дмитрий опустился с ним рядом.

Когда бородатый вышел на улицу, Евгений сказал:

— Вот что, Безверхий, я и брат, — он кивнул в сторону Дмитрия, — знаем, кто вы такой. Мы приехали сюда с научной экспедицией. Выдавать вас мы не будем, поэтому держитесь проще и не бойтесь. Завтра мы уедем отсюда и будем немые, как могила.

— Зачем могила? — забормотал Безверхий. — Я жить хочу.

Бородатый принес в котле воду и разжег очаг. Три тени запрыгали на стене. Безверхий тусклыми глазами посмотрел на братьев и закрыл лицо ладонями. Плечи его вздрагивали, и Дмитрий понял, что Безверхий плачет.

— Перестань, Василий, — строго сказал бородатый. — Чего тревожишься зря!

Когда вскипел чай, Безверхий, обжигаясь, пил из жестяной почерневшей кружки. Бородатый незаметно ушел и унес ружье. Безверхий успокоился, и Евгений постепенно вытянул из старого товарища признание.

Да, он был белым атаманом. Он порол лепсинских мужиков и жег деревни. Один раз он собственноручно отрубил большевику голову... За что? Сейчас он не помнит, это было так давно... Потом пришли красные. Отряд его с боями уходил в Китай. Он получил ранение в ногу. Вы спрашиваете, где отрубили ухо? На границе. Там же он получил и этот шрам на щеке... В Китае он сидел год в тюрьме. Ах, как тяжело жить без родины человеку! И вот он, штабс-капитан Безверхий, георгиевский кавалер, пошел на родину. Он пешком добрал сюда из Кульджи, в поселок, где живут отверженные люди. Основали его беглые каторжники, пришедшие сюда из Сибири. Некоторые живут здесь по двадцать лет. О существовании поселка знают киргизы. Они привозят раз в лето чай, табак. Русских никогда здесь не было. Конечно, ни на одной карте нет этого поселка... Здесь свой особый быт, свои нравы... Нового человека в поселке встречают без особой радости, но не гонят. Обживется — остается, нет — уходит. Охотники бьют кабанов деревянными пулями, — точат их из саксаула. Рыбы в Балхаше много, а женщин в поселке мало. Некоторые счастливицы купили киргизок и обзавелись семьями... Безверхий тоже купит себе киргизку, если будет удачная охота, а если нет — украдет. Как управляется поселок? А никак. Каждый живет по-своему. Ни одного случая воровства за последние три года не было. Да и вообще не было с тех пор, как существует поселок. Жизнь идет тихо, мирно и хорошо. Через киргиз иногда узнают, что делается на белом свете. Говорят, Ленин умер, киргизы столицу строят в Ак-Мечети.

— А почему вы не хотите вернуться в свой родной город? — спросил Дмитрий.

— Я не хочу, чтобы меня расстреляли комиссары! — скривил губы Безверхий.

— Если вы искренне раскаетесь в своих преступлениях, вас не расстреляют. Советская власть умеет прощать, — сказал Дмитрий.

Безверхий отрицательно замотал головой...

Чай был выпит. Надо было уходить. Безверхий внимательно смотрел на молчаливо сидевшую Сосницкую. Вначале он принял ее за мужчину, а после сообразил, что против него сидела женщина. Лицо его странно вспыхнуло, и он закрыл рукой глаза.

— Мне тяжело жить здесь, — всхлипнул бывший атаман. — Я ведь никогда не думал о такой жизни... Я мечтал быть профессором. А сейчас приходится жить среди беглых преступников. И никакого просвета!

— Я вам все-таки советую вернуться, — настойчиво сказал Дмитрий. — Будем говорить прямо. Хуже расстрела ничего быть не может. А сейчас мы почти никого не расстреливаем. Вы можете мне верить — я коммунист.

Золоченые угли покрывались нежным налетом пепла. Жировик мигал и грозил потухнуть. В серой мгле трудно было разобрать, почему так странно тряслись узкие плечи Безвершого, — смеялся он или плакал?

Евгений неожиданно поднялся:

— Я вас не уговариваю, Безверхий: хотите возвращаться — заедем за вами, нет — оставайтесь. Дело ваше. Во всяком случае — желаю вам счастья.

У Дмитрия с непривычки сидеть по-казахски онемели ноги. Он растирал их и следил за Безверхим. Лицо атамана было растерянно и выражало недоумение.

— Я провожу вас, — сказал он.

Дмитрий с Евгением шли впереди, Безверхий и Сосницкая отстали. Дмитрий слышал, как Сосницкая задала вопрос на казахском языке. Безверхий ответил ей тоже по-казахски.

«Женщины эмоциональнее нас, — подумал Дмитрий. — Они лучше чувствуют безысходность положения. Ей, конечно, жалко его...»

Балхаш шумел рокотом волн, но ветер заметно стихал. На рассвете можно было тронуться дальше. Яхта колыхалась у самого берега.

— Я хочу с вами поговорить, — сказала Сосницкая, дотронувшись до рукава Дмитрия.

Он отошел в сторону. Безверхий что-то говорил Евгению.

— Я останусь здесь, — тихо прошептала Сосницкая.

— Вы? Почему?

— Мне не к чему ехать с вами в город... Я ведь тоже — конченный человек...

Она опустила низко голову.

— Я вижу все... Я вижу, как вы боитесь меня... Да, да... Вы уже заметили, что я больна сифилисом. Я знаю, что через год у меня провалится нос... Кому я буду нужна в городе? У меня — ни родных, ни знакомых...

Холодные струйки побежали у Дмитрия по спине, и он почувствовал странную усталость в ногах. Надо было что-то говорить, но тяжелый язык не ворочался во рту.

— Я останусь с ним, — кивнула Сосницкая в сторону Безверхого.

— Позвольте... Но вы предупредили о своей болезни?

— Да.

— Ну и он?

— Он обрадовался. Мы уйдем из этого поселка за Иссык-Куль, к Тянь-Шаньским горам. Там живут одиночки-прокаженные. Их никто не трогает. Мы тоже построим избушку. Он уже все рассказал мне... Отпустите меня с ним! — умоляюще сказала Сосницкая.

— Я не имею права вас задерживать... Вы — свободный человек... Но это так странно... Как-то неожиданно быстро...

— Так будет лучше, — настойчиво твердила женщина.

Тогда Дмитрий взял ее за руку и мягко сказал:

— Уговорите его вернуться в город... Я буду хлопотать о помиловании...

— Не надо. Мы все равно калеки... Я одичала и не привыкну к людям...

Голос ее дрогнул, и она отвернулась от Дмитрия.

...Яхта ушла на рассвете. Сосницкая осталась на берегу.

XXX.

Митя третью неделю переписывал Прибалхашскую волость. Казахи боялись переписи и сообщали неточные сведения. Но Митя применился к обстановке и научился определять количество скота по ширине физиономии хозяина. Заполненные формуляры он складывал в кожаный портфель, который возил в мешке у седла.

Последнюю перепись он проводил в ауле Баймухаметова, совершавшего кочевой путь на летовку, и торопился нагнать аул Шекты. Переводчик ехал впереди него и пел заунывную казахскую песню. Митя знал, что казахи поют о том, что видят перед собой. Но, кроме бездонного неба и бесконечных барханов, певец ничего не мог видеть. Как ему не надоест ныть?

Ехали долго, но нигде не было видно признаков каравана. Переводчик прикладывал ладонь к глазам, защищаясь от солнца, и долго смотрел по сторонам, но, кроме песков, ничего не видел.

— Что, заблудился? — весело спросил Митя.

— Мало-мало, — ответил проводник и, кивая головой на запад, сказал: — Туда надо!

Он повернул коня. Митя поехал следом за ним. Ехали долго, до захода солнца, но барханы пошли выше, и Мите стало ясно, что переводчик окончательно сбился с дороги.

«В песках будет холодно», — подумал Митя и предложил:

— Давай ночевать. Утром поедем.

— Лошадь поить чем будешь? — уныло спросил переводчик. — Лошадь пить хочет.

— Я сам хочу, — сказал Митя.

Переводчик достал кумыс.

Огромное раскаленное солнце умирало где-то в далекой равнине, за барханами. Знойные сумерки опускались с неожиданной быстротой. Вместе с тенью пришла прохлада, а с нею — живая жизнь. Где-то выла гиена.

Черное небо светилось холодным мерцанием звезд. И Митя, глядя на них, думал о городе, о матери и Тamarочке Безверхой. Вот сейчас там, в городе, видны эти же звезды. На них смотрит Тamarочка и думает о нем. Милая Тamarочка! Зачем ее отец был полковник? Как это некстати! Она не может быть теперь комсомолкой...

Переводчик, проснувшийся с восходом солнца, разбудил Митю:

— Дальше едем!

Чем выше поднималось солнце, тем нестерпимее становился зной. Песчаные вихорки крутились на мертвых буграх, и барханы дымилась пылью. Кое-где торчали низкорослые кусты саксаула и серела засохшая редкая полынь. Угрюмые черепахи грелись на солнце (Митя принимал их вначале за серые камни). Тени огромных орлов, паривших в голубом небе, скользили по желтым пескам пустыни. Раскаленный песок дышал зноем, и у Мити кружилась голова, а перед глазами выплывали самые диковинные вещи. Митя видел караваны верблюдов, слышал, как ржали лошади и кричали пастухи. А вон вдали показался аул. В этом ауле есть вода — холодная, прозрачная! Такая холодная, что от нее ноют зубы... Эй, байбише!.. Кумыс бар? Нет, байбише, лучше дай воды — холодной, прозрачной воды. Он возьмет кесешку и пройдет к роднику. Можно выпить одну кесешку, две, три, сто, тысячу...

Митя клевал носом. Вот сейчас будет аул... Только б доехать! Надо крепче держаться за гриву лошади.

Проводник соскочил с седла и взял лошадь под уздцы. Его окружают голодные, злые собаки. Сейчас и Митя слезет со своего коняги. В полутемной юрте прохладно и хорошо. Его сажают на почетное место, и старуха-казашка приносит в громадной чашке душистый, крепкий кумыс. Митя тем временем достает из портфеля формуляры и готовится к работе. Входит переводчик и садится рядом. Он уже успел кому следует сказать, что Митя — большой тюре, — и за юртой колют упитанного барана. Но есть Мите не хочется. Напрасно достают баурсаки и курт. Он хочет пить... Тогда переводчик говорит:

— Вот здесь рядом родник. Там хорошая вода.

Митя встает и идет за проводником. Около родника ярко-зеленый ковер травы. Огнем горят ирисы и тюльпаны. Но Митя забыл взять кесешку. Экая досада! Ну да ничего, он может напиться и без кесешки. Митя встает на колени, упирается ладонями о землю и низко наклоняет голову... Но вот чудеса! Родник отодвигается от него все дальше и дальше. Митя ползет за родником и не может догнать...

Митя встряхнул головой. Солнце — золотой тарантул — смеялось в мутном небе. Желтые барханы бесконечными волнами терялись вдаль, и пустыня походила на песчаное море. Переводчика не было. Должно быть, он вон там, за тем барханом. Надо ехать туда. Митя повернул коня. Конь не хотел идти, но он ударил его каблуками.

Теперь Митя не думал уже о караване. Надо найти переводчика. Без него он заблудится окончательно, а потом — как же быть с переписью? Митя не знает казахского языка, а половина формуляров еще не заполнена...

Ночь он провел в полубессознательном состоянии. Утром кое-как забрался на лошадь. Лошадь едва волочила ноги и часто останавливалась и не хотела идти.

И тогда Митя понял, что он погиб. Он не знает правильного направления, куда надо идти. Через день он упадет и не сможет встать на ноги...

Митя собрал остатки сил и закричал. Он кричал долго, пока не охрип. От крика прошел в голове сладкий туман. Мысли стали работать четко и ясно.

«Тут кочуют казахи. Надо идти на запад и оставлять какой-нибудь след. Половина формуляров чистые. Их можно употребить для этой цели».

Митя достал неиспользованные формуляры и крупно писал на каждом: «Спасите. Иду на запад! Спасите. Иду на запад!»

После он разбрасывал за собой эти бумажки. Когда они кончились, Митя хотел пустить в дело заполненные формуляры. Но он вспомнил, какое большое значение придавали этой переписи в губстатбюро, и решил, что их надо сохранить.

«Все равно погибну, — мелькнула мысль. — А формуляры кто-нибудь найдет».

Он снял с себя кальсоны и нижнюю рубашку и перочинным ножом разрезал на мелкие лоскутки. На этих лоскутках Митя принялся писать карандашом тот же призыв: «Иду на запад, спасите! Иду на запад, спасите!» Митя не знал, что ветер уже разнес по барханам его записки и замел следы лошадиных копыт...

* * *

Человек с ружьем вздрогнул. Навстречу ему ехал всадник. А он думал, что до аула не меньше сорока верст. Оказывается, на ловца и зверь бежит.

Гулкий выстрел прозвенел в песках. Всадник кувыркнулся с лошади. Человек зарядил ружье и пошел ловить коня.

После он подошел к убитому.

— Мальчишка... Русский...

На мгновение ему стало обидно, что он убил русского. (Он шел убивать казахов.) Но не все ли равно? У него теперь есть конь. Три дня назад он приобрел жену. Завтра он уйдет на Тянь-Шань. Там он построит избушку в горах, займется охотой и пчеловодством. Ему больше ничего не надо. За восемь лет он, кажется, выстрадал право на спокойную, тихую жизнь. Штабс-капитан Безверхий превратился в прокаженного. Ни один комиссар не подойдет к нему близко... Разве это не счастье!

XXXI.

Дмитрий с Евгением вернулись назад по Или на моторной лодке. Остальные члены экспедиции должны были возвращаться на лошадях. Лошадей достали в обмен на яхту у балхашских рыбаков.

Евгений был доволен результатами работ экспедиции и торопился в Ленинград.

Он заехал домой, простился с отцом и, забрав чемоданы, через час выехал на автомобиле. Дмитрий прожил три дня. Он рассчитывал забрать с собой Митю в Москву, но о Мите не было ни слуху ни духу.

Он поехал на перепись в Прибалхашскую волость и пропал без вести. Анфиса ходила бледная и сразу похудела.

— Несчастье произошло, — сказала она Дмитрию. — Чует мое сердце. Погиб Митя в степи. Второй месяц ничего не знаю.

Тамарочка Безверхая приходила к Анфисе и молча садилась в уголок. Тамарочка не знала, как ей поступить: делать аборт или ждать Митю. Сказать Анфисе о своей беременности она не решалась, а шел уже третий месяц...

Анна Васильевна лежала больная. Дмитрий не хотел заходить к ней на квартиру и решил уехать не простившись.

...Накануне отъезда отец повел его показывать новые участки, отведенные под питомники.

— Вот здесь — груша, здесь — слива, здесь — яблоко, здесь — вишня, — перечислял он сыну. — Ты землю попробуй! Землю есть можно, жирная земля, настоящая...

И он действительно взял в рот комок земли и, пожевав, выплюнул.

При закате солнца распаханная земля казалась лиловой, а борода у отца была розовая. Он снял соломенную шляпу и торжественно сказал:

— Благодарение Господу, вправил создатель мозги товарищам, снова трудиться разрешили... Бумагу оформили настоящую.

Вечер был тихий. Травы пахли медом. Загорались первые бледные звезды. Старик водил сына по распаханной земле и рассказывал о своих планах.

После он взял Дмитрия за пуговицу и стыдливо сказал:

— Человек я крепкий, земляной... Соков во мне много... Вероника у меня живет за хозяйку — примечал, конечно... Тяжела стала... О Господи,

грехи!.. Хочу обзакониться на старости лет. С Евгением у меня перегово- рено, с тобой хочу совет держать...

— А что Евгений сказал?

— Евгений что? Веселый человек. Смеется. «Крой, — говорит, — папаша. Мое дело — сторона».

— Ну, а мое и подавно, — резко ответил Дмитрий и почувствовал к уехавшему брату холодок. Ему стало жаль отца, и он ласково взял его под руку. Отец с сыном пошли к дому.

...Вечером на террасе пили чай. Отец, очевидно, успел передать Ве- ронике свой разговор с сыном, и она сидела зарумянившись.

Утром Дмитрий покинул отцовский дом.

XXXII.

— Слово товарищу Гецу! — сказал председатель собрания Фа- шинг.

— Я должен сделать два заявления. В совет коммуны поступи- ла просьба от двадцати четырех семейств, желающих создать коммуну. Нас просят помочь — и руководством, и всем, чем мы можем... Совет коммуны решил выделить тов. Фашинга, а также оказать материальную поддержку. Я думаю — мы должны пойти навстречу... На этот год мы обеспечены водой, потому что арык Сайрам-Су вполне оправдал наши надежды... Но на следующий год надо думать о больших оросительных работах. Новая коммуна свяжет нас с окрестным населением, так как в нее входят казахи, таранчинцы, русские и узбеки... Можно будет прак- тически поставить вопрос о прорытии сорокаверстного канала, который обеспечит водой весь район... Трудность этого вопроса заключается толь- ко в правильной организации коллективного труда.

Гец улыбался серыми глазами.

— Второе. Довожу до сведения коммуны, что я, Гец, подал заяв- ление об уходе из социал-демократической партии. Я решил вступить в коммунистическую партию.

Фашинг первый захлопал в ладоши.

* * *

На вокзале Дмитрий купил газету. Кричащий заголовок на первой странице привлек его внимание: «Охранник во главе губернии». В теле- грамме сообщалось о расстреле Мастерова. Петитом на второй странице под общим заголовком «В две строчки» помещена была телеграмма об убийстве статистика Дмитрия Аминова в Прибалхашской волости (Дми- трий почему-то обратил внимание, что телеграмма заняла не две, а три с половиной строчки). Он подумал об Анфисе и почувствовал сосущую тоску под сердцем.

Перед посадкой в поезд он прошел на телеграф. Ему бросили свернутый бланк с пометкой «Молния». Телеграмма была от Анны Васильевны: «Солнышко пишите».

Дмитрий скомкал телеграмму и сунул в карман.

В мягком вагоне почти никто не ехал. В купе был приятный полумрак. Дмитрий растянулся на диване и закрыл глаза. Он думал, что после утомительной дороги на автомобиле заснет сразу. Но спать почему-то не хотелось.

...За окном бежали телеграфные провода. Снежные горы при лунном свете казались голубыми. Азия была сзади, за спиной...

* * *

Вдали горели яркие электрические огоньки. Дмитрий слышал, как в коридоре кто-то объяснял:

— Это немецкая коммуна. А вон там, левее, один огонек — казахская коммуна. Недавно организовалась.

Голос Дмитрию показался знакомым. И он вспомнил: точно такой же голос был у немецкого коммуниста, который вытащил его во время крушения из автомобиля.

Дмитрий выглянул в двери. Спиной к нему стоял Фашинг в вязаной коричневой фуфайке и рассказывал широкоплечему... <...>*

* Последние две или три строчки романа утрачены.

Евгений ПОПОВ
Михаил ГУНДАРИН

ШУКШИН: ОТЛИЧНИК В РОЛИ АКТЕРА

Мы предлагаем вниманию читателей фрагмент из новой книги Евгения Попова и Михаила Гундарина о Василии Шукшине. Речь идет о времени, когда приехавший из сибирской деревни Шукшин, каким-то чудом оказавшись во ВГИКе, был вынужден находить общий язык с отпрысками московской элиты, звездами кино и профессуры. Иногда притворяться простачком. Иногда просто обманывать. В общем, пробиваться. И ему это блестяще удалось, причем уже в студенческие годы.

Парень с Алтая среди звезд

Евгений Попов. Шукшин стал тем Шукшиным, каким его знаем мы, миллионы зрителей и читателей, именно благодаря ВГИКу. Известны слова Сергея Бондарчука: «Кто-то писал, что Шукшин, дескать, пришел поступать во ВГИК темным парнем, а институт сделал из него человека. Неправда все это. Он пришел туда Василием Шукшиным и всю свою жизнь был самим собой... Его коренной чертой было первородство, которое необычайно редко встречается». Но что-то я сомневаюсь, что без огромного багажа знаний и умений, полученных во время столичной учебы, Василий Макарович смог бы написать то, что написал. А фильмов своих он точно бы не снял. Любой алмаз нуждается в огранке. Плюс, конечно, новая среда, знакомства, существенно облегчившие ему «путь наверх». Никакому первородству все это не мешает, а только помогает.

Михаил Гундарин. Алмаз гранили жестко. Говоря о студенчестве Василия Макаровича, стоит помнить, что в мастерской Михаила Ромма училось изначально двадцать восемь человек, а окончили вуз всего семнадцать. Отчисление по признаку профнепригодности было не пустой угрозой, а частью образовательного процесса. Тут все строго и конкретно, аж иногда завидуешь педагогам, имеющим в руках такую «дубинку». Бездарные режиссеры советскому кино были не нужны. Кроме того, не следует забывать, что в 1954 году свою мастерскую набирал не только Михаил Ромм, но и Сергей Герасимов. Студенты конкурировали не только между собой, но и с ребятами из соседней мастерской. Учеба была напряженнейшая. «Во ВГИКе той поры достаточно было получить двойку по специальности, и ты автоматически отчислялся... Кроме лекций каждый

день были еще репетиции: ты или ставишь свой отрывок, или занят артистом у товарища. Домой приходил в десять-одиннадцать часов вечера. А надо было еще готовиться к семинарам по истории марксизма, военной подготовке... И читать, читать, читать...» Это вспоминал режиссер и киноактер Андрей Смирнов, учившийся в следующем наборе мастерской Ромма. Шукшин эмоционально писал матери, что устает во ВГИКе как при корчевке пней.

Е. П. Однако имелись и, как сказали бы сейчас, бонусы, например прикосновение к тому, что для большинства было тогда недоступно. Вроде просмотров современного и классического западного кино. Или знакомства со звездами. Уже состоявшимися или будущими. Ведь тогда уже блистали вчера еще никому не известные Николай Рыбников («Весна на Заречной улице» Марлена Хуциева), Михаил Козаков («Убийство на улице Данте»), обладающая дерзким и независимым характером Людмила Гурченко, которая после безумного успеха «Карнавальная ночь» проснулась знаменитой. Шукшин соприкоснется с ней в роли активиста, и ей придется оправдываться на собрании за подражание Лолите Торрес и пение западных шлягеров.

Кстати, сама Гурченко потом утверждала, что попала в «Карнавальную ночь» случайно и не без влияния, скажем так, женского обаяния (за которое ее критиковали комсомольцы, включая Шукшина): «Я шла подпрыгивающей походкой по коридору студии “Мосфильм”. Навстречу шел И. Пырьев. Я еще больше завихляла, еще выше подняла подбородок. Пырьев поднял голову, увидел меня, поморщился, а потом лицо его заинтересованно подсобралось. Он сказал, чтобы я шла за ним. Привел меня в 3-й павильон, где происходили съемки, подошел к главному оператору и сказал, что вот актриса, только снимите ее получше, — и будет человек». Правда это или нет, мы теперь уже никогда не узнаем — равно как и то, что, по уверениям актрисы, после бешеного успеха «Карнавальная ночь» и «Девушки с гитарой» ее десять лет травили из-за отказа сотрудничать с КГБ. Сомнительно! Как свидетельствуют знатоки, в фильмографии актрисы вообще нет перерывов более года. Она работала в Театре-студии киноактера, Московском театре «Современник», снялась в главных ролях в фильмах «Роман и Франческа», «Гулящая», «Укротители велосипедов»... Другое дело, что ленты эти не повторили бешеного успеха «Карнавальная ночь». Увы, нет уже на свете Пырьева, Хуциева, Рязанова, Гурченко, Рыбникова, Козакова, царствие им небесное. Да и хрущевско-брежневского КГБ, «конторы глубокого бурения», как его шепотом именовали в народе, тоже нет.

Примечательно, что эта «контора» почему-то не заинтересовалась набиравшим популярность Шукшиным, не попыталась использовать его в своих целях. Как она это сделала, например, с Михаилом Козаковым, о чем он признался на излете своих дней, не побоявшись осуждения «прогрессивной общественностью». И, разумеется, правильно поступил умный Михаил Михайлович, за что ему «респект и уважуха». Другие, оказавшиеся в его ситуации, предпочитали и потом помалкивать. Вообще-то спецслужбы всех времен и народов всегда ищут деловых контактов со знаменитостями. Вот, например, взять карьеру актера Рональда Рейгана, ставшего президентом Соединенных Штатов Америки. Или другого какого-нибудь президента, выходца из «мира искусств». Впрочем, это не тема нашего разума и нашей книги...

Ну и конечно, парня с Алтая не могли не ослепить (по крайней мере в первое время) прославленные режиссеры, они же мастера ВГИКа — Лев Кулешов, Юлий Райзман, Сергей Герасимов, именем которого теперь и назван Всесоюзный государственный институт кинематографии. Шукшин, разумеется, знал их с юности. Молодой сибиряк мог видаться и с легендами советского кино, актерами и актрисами, чьи фотографии висели в домах «простых людей» по всей стране, можно смело сказать — «от Москвы до самых до окраин»: Михаилом Жаровым, Аллой Ларионовой, Мариной Ладыниной, Элиной Быстрицкой, Любовью Орловой. А про его встречу с тем же Иваном Пырьевым, которая якобы предопределила всю судьбу Шукшина, существует целая легенда (мы ее рассказываем в одной из глав книги).

Василий Макарович писал матери о ВГИКе отнюдь не только как о «корчевке пней». Думаю, он специально подбирал факты и излагал их максимально доступно, чтобы мать могла им гордиться — ну и при случае хвастаться односельчанам: «...Учиться страшно интересно. Говоришь, смотрела... “Бродягу”. Они здесь были — в институте у нас — индийцы-то. И сам этот бродяга, и все, кто с ним. Фильм “Бродяга” сделал Радж Капур, т. е. тот, кто играет бродягу. Он режиссер этой картины и сам в ней играет. Вот, чтобы ты поняла, на кого я учусь. Ну а дела мои идут замечательно. Только вот время не хватает».

Замечу, что слава «индийского Чарли Чаплина» Раджа Капура, равно как и его музыкальных фильмов («Бродяга», «Господин 420»), в Советском Союзе, где из «развлекаловки» была тогда лишь «Карнавальная ночь», зашкаливала. «От Сибири до Ташкента» население мурлыкало слова из непонятных русским, но веселых песен Капура. Это даже нашло отражение в городском фольклоре:

Все московские блатяги
 Помешались на «Бродяге».
 Даже бабушка моя
 И та поет: «Абара я».

А тут Радж Капур собственной персоной! Можно было и потерпеть тяготы учебы.

«Получалась сильная страсть»

М. Г. Кстати о тяготах, то есть о том, как именно учился Шукшин во ВГИКе профессиональному мастерству. Если коротко — успешно, но, скажем так, несколько своеобразно. О Шукшине-студенте немало написано в воспоминаниях ассистентки Михаила Ромма, кандидата искусствоведения, доцента ВГИКа Ирины Жигалко. Кроме нее со студентами работали ассистент по режиссуре Нина Станиславовна Сухоцкая, ассистент по актерскому мастерству Анатолий Умбертович Стабилини, ассистент по монтажу Евгений Николаевич Фосс. Знаменитые в мире тогдашнего кино люди! Не будем забывать, что Шукшину приходилось нагонять многих однокурсников и по «общегуманитарной подготовке» (впрочем, таким, не получившим в школе достаточных знаний, был не только он один).

Василий Макарович старался и преуспевал не только в профессиональных дисциплинах, но и в освоении мирового культурного наследия. Что характерно,

ему это нравилось. Он, например, писал в письме Ивану Попову*, что изобразительное искусство им преподают в Третьяковской галерее и это великолепно. В итоге по всем гуманитарным предметам он обучение завершил на отлично! Назовем и шукшинских педагогов-гуманитариев, которые смогли дать Василию Макаровичу хорошую базу. Курс зарубежной литературы читала Нина Александровна Аносова, об изобразительном искусстве Европы с древнейших времен и до современности рассказывал Илья Иоканонович Цирлин, о русском искусстве — Сергей Сергеевич Третьяков. Историю зарубежного кино преподавала Валентина Сергеевна Колодяжная, русского и советского — Сергей Васильевич Комаров.

Е. П. Достойные и опытные педагоги! Думаю, надо сказать особо об Ирине Александровне Жигалко (1912—1976), которая сыграла в профессиональной жизни многих будущих режиссеров, в том числе и Шукшина, огромную роль. Потому как мастер мастером, у него свои задачи и куча дел, например, на киностудии. А кто со студентами постоянно? Ассистент! К тому же Ирина Александровна была еще и очень незаурядным человеком! Вот несколько фактов из ее биографии. В 1936 году она поступила в Киноакадемию ГИКа, где ее учителем был, между прочим, сам Сергей Эйзенштейн. Работала на многих картинах. В годы войны получила медаль за сохранение киноотрасли, помогавшей, как говорили, ковать Победу. В 1948-м поступила в аспирантуру ВГИКа и в 1952 году защитила диссертацию на тему «Репетиция в кино», получив степень кандидата искусствоведения. После этого началась педагогическая деятельность Жигалко, продолжавшаяся без малого тридцать лет именно во ВГИКе, в мастерской Ромма. Огромное количество режиссеров воспитала она вместе с мастером!

Достойный человек! Умнейший, талантливейший педагог — так оценивали Ирину Александровну студенты разных поколений. Я, например, впервые это имя услышал от режиссера Вадима Абдрашитова, который начал свое обучение во ВГИКе с мастерской Михаила Ромма, а завершил после его смерти у Льва Кулиджанова. А ее записки вообще бесценны, без них о студенчестве Шукшина мы бы почти ничего не знали. Шукшина она очень любила, снабжала редкими книгами из своей библиотеки, и вообще, есть красноречивое свидетельство мемуаристики: «К Шукшину она относилась по-матерински». Надо ли говорить, как это было важно для Василия Макаровича с его культом материнства!

М. Г. Да, очень важные свидетельства были оставлены ей. Именно от Жигалко мы узнаём, что было первого сентября 1954 года, когда первокурсник Шукшин перешагнул порог элитнейшего из советских вузов. Была вступительная беседа мастера. Михаил Ильич Ромм вдохновенно импровизировал два часа о профессии кинорежиссера. Начал он с того, что рассказать об этой особенной профессии коротко и в то же время толково — невозможно. На то, чтобы осмыслить как следует режиссуру, уходят годы и годы. Порой для этого не хватает целой жизни...

А на другой день показывали себя сами первокурсники — читали рассказы, стихи и басни по своему выбору. Шукшин «исполнил» рассказ Максима Горького «Двадцать шесть и одна». «Прочитал хорошо, — отмечает Жигалко. — Но некоторые читали лучше». А уже четвертого сентября первокурсники

* Попов Иван Петрович (1926—2006) — троюродный брат В. Шукшина, художник.

должны были показывать «самостоятельно придуманные этюды на простейшие действия с воображаемыми предметами».

Собственно, этим будущие режиссеры занимались активно весь свой стартовый учебный год. Как вспоминает однокурсник Шукшина Александр Гордон (которому предстоит жениться на сестре еще одного шукшинского однокурсника — Андрея Тарковского): «Уже на первом курсе ВГИКа на уроках мастерства студенты придумывали сцены, писали тексты, разыгрывали их на площадке среди деревянных кубов, крашенных морилкой, и пыльных занавесей, помнивших еще С. М. Эйзенштейна. Мы, и это было очень азартно, были одновременно и сценаристами, и режиссерами. На первых порах фантазией не блистали, опирались на прожитое, на личный опыт». Например, Андрей Тарковский написал сцену по свежим впечатлениям о своей работе в геологической партии. Но такие — развернутые — микроспектакли будут потом.

А четвертого сентября первокурсник Шукшин показывал работу косца. Гордон вспоминает, как Шукшин вышел на площадку сцены, скинул с плеч какой-то предмет, но сделал это таким образом, что стало понятно — пиджак. Затем снял с другого плеча воображаемую косу. Вот он точит лезвие с помощью бруска и начинает потихоньку, со знанием дела, продвигаться вперед, размахивая ею. Сразу было видно — человек в курсе, как это делается по-настоящему. Затем, как бы притомившись, присаживается на перекур. Достает из кармана кисет с табаком, скручивает папиросу и закуривает. Все это делалось до такой степени натурально, что, казалось, все чувствуют запах скошенной травы в поле. Ему ничего не стоило приковать к себе внимание аудитории. Причем на него затаив дыхания смотрели не только студенты, но и опытные преподаватели.

Запомнился этот эпизод и Жигалко. Она пишет: «Позднее мы видели Шукшина в фильмах, срезающего настоящей косой настоящую траву. Но то, что мы видели задолго до того, в этом учебном “этюде с воображаемым предметом”, накрепко запало в память. И не только в мою...» Очевидно, имеется в виду эпизод фильма «Печки-лавочки».

А вот еще этюд на тему «действия в разных обстоятельствах с тем же предметом». Шукшин — с трубкой, заведенной им еще на флоте и используемой по своему прямому назначению нечасто (но как способ пофорсить или реквизит — пригождалась). Вот он «закуривает под дождем», вот — «тоскует», кусая трубку на скучном собрании, а вот «курит», сосет мундштук совершенно голодный, а так вот «положено» курить «в радиорубке»... Еще одно упражнение — «этиюд на перемену отношений»: Тарковский и Шукшин, бывшие якобы в ссоре, заключают «перемирие»... А вот задание «репортаж» — нужно «сочинить» и разыграть реалистическую сценку из жизни. Потом, по свидетельству вгиковцев новых поколений, этот этюд будут снимать на пленку. В 1954 году это «письменная» тема. В рабочем дневнике Жигалко читаем: «Шукшин — “Глаза”. Глубоко и метко, психологически точно написана сцена проводов новобранца в армию... Но все же хотелось бы более четкой организации материала... То, что действие не развивается, нельзя ставить в упрек студенту — задание нарисовать то, что видишь, картинку жизни, это задание выполнено. Метко написаны портреты...» Следующая запись в ее дневнике такова: «Тарковский — “Во вторую смену”. Легко пишет... Отличные наблюдения весеннего города: сосульки, воробы в луже, грузовик, из кузова которого капает вода».

Александр Гордон вспоминал о недюжинных шукшинских успехах: «Вот он играет сцену с Диной Мусатовой из “Поднятой целины” Шолохова. Сцена парная, ночная, любовная. Лушка ему сильно нравится. Только словами высказать это трудно. Давыдов — Вася закуривает самокрутку, глядит куда-то в сторону, искоса поглядывая на партнершу, держит долгую паузу. В самых драматических моментах сцены сдержанно-равнодушен. А получалась сильная страсть. Как магнитом притягивал он к себе зрительское внимание, не делая при этом никаких особых усилий. Затаив дыхание, сидели на прогонах или экзаменах опытные педагоги и студенты других курсов: на их глазах рождался новый талант. Таких талантливых от Бога людей называют самородками, а раз этот самородок так ярко проявил себя, то и повалили ему крупные народные роли из советского и классического репертуара — Давыдов из “Поднятой целины”, Григорий Мелехов из “Тихого Дона”, Фома Гордеев. Заполучить себе Шукшина в отрывок была мечта многих. Мне повезло — я работал с Васей над ролью Фомы Гордеева. Это была сцена с Софьей Медынской, женщиной старше Фомы, красивой, то ускользящей подобно змее, то доступной. Ее прелестно играла Ариадна Шпринк».

При этом лидером по показам на курсе Шукшин не был, у других получалось еще убедительнее. Однако и отчисление за «профнепригодность» ему явно не грозило.

Е. П. А опасность, повторю, мнимой не была. Напомню: несколько человек из режиссерской мастерской Ромма были с такой формулировкой отчислены уже на первом курсе. Шукшин весь первый год держался на хорошем уровне. Тому есть и документальное свидетельство. 15 июня 1955 года состоялось заседание кафедры по результатам первого учебного года, его протокол сохранился. Декан факультета К. А. Тавризян дает оценку работам студентов на площадке: «Понравился Шукшин... На курсе очень сильное ядро — Виноградов, Шукшин, Мусатова, Гордон, Дзюба». Причем Тарковский не попал в этот перечень. «Тарковский, безусловно, талантлив, но неровен» — такой была характеристика Тавризяна. Вроде бы это ничего не значит, в конце концов упомянутые вместе с Шукшиным ребята большого следа в кинематографе не оставили. А с другой стороны, слова декана усердие Василия Макаровича характеризуют вполне.

М. Г. Идем дальше вместе со студентом Шукшиным. Второй курс. Шукшин играет Старика в учебном спектакле по рассказу Александра Серафимовича «У обрыва». Вспоминает Жигалко: «Рассказ произвел на Шукшина сильное впечатление. Я лично знала Серафимовича (еще в студенческие годы подружилась с его семьей). Василий настойчиво допрашивал: каким Серафимович был в жизни, как слушал (слушать собеседника Серафимович умел превосходно), как говорил? Очень интересовала Шукшина драматическая история рассказа, написанного в разгар революции 1905—1907 годов; интересовали Шукшина и географические подробности (в частности, на какой большой реке происходят описываемые в рассказе события). Но самое главное, народный характер Старика и те средства, которыми этот характер создан, — это все было внутренне близко Шукшину. Было близко прозрение высокой поэзии образа через обыденность обстановки и поведения героя. И когда, после вопля отчаяния бежавшего из города от жандармов наборщика, зазвучал спокойный голос Старика, немногочисленные зрители “площадки” — я не преувеличиваю — буквально

замерли: “Глянь-ка, паря, вишь ты: ночь, покой, все спит, все отдыхает, — неторопливо говорил Старик-Шукшин... — Трава-то примялась, а утресь опять поднимется, опять в рост... наутресь опять каждый за свое — птица за свое, зверь за свое, человек за свое. Только солнушко проглянет, а тут готово, начинай сызнава... Так-то есть, паренек”...»

В общем, в актерских дисциплинах Шукшин сразу делал успехи. У него рано открылась способность держать, завораживать зрителя. А это, извините, в вузе не сформируешь. Это от Бога.

Внутреннее сопротивление

Е. П. Не удивлюсь, если актерский талант стал неожиданным открытием и для самого Василия Макаровича. Приятным ли? Да конечно приятным! «И это пригодится!» — небось, подумал он. Но что интересно: актерство как способ показа реальности он сразу стал осмыслять, рефлексировать по этому поводу, причем в художественной форме. Много про все это есть в его раннем рассказе «И разыгрались же кони в поле». Там Миньку, учащегося на артиста, посещает проездом на курорт отец, председатель колхоза Кондрат (считается, что в основу истории положен визит к Шукшину его дяди Александра Леонтьевича Шукшина).

Минька, выпив с отцом коньяка, излагает тому свое понимание актерского дела — со ссылкой на педагогов.

«— Вот ты, например, человек, — заговорил он, слегка пошатываясь. — И мне сказали, что тебя надо сыграть. Но ведь ты — это же не я, верно? Понимаешь?»

— Понимаю. — Кондрат шел ровно, не шатался. — Тут дурак поймет.

— Значит, я должен тебя изучить: характер твой, повадки, походку... Все выходки твои, как у нас говорят.

— А то ты не знаешь?»

— Я к примеру говорю.

— Ну-ка, попробуй мою походку, — заинтересовался Кондрат.

— Господи! — воскликнул Минька. — Это ж пустяк! — Он вышел вперед и пошел, как отец, — засунув руки в карманы брюк, чуть раскачиваясь, неторопливо, крепко чувствуя под ногой землю.

Кондрат огулительно захохотал.

— Похоже! — заорал он.

Прохожие оглянулись на них.

— Похоже ведь! — обратился к ним Кондрат, показывая на Миньку. — Меня показывает — как я хожу.

Миньке стало неудобно.

— Молодец, — серьезно похвалил Кондрат. — Учись — дело будет.

— Да это что!.. Это не главное. — Минька был счастлив. — Главное: донести твой характер, душу... А это, что я сейчас делал, — это обезьянничанье. За это нас долбают.

— Пошто долбают?»

— Потому что это не искусство. Искусство в том, чтобы... Вот я тебя играю, так?»

— Ну.

— И надо, чтобы в том человеке, который в конце концов получится, были и я и ты. Понял? Тогда я — художник...»

Наверняка этому научили Шукшина во ВГИКе.

М. Г. Перед нами «система Станиславского» в максимально кратком изложении. «Чтобы в том человеке, который в конце концов получится, были и я и ты». Хоть вешай в качестве девиза перед актерским классом! Система, как мы знаем, востребованная и в Голливуде.

Е. П. Однако тут есть кое-какая закавыка. Шукшин-то ведь не на актера учится. С «актерством» у него все в порядке, и это еще сказано недостаточно сильно. В высшей степени все хорошо у него с актерством! Скоро уже и настоящие роли пойдут в кино, и не маленькие. А вот именно что требуемые от студента режиссерские навыки даются ему не без труда. А то он вовсе и сам — тормозит, упирается. У той же Жигалко читаем: «Многое встречало его сопротивление, и это “многое” включало в себя... основные элементы профессии кинорежиссера. За свою педагогическую практику не припомню, пожалуй, такого последовательного внутреннего сопротивления студента (именно внутреннего!) специфическим для кино способам раскрытия мира: монтажу и соответственно монтажному видению (его Ромм всячески развивал у студентов), мизансцене». А ведь в лекциях, прочитанных студентам первого курса, в том числе и Шукшину (лекции Ромма он всегда слушал внимательно, можно сказать, жадно), Михаил Ильич определил мизансцену как «главное режиссерское оружие, первое, основное».

Лекции-то Шукшин слушал, а вот мизансценами и другими видами «режиссерского оружия» в студенческие годы пользовался неохотно. Как пишет Жигалко: «В несколько упрощенном виде взгляд его на съемку можно определить так: достаточно установить аппарат, актерам хорошо играть перед ним, а все остальное от лукавого. Ромм Шукшина выслушивал, Шукшин выслушивал Ромма, но каждый оставался при своем». Шукшин, как мы знаем, при всей склонности к внешним компромиссам, игре по правилам, был упрям в отстаивании своего, внутренне значимого для него, и это упрямство здесь обнаруживается наглядно. Он не просто чего-то не понимает. Он сопротивляется! И чему — монтажному принципу в кино! Базовому принципу!

М. Г. Это смотря для кого базовому. Мы помним, что наставником самой Жигалко был Эйзенштейн. С огромным пиететом относился к автору «Броненосца Потемкин» и Ромм. А для Эйзенштейна и его последователей монтаж и правда был важнейшим элементом киноповествования. Для них — но не для Шукшина. Его (особенно в те годы) скорее привлекали работы неореалистов, где повествование было не рвано-монтажным, но плавным, будто документальным, в ритме самой жизни...

Е. П. Тем не менее через сопротивление, может, и внутреннее, самому себе, Шукшин преуспел и в режиссерских студиях. Говоря об итогах следующего, второго курса, Ромм отметил: «Мастерская держится такими людьми, как Тарковский, Гордон, Китайский, Дзюба... Шукшин — одаренный человек. Пять очень сильных режиссеров дают надежду на хорошее будущее, если хорошо сложится их судьба». Тарковский и Шукшин вместе в пятерке лидеров!

М. Г. Притом что шукшинская курсовая работа доделана не была. «Сейчас отснял свою курсовую работу (звуковую). 150 м. По своему сценарию. Еще

не смонтировал. Впервые попробовал сам играть и режиссировать. Трудно, но возможно. Это на будущее», — писал он Ивану Попову. На окончание фильма не хватило денег, вгиковские бюджеты были крайне скудны. Увы, первый режиссерский опыт Шукшина могли оценить только педагоги, а не мы с вами. Эта работа не сохранилась. Даже название ее забыто.

Е. П. Однако Александр Гордон и Андрей Тарковский своих «Убийц» по Хемингуэю доделали и показали. Почему так вышло — бог весть. Вряд ли стоит видеть тут заговор против «человека из народа» (а некоторые видят). Всегда кому-то больше везет, кому-то меньше. «Убийц» и сейчас можно посмотреть. Ну, ничего особенного, просто студенческий фильм. Нашлась там роль и Шукшину. А тут подоспели и роли покрупнее, прежде всего, конечно, в фильме Хуциева «Два Федора», 1957 год... И — успех.

«Возможно, мы немного ошиблись, предоставив ему свободу действий»

М. Г. Следствие первого успеха было парадоксальным. Столь желанная некогда учеба во ВГИКе перестала для Василия Макаровича быть чем-то приоритетным. Можно сказать, что напряженно, по-настоящему он учился здесь только два первых курса. История, впрочем, известная...

Вскоре он напишет в одном из писем: «У меня сейчас трудные обстоятельства. Дело в том, что я снимаюсь в фильме, а занятия в институте уже начались. И из Одессы не отпускают, потому что съемки в разгаре, и с институтом — пахнет порохом. Могут предоставить годовой отпуск, а я этого не хочу. Роль, правда, хорошая, и фильм, наверно, будет хороший... С институтом — приложу все силы, но год не пропущу». Чтобы не терять год, Шукшин в апреле 1958 года просит во ВГИКе отпуск на восьмой семестр, обязуясь сдать весенние экзамены вместе с курсом. То есть снова, как в случае с аттестатом зрелости, сдает все экстерном. Какая тут регулярная учеба!

Е. П. Но что характерно, за вуз Шукшин держится, дипломную работу делает, хотя, как увидим, не без скрипа (но опять же, не все его однокурсники с дипломом справились). Понятно, что руководство ВГИКа, хоть и идет ему навстречу, ситуацией не очень доволен. На жестком «разборе полетов» после драки и попадания в милицию (о чем речь особая) ректор вуза Грошев прямо скажет: «Возможно, мы немного ошиблись, предоставив ему свободу действий, позволяя ему сниматься, выступать в роли актера, в то время как ему нужно совершенствовать свое режиссерское мастерство. Мы хотим, чтобы он стал настоящим режиссером, поэтому и советуем ему совершенствовать режиссерское мастерство, а не увлекаться актерским». Сказать-то сказал, но из вуза не выгнал. К тому времени (1959 год) Шукшин снимался вовсю, был нахват не в учебных павильонах, а на настоящих студиях. Может быть, вузовское начальство им уже втайне гордилось. Наш, вгиковский, молодой, а уже звезда!

М. Г. Кстати сказать, если на роль в «Двух Федорах» Шукшин попал, можно сказать, по воле случая (об этом речь впереди), то на саму картину он пришел как режиссер-практикант. И, если судить по характеристике, отправленной в вуз режиссером-постановщиком Марленом Хуциевым, с режиссер-

ской практикой справился хорошо. Более того, именно здесь набрался опыта, который здорово поможет ему в его первой (и не только первой) постановке.

Худиев писал: «В подготовительном периоде Шукшин занимался подбором актеров, принимал участие в работе над режиссерским сценарием и сметой, в разработке планировок, решений костюмов, гримов и выборе мест натуральных съемок. Проводил репетиции актерских проб, снимал отдельные пробы, а также кадры осенней природы. Кроме того, Шукшин имел отдельное, очень ответственное задание — отбор документальных материалов Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С этой целью он много и кропотливо проработал в кинофотофоноархиве СССР, в архивах музея Советской армии и Украинском республиканском архиве, отобрав интереснейший, ценнейший материал, который ежедневно оказывает огромнейшую помощь в работе над картиной. В съемочном периоде Шукшин проводит все предварительные репетиции сцен, в которых он не занят. Но если даже и занят, то в тех кадрах, где свободен, он находит возможность выполнять свои режиссерские обязанности. Шукшин считает картину своим личным делом, не ждет, когда ему будет дано задание, а находит работу себе сам. Он участвует в подготовке очередных объектов, в монтаже текущего материала. В обсуждении предстоящих съемок Шукшин всегда присутствует как активная единица. Он обладает настоящим творческим темпераментом, хорошей жизненной фантазией. У него всегда очень свой, шукшинский ход мыслей, большой запас наблюдений... Я рад знакомству и дружбе с интересным режиссером и человеком».

Е. П. А как же шла в эти годы жизнь Шукшина помимо ВГИКа? Была ли она вообще? Была, и еще какая. Он общался с родней. Болел. Лечился. Наконец, официально женился — и расстался с Марией Шумской уже навсегда. Законный брак в этом случае был не началом, а окончательным финалом семейной жизни. Так тоже бывает, но, прямо скажем, нечасто.

М. Г. После первого курса, то есть летом 1955 года, Михаил Ромм предложил своим студентам поработать у него на фильме «Убийство на улице Данте», где взошла звезда актера Михаила Козакова. Как ни странно, большинство учеников Ромма от этой чести уклонилось, поехали на съемки только двое. Шукшину тоже было не до улицы Данте. Ему надо было ехать в Сростки, разбираться со своими «отношениями». Тем более что тем летом выходила замуж его сестра Наталья. По сохранившимся свидетельствам, ожидалось, что свадьбу сыграют и Шукшин с Марией Шумской. Она его ждала — в довольно неопределенном статусе невесты. Он ей писал письма...

Е. П. Ну, у кого из уехавших на учебу в столицу не было оставлено «невесты» на малой родине! Увы, не считите за цинизм, но, как правило, такие невесты женами не становятся никогда...

М. Г. Шукшин тем не менее довел свои алтайские брачные дела до конца. Но не летом 1955 года, а год спустя. Свадьбу сестры он опишет через пятнадцать лет в статье «Монолог на лестнице». Думается мне, не без некоторых преувеличений и искажений, вызванных прежде всего идеологическими задачами того материала — напряженного, проблемного разговора о деревне и городе. Но тем не менее свидетельство ценное да и просто яркое: «Я выдавал замуж сестру (на правах старшего брата, за неимением отца. Это было далеко, в Сибири). По всем правилам (почти по всем) старинной русской свадьбы. Красиво

было, честное слово! Мы с женихом — коммунисты, невеста — комсомолка... Немножко с нашей стороны — этакая снисходительность (я лично эту снисходительность напускал на себя, ибо опасался, что вызовут потом на бюро и всыплют; а так у меня отговорка: “Да я ведь так — нарочно”). Ничего не нарочно, мне все чрезвычайно нравилось. Итак, с нашей стороны — это такое институтское, “из любопытства”, со стороны матерей наших, родни — полный серьез, увлеченность, азарт участников большого зрелища. Церкви и коней не было.

О церкви почти никто не жалел, что коней не было — малость жаль. Утверждаю: чувство прекрасного, торжественный смысл происходящего, неизбежная ответственная мысль о судьбе двух, которым жить вместе, — ничто не было утрачено, оттого что жених “выкупал” у меня приданое невесты за чарку вина, а когда “сундук с добром” (чемодан с бельем и конспектами) “не пролез” в двери, я потребовал еще чарку. Мы вместе с удовольствием тут же и выпили. Мы — роднились. Вспоминаю все это сейчас с хорошим чувством. И всегда русские люди помнили этот единственный праздник в своей жизни — свадьбу. Не зря, когда хотели сказать: “Я не враг тебе”, говорили: “Я ж у тебя на свадьбе гулял”».

Е. П. Увы, как мы писали в первой части, муж сестры Василия Макаровича через несколько лет умрет, и Шукшин будет очень много помогать и Наталье, и племянникам. Но свадьба была громкой, на все село. Надо думать, у Марии Шумской накопилось тогда к московскому жениху немало вопросов. Проблема в том, что эти вопросы задавал себе и сам жених. Известна фотография Шукшина, посланная им Марии Шумской из Москвы в 1954 году, на первом курсе, с надписью: «Что делать? Жениться или не жениться?» Шутка? Ничего себе шуточки. В общем, год спустя они все же сходили в ЗАГС, но безо всякой подобной грандиозной свадьбы, так хорошо описанной им... Сходили, ну и все тут же завершилось... Скандалом прямо на ступеньках ЗАГСа.

М. Г. «Первая жена была с родного Алтая. Ее Шукшин бросил. После этого к нему в Москву приезжал бывший тесть, сильно ругался. Это происходило при мне, в Васиной комнате в коммуналке. Отец девушки был маленького роста, поэтому я с интересом наблюдал, как он наскакивал на Васю с угрозами. Мол, сию минуту соберет партсобрание, если Шукшин не вернется к его дочери», — вспоминал однокурсник Шукшина Валентин Виноградов. Угрозы не помогли. О дальнейшей судьбе Марии Шумской мы уже писали. И о том, что ни она не забывала Василия Макаровича (прожив девять лет), ни он ее, судя по многочисленным свидетельствам и воспоминаниям.

«Всех их (обману)»

Е. П. Понятно, почему после лета 1956 года визиты Шукшина в Сростки стали крайне редкими. Скорее всего — неудобно было перед женой — не женой и ее родней. Надо полагать, и матери, Марии Сергеевне, было неудобно перед односельчанами, но тут уж что поделаешь, если все так повернулось? К тому же в конце 1956 года у Василия Макаровича обострилась язва, и Шукшин слег в больницу. Известно письмо Сергея Герасимова, направленное главврачу Боткинской больницы.

«Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Простите, что затрудняю Вас просьбой. Студент института кинематографии т. Шукшин тяжело заболел, и, видимо, потребуются хирургическое вмешательство. Шукшин — человек высоко одаренный, и весь коллектив института очень взволнован его болезнью и дальнейшей его судьбой.

Очень прошу Вас принять его в Вашу клинику для необходимых исследований и, если нужно, операции.

Еще раз простите меня, но очень рассчитываю на Вашу помощь.

С уважением С. А. Герасимов деп[утатский] бил[ет] № 577.

2.01.1957 г.».

Да... Любили Василия Макаровича во ВГИКе, что уж тут скрывать! Возлагали на сибиряка большие надежды, прощали многие его «закидоны», заботились, и еще как! Ну и не ошиблись, конечно.

М. Г. Совсем не обыденное это было дело — попасть в такое место, но в итоге в престижную клинику его все-таки взяли. Подлечили. Как писал Василий Макарович матери: «В институте через огромные связи (вплоть до ВЦСПС) я получил направление в Боткинскую б[ольни]цу, в кремлевское отделение. Там мне сказали, что нужно лечь к ним для исследования, но по предварительным обследованиям они сказали, что такой спешки с операцией нет. Таким образом, я сейчас сдаю экзамены, после них ложусь в Боткинскую, а затем еду на курорт». Очень деловой тон, заметим. Попал алтайский деревенский парень в кремлевское отделение — пишет про это как ни в чем не бывало. Поехал на курорт в Трускавец, где нынче сутки самого скромного пребывания стоят не меньше двухсот долларов, — раз поехал, потом еще раз. И все это — учась. Даже не на старших курсах. И, разумеется (не знаю, стоит ли говорить очевидное — но для молодежи, выросшей в условиях нашего «дикого капитализма», скажу), абсолютно бесплатно.

Е. П. Бесплатно — но по блату. А попасть в «блатные» вчерашнему жителю Сросток, сыну репрессированного — тоже достижение, пожалуй, куда более важное, чем успехи в учебных спектаклях. Кстати: именно в том же 1956 году он узнал о реабилитации своего отца. Есть много свидетельств того, какую бурю эмоций испытал тогда Василий Макарович. Он был просто потрясен до самых глубин души, как считали многие. Апофеозом такой точки зрения можно считать мнение Лидии Чащиной-Александровой*: «Василию трудно многое досталось. Я не имею права об этом говорить, но ведь он пережил трагедию — его отца расстреляли. И сын, когда в армии вступал в партию, отрекся от него... А потом пришла реабилитация. Вася, когда на него находил момент откровения, с горечью мне говорил: “Лидок, ты понимаешь, какой я грех совершил? Я так верил во все это, а теперь коммунистов ненавижу”. И я, желторотик, ни хрена не понимая, спрашивала: “Как же ты теперь жить будешь?” А он, играя желваками, отвечал: “А вот так. Врать буду!” И добавлял: “Я им не какой-то недоумок деревенский. Всех их обману!” Только вместо “обману” другое слово употреблял — матерное».

Все сказанное этой влюбленной и покинутой дамой следует, конечно же, делить как минимум на десять. Или вовсе понимать ровно наоборот. Не факт, что такой разговор между ними происходил вообще.

* Чащина-Александрова Лидия Александровна (род. в 1942 г.) — актриса, с 1964 по 1967 год была женой В. Шукшина.

Потому как очень я сомневаюсь, что он и раньше искренне считал отца виноватым и беззаветно верил в дело Ленина — Сталина. Роман «Любавины» тому порукой. Из него совершенно ясно, как относились сибирские мужики к советским властям. А Василий Макарович — отпрыск тех мужиков, да и сам до конца дней своих сибирским мужиком оставался. Гениальным сибирским мужиком.

М. Г. Александр Гордон описывает реакцию Шукшина так: «Когда в пятидесятые годы пришла бумажка о его посмертной реабилитации, он тяжело переживал трагедию своего отца. “Я стыдился отца всю жизнь, а оказалось, что он ни в чем не виноват. Как же мне жить теперь со своей виной перед ним?” — говорил Василий». «Стыдился» — здесь процесс не столько внутренний, сколько, так сказать, внешний. Шукшин старательно «прятал» факт о репрессированном отце в анкетах и автобиографиях. Просто потому, что закономерно опасался: это станет препятствием на его пути. Помешает осуществиться предназначению. Но если ты отказываешься от отца, признанного виновным, ты невольно становишься на сторону его обвинителей. Это полдела, если Макар Леонтьевич и вправду был бы виноват. А оказалось, что нет! Сама власть это признала. Ситуация непростая.

Е. П. Увы, но в такой же ситуации оказались миллионы современников и ровесников Василия Макаровича, и боюсь, что не все они эту свою личную трагедию преодолели.

Мать Василия Макаровича отреклась от мужа совершенно определенно. Да и как можно было думать о полной невинности Макара, когда властвующие судьи-правосудьи так решили? Она, напомним, даже поменяла фамилию детям. У ней было чем оправдаться перед собой и людьми: она сделала это ради блага сына и дочери. Но характерно, что сам Василий, войдя в возраст, не побоялся носить фамилию отца. И, в отличие от матери, не отрекся, но просто *умалчивал*. Таился. Скрывал. Скрывался... Конечно, переживал. Потому что был тонко чувствующим человеком и, не устану повторять, великим художником. Значит, свои чувства и эмоции, какими бы они ни были, обращал в произведения. Создавая книги и фильмы, Шукшин выговаривал в них для всех нас свою боль, свою вину, свою веру и надежду. И — хотите не хотите, но, на мой взгляд, тем самым полностью искупил свой грех, если он у него имелся. Вольный или невольный. Ну и последнее: не нам, людям другого поколения, живущим уже не в СССР, а в совсем другой стране, его судить. Самим бы в какое-либо такое же «непонятное» не влипнуть!

* * *

Подведем итоги сказанному. «Посмешищем на курсе числился, подыгрывал, прилаживался существовать. Несколько раз висел вопрос об отчислении, но особо — когда с негром в общежитии сцепился, заступился за девицу» — так вспоминал потом Шукшин о себе.

Хотя, как мы видим, он в описании своих студенческих бед не совсем объективен. Товарищи, разглядев, полюбили его. Начальство худо-бедно, но мирилось с его многочисленными «шалостями», отдавая должное его таланту и веря в его путеводную звезду.

Это, очевидно, общее правило. Успешные люди, особенно из мира искусства, почему-то любят акцентировать внимание публики на том, из какой нищеты и грязи они поднялись к сияющим вершинам известности и признания. Замечательная (без дураков!) писательница чуть ли не в каждом своем интервью приводит на старости лет леденящие подробности своего голодного детства среди ужасного звероподобного окружения, где человек человеку — волк, шакал, крыса и лиса. Однако мимоходом сообщает, что все-таки училась в московской балетной студии, жила в престижных районах, ухитрилась получить высшее образование, постоянную работу, с которой она сама же и ушла, потому что хотела состояться — свободно жить, писать, печататься в тоталитарной стране, каковой навсегда остался для нее Советский Союз, хотя именно там она сделала свою звездную карьеру.

Для Шукшина Сибирь, детство, деревня — это хотите не хотите, а некий потерянный рай, куда все мерзости вроде вил, воткнутых в живот коровы Райки, и совратившего Егора Прокудина Губошлепа приходят извне.

Но он быстро повзрослел и быстро понял, что при всем при этом, говоря словами поэта-эмигранта Георгия Иванова, «никто нам не поможет и не надо помогать». Что большевистский лозунг «Человек — кузнец своего счастья» на этот раз не врет, равно как и клерикальное «Бог помогает тому, кто сам себе помогает».

Что делать писателю, если не пишется? Уж по крайней мере не вымучивать слова, строчки и не «выдавливать по капле из себя раба», как велел всемерно уважаемый А. П. Чехов, а следует ему заняться чем-либо другим.

Или просто ничего не делать, а думать, глядя в потолок или звездное небо.

Или не думать, а спать, видя сны, которые на самом деле тоже важная часть нашей реальности, и не прав великий поэт, утверждавший: «Лучше вечно спать, спать, спать и не видеть снов».

Может, в этом и секрет, что Василий Макарович Шукшин, взрослея, понял, что нужно «переключаться». Актерство, режиссура, сочинительство. Этот триумвират занятий, не исключено, что и создал его грандиозную фигуру.

Через актерство он пришел в режиссуру, от режиссуры перешел к конгениальному сочинительству.

Использовать плохое для того, чтобы создавать хорошее. Не в этом ли суть подлинного искусства?

Литературная премия «Иду на грозу»

Владимир КАЗАНЦЕВ

БОГОЛЮБСКИЕ

Протоиерей

В 1836 г. Симеон Боголюбский возвращался в родные места. Он еще не привык к новой фамилии и новому назначению. Семен Ефремович Малков родился в 1814 г. в семье потомственных священнослужителей и был коренным забайкальцем. Его прадед Мартемьян Кузьмич Малков вместе с братом Иваном покинул город Сольвычегодск в первые годы царствования Петра Великого. Малков поселился в остроге Доронинском, где стал приказчиком купца Носырева. Мартемьян Кузьмич был человек грамотный: умел читать и писать, знал часослов и псалтырь. Малков женился на дочери купца, Анне, а когда Герасим Носырев построил в Доронине церковь, то он решил поставить своего зятя священником в новом храме. Они съездили в Иркутск, где по ходатайству купца епископ Иннокентий рукоположил Мартемьяна Кузьмича в сан священника Доронинской Богородицкой церкви. Отец Семена, Ефрем Семенович Малков, служил дьячком при храме в Куке. Он был разжалован из священников в дьячки, так как женился во второй раз и тем самым нарушил правила, установленные для священников-вдовцов.

В роду Малковых всегда радели о воспитании и образовании детей. Не был исключением и Ефрем Семенович. Своего подросткового сына он отправил учиться в Иркутскую губернскую мужскую гимназию, единственное среднее учебное заведение в Восточной Сибири. После окончания гимназии в 1834 г. Семен был зачислен в Иркутское духовное уездно-приходское училище. Через два года он окончил семинарию и, как один из лучших выпускников, получил назначение на высшее отделение Нерчинского духовного уездного училища преподавателем греческого языка, а впоследствии одновременно исполнял обязанности инспектора и смотрителя этого учебного заведения.

С начала XVIII и вплоть до середины XIX в. многим учащимся духовных учебных заведений присваивались другие, часто искусственно образованные фамилии. Фантазия духовных наставников была столь же неограниченна, как и

власть их над учениками. Именно в Иркутской семинарии Семен Малков стал Симоном Боголюбским — в честь князя Андрея Боголюбского, ярого защитника православия. Эта фамилия закрепилась за потомками протоиерея.

В тридцатые годы XIX в. подлинным культурно-просветительским центром Восточного Забайкалья становится Нерчинск, где сложился кружок образованной молодежи. В кружок входили учителя Нерчинского уездного училища И. И. Голубцев, В. В. Паршин, А. А. Мордвинов, молодой купец М. А. Зензинов, сын чиновника Н. И. Бобылев и другие. В ряды молодых образованных людей органично влился преподаватель духовного училища С. Е. Боголюбский вместе со своим коллегой К. К. Стуковым.

В реакционное, как пишут историки, правление Николая I образованные благонамеренные обыватели занимаются изучением родного края. По словам краеведа Е. Д. Петряева, эти люди «интересовались историей края, работали в местном архиве, записывали предания стариков, образцы устного творчества бурят, собирали разнообразные естественно-научные экспедиции»¹. Вначале С. Е. Боголюбский интересуется филологическими изысканиями, потом вместе с Зензиновым увлекается ботаникой, занимается земледелием, в котором практическая сметка хлебороба-практика опирается на научные знания. Он становится талантливым агрономом и одним из первых пчеловодов Забайкалья.

Со временем у молодого преподавателя происходят изменения в личной жизни. В августе 1838 г. Семен Ефремович женится на Татьяне Афанасьевне Белокопытовой. 11 февраля 1839 г. Боголюбский был посвящен в диаконы, а 12 февраля того же года — в сан священника Градо-Нерчинского Воскресенского собора. После одиннадцати лет жизни в Нерчинске о. Симеон был переведен в Нерчинско-Заводской Богоявленский собор. В 1847 г. его рукоположили в сан протоиерея и одновременно назначили благочинным Нерчинско-Заводского округа и Донинской Единоверческой церкви — практически территория среднего европейского государства. Дважды в год протоиерей объезжал подведомственные ему приходы, посещал каторги, занимался миссионерством, помогал строить церкви. Симеон Ефремович был рекомендован губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому как человек, хорошо знавший край, местную жизнь, обычаи. Он неоднократно встречался с Муравьевым-Амурским, поддерживал с ним переписку. Николай Николаевич оказал весомую поддержку при выходе сыновей протоиерея Иннокентия и Николая из духовного сословия и реальную помощь при поступлении Иннокентия в Институт Корпуса горных инженеров.

Губернатор готовил присоединение Амурского края, что будоражило сибирское общество открывавшимися в ближайшем будущем перспективами. С. Е. Боголюбский всемерно поддерживал Муравьева. Протоиерей вспоминал: «При первом известии о снаряжении экспедиции на Амур во всех сословиях Забайкалья пробудились былые воспоминания об отважных подвигах амурских удалцов-казаков, еще не умерших в памяти народной; воскресли блистательные надежды на возвращение богатого и плодоносного Амурского края и Албазина, на лучшую будущность, на развитие торговли и промышленности при открытии водяного сообщения с океаном. Амур — это путь прямой из света старого в новый; Амур — для России дело великое!»²

¹ Швецов С. Тени прошлого // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980, т. 5, с. 380.

² Барсуков И. Граф Муравьев-Амурский. М., 1891.

В 1851 г. протоирей вновь занялся преподаванием. На этот раз он вел занятия по Закону Божьему и латинскому языку в трехклассном окружном горном училище Нерчинского Завода. Он вел также сбор лингвистического материала, связанного с «забайкальским наречием», лично собирал образцы для минералогических коллекций и отсылал их в Петербург, самостоятельно изучал горное дело, хорошо разбирался в механике и гидравлике. За свои труды о. Симеон был избран членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1854 г. он предоставил редакционной комиссии доклад «Взгляд на Шахтаминские золотые промыслы», который получил высокую оценку специалистов, был напечатан и до сих пор находится в научном обороте. С. Е. Боголюбский помогал дальнейшему развитию образования в доверенном ему округе. При его активном участии в Нер-Заводе и Алек-Заводе были открыты женские училища, о чем он написал в иркутскую газету. Дал он подобающее образование и своим дочерям. Нужно отметить, что к концу XIX века 87 % учебных заведений в Забайкалье принадлежало церкви. Ее роль в налаживании народного образования неопределима.

В начале 50-х гг. протоирей начинает готовить своих сыновей к экзаменам в Горный институт. Часть предметов преподает сам, а так как знающих преподавателей в Нерчинском Заводе было мало, то он приглашает в качестве учителей для своих сыновей политических ссыльных. Симеон Ефремович, не жалея сил и явно рискуя навлечь на себя неудовольствие властей, тесно общался с «политическими», навещал их в рудниках и поселках, но он подчеркнуто отмежевывался от взглядов ссыльных, даже в письмах повторял, что «их убеждения нас не касаются». Среди учителей Иннокентия и Николая Боголюбских был даже М. В. Буташевич-Петрашевский³, недруг религии.

В 1855 г. — Иннокентий, а в 1859 г. — Николай поступают учиться на горных инженеров, и, хотя они находятся в Санкт-Петербурге, отец помогает им деньгами и советами. Он, например, советовал читать наряду с учебной литературой духовные книги. Из списка, составленного протоиереем для сыновей, лично я нашел всего два знакомых названия: «Псалтирь» и «Новый Завет». Своему сыну Кеше о. Симеон писал: «Подчас, иногда завидую твоей регулярной жизни и непрестанной умственной деятельности, без всяких житейских попечений, часто отравляющих жизнь». Много ли найдется сорокапятилетних современных отцов, чтобы вот так, исподволь, по-дружески подсказать своим детям, что порочно прожигать жизнь, стремясь к праздности и удовольствиям?

В 1855 г. семья Боголюбских понесла невосполнимую утрату. Неловко упав зимой, после продолжительной болезни скончалась жена о. Симеона, Татьяна Афанасьевна. Ее неудачно лечил ссыльный поляк Бопре. Протоирей стал вдовцом и в одиночку воспитывал шестерых детей. Он большое внимание оказывает обширному домашнему хозяйству: возделывает пашню, занимается огородничеством, пчеловодством, выращивает скот, ремонтирует жилой дом в Нер-Заводе. В письме сыну С. Е. Боголюбский пишет: «Весна стоит благодатная... Посеяно у нас: одна десятина польской пшеницы, пять десятин ярицы, одна десятина овса, 1/2 десятины ячменя, 1/2 десятины гречухи, итого восемь десятин. Картофеля посажено 18 грядок. Конопли 1/8 десятины...»

³ Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич — русский мыслитель и общественный деятель, организатор кружка «петрашевцев». Пропагандировал материалистические и демократические идеи, принципы утопического социализма.

В 1862 г. (1—14 октября) в Чите проходила выставка сельскохозяйственных продуктов и промышленных изделий Забайкальского казачьего войска. Экспертом был старый знакомый протоиерея, М. А. Зензинов. Отец Симеон был участником выставки, и его отметили похвальным отзывом «за множительные труды на пользу местного хозяйства». Это не устроило протоиерея: он считал, что его экспонаты заслуживают более высокой оценки. Справедливость этих притязаний подтвердилась в том же году. В столичных газетах появилось сообщение о том, что на выставке в Лондоне, проходившей 1—8 октября 1862 г., протоиерей из Забайкалья Семен Ефремович Боголюбский получил медаль «За семена хлебов превосходного качества». Не забывал о Симеоне и другие свои увлечения. В 1864 г. в «Русских ведомостях», № 97, была напечатана статья протоиерея «О пчеловодстве в Забайкальской области».

В 1874 г. Боголюбский скончался. Заслужив церковные и государственные награды, в том числе орден Святой Анны 3-й степени, он получил право на личное дворянство. Но дело не в наградах. Полтора года назад жил в Забайкалье священник, имел на руках не только собор, причт, приход, но и целое благочиние. Он занимался миссионерством, работал учителем, собирал коллекции минералов и семян для Академии наук, воспитывал в одиночку шестерых детей. Этот уникальный человек вел обширное хозяйство, совершал поездки в различные города и поселки Иркутской губернии и Забайкалья, печатался в областных и центральных изданиях, изыскивал возможности пополнить свою библиотеку и занимался множеством дел, не свойственных духовному лицу. Таких людей и раньше называли, и сейчас называют «соль земли русской».

Старший сын

Иннокентий Семенович Боголюбский родился 25 февраля 1841 г. и был вторым ребенком в семье протоиерея и первым сыном. Отец ласково звал его Кенюшкой. Он возлагал на него большие надежды и был уверен, что сын пойдет по его стопам. Архиепископ Иркутский Нил содействовал поступлению Кеша в Иркутское духовное училище. А потом по просьбе о. Симеона помог в увольнении сына из духовного звания, когда Иннокентий выразил желание учиться на горного инженера. Симеон Ефремович тяжело переживал поступок сына, в котором видел наследника своих дел, своего звания. До поступления в Корпус горных инженеров Иннокентию и его младшему брату Николаю преподавали на дому известные ссыльные, включая, как уже сказано выше, Буташевича-Петрашевского. Справедливости ради заметим, что по некоторым предметам с мальчиками вел занятия отец. Дети оказались способными и хорошо подготовились к экзаменам, которые состоялись в Нерчинском Заводе. Тринадцатилетним юнцом Кеша отправился на учебу в Санкт-Петербург. Путешествие в столицу из Нерчинского Завода заняло два с половиной месяца. Практически весь период учебы Иннокентий продолжал пользоваться покровительством архиепископа Нила, который стал архиепископом Ярославским, и генерала А. Д. Озерского, хорошо знавшего его отца по службе в Забайкалье, где Александр Дмитриевич в чине полковника в 1852—1853 гг. проводил ревизию горнозаводской промышленности. Кеша, отличаясь природными способностями, был натурой увлекающейся — порой в ущерб успеваемости по основным предметам. Кроме того, настроение либеральной части столичного общества оказало на него большее влияние, чем письма отца. Скорее всего, впрочем, Иннокентий

заразился духом либерализма, неуважения к властям еще раньше: от своих домашних учителей из числа ссыльных. В столице он явно грешил знакомством с «вольнодумцами», отходил от веры, следуя модным увлечениям петербургской молодежи, что не могло не сказаться на результатах учебы. Помимо всего перечисленного, как пишет В. Царев, потомок Боголюбских, «есть несколько косвенных замечаний в его письмах, которые дают право читателю предположить “сердечную драму”, “неразделенную любовь” или что-то в этом духе». Впоследствии Иннокентий так и не женился.

В 1861 г. И. С. Боголюбский окончил Петербургский институт Корпуса горных инженеров в звании подпоручика, что было определенным ударом по самолюбию: подавляющее большинство выпускников-одногодков вышло поручиками. После окончания института Иннокентий, как в будущем и его брат Николай, должен был отслужить десять лет на Нерчинских заводах и рудниках: таково было условие содержания в корпусе за казенный счет.

Иннокентий Семенович начинает постепенное продвижение по служебной лестнице. Ему мешало самолюбие, трудный характер, несговорчивость, критический склад ума. Вначале Боголюбский работал на Кадаинском руднике, потом стал приставом на Шахтаминских приисках, впоследствии был управляющим Лунжанкинским и Догинским золотыми промыслами, где в 1866 г. за отличие по службе его произвели в поручики. С 1868 г. новоиспеченный поручик работал на Карийских приисках помощником горного инженера. Вершиной карьеры Иннокентия стало его назначение горным инженером Бирюсинского горного округа. В свое время он также совершил путешествие в Амурскую область, был окружным ревизором Ачинского, Красноярского и Минусинского горных округов и даже преподавал французский язык в Иркутской гимназии.

Хотя И. С. Боголюбский не поднялся по службе так высоко, как его брат Николай, его научные работы имели определенный вес и не потеряли своей актуальности до сих пор. Еще со времени учебы в Корпусе он проявил тягу к изучению истории, к каковой подходил со свойственными ему критическим анализом и широкими обобщениями. Его работы, посвященные горному делу, золотодобыче, затрагивают и вопросы социально-экономического развития страны. Для понимания истории развития горнорудного дела в Забайкалье большим подспорьем являются такие работы Иннокентия Семеновича, как «Историко-статистический очерк производительности Нерчинского горного округа с 1703 по 1871 г.: с картой золотоносных россыпей и минеральных месторождений», СПб., 1872, и «Горнозаводская производительность Забайкальской области, с открытием в ней металлов до 1 января 1889 года», Чита, 1890.

В публикациях И. С. Боголюбского охвачена огромная территория Сибири и Дальнего Востока: Амурская область, Приморский край, о. Сахалин, Тува, южная линия русско-китайской границы. В 1877 г. Иннокентий Семенович обобщил проблему развития золотопромышленности в России в работе «Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации». В этом труде, сугубо специальном, И. С. Боголюбский высказывает и свое мнение о русской истории, которое претерпело изрядное изменение по сравнению с его взглядами петербургского периода. Он пишет, что «тысячелетний труд русского народа ушел на самозащиту и создание государственного единства... Поэтому забота о развитии и усовершенствовании народного труда правильной организацией путем законодательства и защитой от западноевропейцев — составляет для России в настоящее время жизненный вопрос... Развитие нашей горной промышлен-

ленности должно содействовать возвеличению Русской империи, облегчить бремя налогов, погасить внешние займы... Вот задача русского горного дела и золотопромышленности».

Иннокентий Семенович участвовал также и в разработке вариантов прокладки Транссиба. В 1888 г. он предоставил проект проведения железной дороги по южному пути для защиты границы Сибири. Часть его идей была востребована. Это, например, касается железнодорожного сообщения, которое связало Кузнецк-Сибирский (Новокузнецк) с Абаканом.

И. С. Боголюбский известен работой не только в области горного дела, но и в археологии и краеведении Восточной Сибири. Он регулярно проводил археологические изыскания, в частности, на Верхнем Енисее. Обнаруженные им в 1879 г. древние надписи на правобережных скалах реки Хемчик изучались различными экспедициями в течение последующих ста лет.

И. С. Боголюбский умер в 1897 г. Приказом по Горному ведомству № 10 от 16 августа горный инженер, статский советник Боголюбский исключен из списка с 14 июня 1897 г. В приказе не было отмечено, что умерший занимался не только горным делом, но и был организатором музея в Минусинске, активным членом Восточно-Сибирского и Забайкальского отделений Императорского Русского географического общества, а также Томского общества естествоиспытателей и врачей.

Николай Семенович Боголюбский

Николенька родился в 1846 г. в Нерчинске и в сравнении со старшим братом был явно добрее и отзывчивее, но упорнее в достижении своих целей. Вместе с Кешей он учится у политических ссыльных, так же в 1859 г. поступает в Корпус горных инженеров, где намного опережает брата по успеваемости. Впоследствии Николай поднялся по служебной лестнице на несколько ступеней выше Иннокентия. Во время учебы генерал А. Д. Озерский выступил практически в роли опекуна Коли. После отъезда старшего брата летом 1861 г. Николай остался в Санкт-Петербурге один, но он был дружен со многими своими соучениками, в том числе с А. П. Карпинским — будущим основателем русской геологической школы, академиком Петербургской академии наук (1896), первым выборным президентом Российской академии наук (1917), президентом АН СССР с 1925 г. Дружили Александр Петрович Карпинский и Боголюбский до смерти последнего.

В 1866 г. Николай по экзамену произведен в поручики и назначен на службу в Нерчинские заводы. Вначале он состоял помощником управляющего Урюмскими золотыми промыслами, а немного позже его назначили управляющим Кудейнским золотым прииском. Глубокое знание дела, высокая требовательность к себе, невероятная трудоспособность (фамильная черта Боголюбских) — все это обратило на деятельность молодого офицера внимание окружного начальства, и его отправили в командировку в Санкт-Петербург. В 1872 г. Николай вернулся из командировки, был назначен обер-бергмейстером⁴ с жалованием в 60 рублей серебром в месяц — по тем временам деньги приличные — и вступил в заведование сереброплавильным производством в Нерчинском горном округе. На этом месте проявились отличные познания нового начальника в химии.

⁴ *Обер-бергмейстер* (нем. *Oberbergmeister*) — горный чин VII класса.

В 1876 г., после смерти отца, Н. С. Боголюбский оставил службу в Нерчинских заводах, и Главное Горное управление командировало его на Березовские золотые прииски на Урале; а в 1881 г. его назначили окружным ревизором золотых промыслов в Пермской губернии. В 1883 г. в жизни Николая Семеновича происходят большие изменения. Девятого января коллежский советник Н. С. Боголюбский сочетался в Казани законным браком с девицей Екатериной Викентьевной Миштовт, уроженкой Иркутска, выпускницей Бестужевских курсов. Миштовт приходилась внучкой Михаилу Карловичу Кюхельбекеру⁵. Они прожили в браке тридцать пять лет, имели четырех детей, судьба которых, особенно дочерей, в годы советской власти сложилась трагически.

В 1890 г. Николай Боголюбский из окружных инженеров Оренбургского округа (Миасский завод) переводится на должность управляющего Томской золотоплавильной лабораторией, которую сам и создал практически на пустом месте, то есть провел строительные работы, оборудовал всеми необходимыми приборами. В 1891 г. лаборатория приступила к работе.

Если сравнить деятельность Николая Семеновича с деятельностью современных начальников, которые часто занимаются болтологией, боятся взять ответственность на себя, а то и занимаются личным обогащением, — сравнение будет не в пользу «профессионалов» сегодняшнего дня. Надо отметить чрезвычайную скромность Н. С. Боголюбского. Обладая редкими качествами ученого и руководителя, имея доступ к обширной научно-технической, исследовательской и производственной информации, он лично исследовал все золотоносные районы вверенных ему регионов. Николай Семенович часто оставался безымянным составителем регулярных объемных отчетов, отправляемых в столицу как результат коллективного труда всего Горного управления. Публикаций, сделанных Н. С. Боголюбским на основании этих отчетов, сохранилось немного, но его практическая деятельность по развитию золотодобывающей промышленности неопределима. Он постоянно участвовал в работе Томского общества естествоиспытателей и врачей, Императорского Русского технического общества, Общества сибирских инженеров, был попечителем и участником многих благотворительных обществ и комитетов, в том числе комитета, который собирал деньги на открытие в Томске Высших женских курсов.

В 1916 г., продолжая работать в Томском горном управлении, Николай Семенович отметил пятидесятилетие своей трудовой деятельности. За время службы он добился многого и был награжден по заслугам. Н. С. Боголюбский — тайный советник, кавалер ордена Святого Станислава трех степеней, ордена Святой Анны трех степеней, ордена Святого Владимира II и III степеней, ордена Белого орла. Совсем неплохо для сына протоиерея из Забайкалья, получившего путевку в жизнь от ссыльных петрашевцев. Скончался Николай Семенович Боголюбский в Томске в 1918 г.

Александра Семеновна Боголюбская

Из четырех дочерей протоиерея более всех известна Александра. Она была последним ребенком в семье о. Симеона, родилась 9 марта 1854 г. Ее мать умерла, когда Саше исполнилось один год и четыре месяца. Дочь воспитывал отец и был ею вполне доволен. Старшему сыну он писал: «Саша говорит

⁵ Михаил Карлович Кюхельбекер (1798—1859) — декабрист, младший брат поэта Вильгельма Кюхельбекера.

довольно редко, растет скромная девушка». Александру, как и других детей протоирея, учили домашние учителя; знания она получила прекрасные и поступила учиться в Санкт-Петербурге на врача. Она была одной из первых русских женщин-врачей. В петербургский период жизни Александра входила в сибирское землячество и находилась в дружеских отношениях с семьей Н. М. Ядринцева — видимо, разделяя его взгляды, воззрения Потанина и других сибирских областников. Как и многие ее земляки, она не пропускала ни одного его выступления, мечтала вернуться на родину и «служить Сибири». Ядринцев оказывал покровительство девушке в получении направления на работу, чего, собственно, не нужно было делать: квалифицированных специалистов в Сибири не хватало. Дальнейшие события показали, что мотивы Николая Михайловича были далеко не бескорыстны. После смерти жены в 1888 г. он делает предложение Саше, называя ее «последнею любовью», но получает отказ. Возможно, А. С. Боголюбскую пугали личные качества Ядринцева: экстравагантность, капризы, самолюбование и пагубное увлечение опиумом — следствие экспедиций на Восток. Кроме того, Александра знала, что Николай Михайлович, по крайней мере на людях, боготворил свою супругу и детей. Отказ был принят резко отрицательно. Дело дошло до того, что ряд единомышленников Ядринцева из числа сибирских областников пришли делегацией к Николаю Семеновичу с просьбой воздействовать на сестру. Н. С. Боголюбский выслушал делегатов и вежливо указал им, что Саша достаточно взрослая, чтобы решать вопросы личной жизни самостоятельно. В 1894 г. Александра Семеновна работала в Барнауле, куда по собственной инициативе получил назначение и Н. М. Ядринцев. Он опять начинает досаждать ей домогательствами, подчас очень театральными, что порождало массу сплетен. Во время последнего объяснения горе-жених пытался демонстративно застрелиться, но хрупкая докторша отобрала у него револьвер. Потом Николай Михайлович пошел к себе в номер, где принял опиум. О том, что он не хотел умирать, а пытался лишь произвести впечатление, пишет в своем письме П. Г. Сущинский: «Он ушел в другую комнату, затем возвратился назад и объявил, что часы его жизни сочтены, так как им принята большая доза опиума»⁶. Присутствующие приняли надлежащие меры, но откатать Ядринцева не удалось, и его бурная, противоречивая, но творчески богатая жизнь оборвалась. Сплетни о роли А. С. Боголюбской в жизни и смерти Н. М. Ядринцева, о том, что она якобы довела его до самоубийства, дожили до наших дней. В журнале «Сибирские огни» (2004, № 5) опубликована повесть И. Кудинова «Последняя любовь Николая Ядринцева», где автор, имея право на художественный вымысел, приносит правду в жертву водевилю.

В 1900-х гг. Александра Семеновна переезжает в столицу, работает практикующим врачом. Во время лихолетья 1917 г. следы А. С. Боголюбской теряются. Ничего не известно о времени и обстоятельствах ее смерти. В одном можно быть уверенным полностью: она до конца своих дней оставалась честным, волевым, принципиальным человеком, глубоко верующей, милосердной к тем, кто прибегал к ее врачебной помощи, и твердой в убеждениях.

Автор выражает искреннюю благодарность Александру Юрьевичу Литвинцеву, директору Нерчинского краеведческого музея, за предоставленные материалы.

⁶ Царев В. М. (потомок Боголюбских). Записи. Нерчинск. Нерчинский краеведческий музей.

Татьяна БУРДАКОВА

«СИЯЮЩЕЕ УДИВЛЕНИЕ...»

О последней книге Василия Казанцева «Взлет»

В мае 2021 года в издательстве «Российский писатель» вышла последняя, двадцать шестая по счету книга Василия Казанцева — «Взлет». Поэт сам составил ее, но в типографском облике не увидел: ушел из жизни незадолго до того, в феврале.

Издание планировалось раньше — книга была готова уже в конце 2019 года — но из-за пандемии рухнули планы издательства, собиравшегося помочь, и все сложилось тогда, когда сложилось, с новым спонсором и в другом месте, во многом стараниями другого поэта — Геннадия Викторовича Иванова. Сам Казанцев был уверен, что книга увидит свет после его смерти; с того момента, как все было подготовлено для «Взлета», он считал свой поэтический путь завершенным.

* * *

Кто хорошо знаком со стихами Казанцева, знает, что это самобытный поэт, действующий в русле классической традиции. Его произведениям свойственна стройность формы, изящная краткость, умная простота. Емкость идеи и скрытая сила чувства, внезапно открывающаяся глубина. Ни в одном стихе не найти проходного или приблизительного образа, нет потока сознания, обтекаемых, невнятных смыслов, подтянутых для общего строя слов. Все выверено по внутреннему камертону мысли и художественного вкуса, осознаваемого точно по Пушкину: чувство сообразности и соразмерности.

В чем принципиальное отличие книги «Взлет» от предыдущих двадцати пяти, кроме того, что она — последняя? Прежде всего, в том, что замыслена она как *итог творческого пути*, неотделимого у поэта от его жизни, и, как следствие, стала *самой продуманной* в плане содержания и композиции его книгой, самим по себе *цельным произведением*. Вошло ли в нее все лучшее, написанное Казанцевым за жизнь? Определенно нет: объем книги просто не мог вместить все лучшее, и поэт это понимал, хотя нелегко было ему не включить в нее отдельные стихи. И, наконец, все ли, вошедшее в книгу, — лучшее из написанного им? Сам Казанцев, скорее всего, так и считал. Однако мнения читателей, в том числе критиков, могут разойтись. Возможно, кому-то покажется, что за пределами книги остались стихи посильнее, чем те или другие, и в первую очередь

сравнение может затронуть наиболее простые внешне произведения или же те, смысл которых был ошибочно воспринят как «слишком простой».

Эти «очень простые» стихотворения — отдельная тема для разговора о Казанцеве, который всю жизнь совершенствовал свой стих в направлении *предельно допустимой простоты выражения художественной идеи*, где у него доминирует то чувственное, то мыслительное начало. В первом случае рождаются образцы тончайшей словесной огранки, с невероятно суггестивной, искрящейся звукописью, как, например, стихотворение 2008 года:

**О здравствуй, здравствуй, лес звенящий,
О здравствуй, здравствуй, лес гудящий,
О здравствуй, здравствуй, лес свистящий,
О здравствуй, здравствуй, лес пищащий,**

**Рокочущий и шелестящий,
Лепечущий и говорящий,
Щебечущий и свиристящий.
Лес плещущийся, лес блестящий!**

Одновременно и во взаимном наложении в нем задействованы аллитерация и ассонанс, анафора и эпифора и уникальный, найденный Казанцевым под свою задачу прием: все эпитеты, из которых и состоит стихотворение, не считая четырехжды повторенной формулы приветствия, — действительные причастия настоящего времени. Акцент на их довольно тяжеловесную часть (-ущий, -ащий, -ящий) при столь высокой звуковой плотности стиха здесь странным образом не отягощает восприятие, а награждает его неожиданным эффектом присутствия, выполняя самостоятельную функцию *звукоподражания*. Учитывая, что почти все причастия образованы от слов, *уже содержащих в себе звукоподражательные элементы* («лепетать», «рокотать», «щебетать», «свистеть» и др.), эффект усиливается многократно. Это случай, когда образ не просто усилен, а *создан звуками*. Прочтите это стихотворение в тишине, не очень громко или про себя, в заданном ритме, и вы ощутите его непременно. С первой строфой вы будто входите в лес, здороваясь и широко его оглядывая, прислушиваясь и различая звуки, а на второй останавливаетесь и замолкаете — на вас вдруг обрушивается все солнечное торжество лесной жизни, все бесчисленные, стремительные и размеренные, перекрестные звуки лесных голосов и движений и, будто с ними звучащая, игра света и тени. И все это разом уносит последнюю мысль, оставляя лишь чувство ликования, превращая вас в слух и зрение. Если мы вправе говорить о волшебстве поэзии — это оно и есть. Стихотворение — образец звукописи высочайшего уровня. Из самых простых и тысячи раз употребленных в литературе слов для описания леса, его обитателей сотворено нечто совершенно новое. Разве что определение «плещущийся» применительно к лесу, деревьям — это особое казанцевское. В финальной строке таким сочетанием поэт слегка меняет ритмический рисунок строфы, делая его волнообразным — «плещущимся».

Показательны и два других, еще более простых на вид, восьмистрочных стихотворения: «Лебедь», написанное в 1980 году, и «Сияющее увяданье...» 2014-го. Они поставлены поэтом в один раздел книги, причем в относительной близости друг от друга, хотя в обоих одно «ведущее», многократно повторяемое слово — «сияющий». «Лебедь» — минута восхищенного созерцания:

Сияющее удивленье —
По тонкому сиянью вод
Сияющее сновиденье,
Сияюще светясь, плывет.

Сияющее восхищенье —
Под блестящею гладью вод
Сияющее отраженье,
Сияюще светясь, плывет.

Чувственный, зримый образ птицы, неторопливо скользящей по водоему, освещенному солнцем. Так же отчетлива звукопись, как в предыдущем примере, хотя здесь она в первую очередь призвана озарить «картинку», сфокусировать наше зрение, а не слух. Ярко «светящиеся» согласные звуки [с] и [ш'], с переливами гласных, заключены в словах «сияющий», «блещущий», а также в слове «восхищение» — обозначении «сияющего» чувства. Но индивидуальный прием иной: упор на одно-единственное слово, через которое и вокруг которого развивается образ.

И другое стихотворение:

Сияющее увяданье,
А ты почему так пышно?
В блестящем твоём улетанье
Дыханье восторга слышно.

Сияющее твоё полыханье,
Сияющее твоё свеченье —
Сияющее твоё обещанье
Сияющего твоего возвращенья?

Посредством того же слова, обращенного прежде всего к чувству, поэт приглашает здесь не столько к созерцанию, сколько к размышлению, к созерцанию внутреннему... В стихах Казанцева много переключек с другими поэтами, иногда они очевидны, порой зашифрованы, и обычно это не просто отсыл как знак созвучия, а свой особый портрет («Бунин в Париже», «Тютчев»), полемика или развитие идеи другого поэта. Здесь, как во всем остальном, Казанцев действовал очень тонко. Употребив в смысловом единстве всего два слова — «увяданье» и «пышно», неизбежно отсылающие к пушкинскому «Люблю я пышное природы увяданье», Казанцев обозначает любимую многими тему, от которой, однако, лишь отталкивается, и выводит ее в совершенно другой план. Минуя слово «природа» и не вводя ни одного растительного образа, тем не менее сквозь *природный сияющий* пейзаж он нацеливает наш взгляд на увяданье человеческое — возможно, впервые в истории мировой литературы без тени грусти и сожаления, без намека на эту тень.

Лексическое богатство поэзии Казанцева не подлежит сомнению, его классические произведения разных лет также вошли в книгу «Взлет», тем большего внимания заслуживают в ней такие стихи. И сказать, что «лексическая бедность» — свойство его позднейшей лирики, не получается, ведь даже два этих стихотворения разделяют почти тридцать пять лет! Эту сущностную особенность в развитии поэзии Казанцева очень точно выразил поэт В. М. Петров в

статье «Поэт светлой стороны»¹, опубликованной в журнале «Молоко» в 2015 году: «Возникает ощущение сознательного, установочного обеднения словаря и метафорической густоты, чтобы оставшейся горсткой слов можно было выразить нечто невыразимое». Такая установка «высвобождает энергию... избранных слов».

Простота, к которой стремился Казанцев, не имеет ничего общего с той, которая и с человеческой, и с поэтической точки зрения «хуже воровства». Казанцевская простота предполагает ясность *выражения* идеи, отсутствие туманностей и вычурностей, а в человеческом проявлении — еще и скромность в притязаниях, отказ от гордыни и тщеславия. Казанцев отрицал простоту в смысле примитивности и наивности мышления, банальности, тем более глупости или грубости. Художественный смысл, движение мысли и проникающее чувство у него всегда не так просты, в отличие от «немудреных слов и тем», не соблазняют доступностью.

Одно из значений слова «простой» в русском языке — «недостаточно отделанный»². В. Даль приводит еще некоторые: «порожний, пустой, ничем не занятый» или даже «без особых достоинств»³. Эти значения тоже присутствуют в нашей жизни, и порой именно они ведут не туда «поэтических простаков», громыхающих словами и смыслами.

О своем понимании простоты Казанцев определенно и с улыбкой высказался в 2010 году:

**Все это просто, очень просто,
Все это очень, очень просто,
А то, что очень, очень просто,
Создать совсем, совсем не просто,**

**А если было б очень просто
Создать все то, что очень просто,
О как все просто было б, просто.
...Вот в этом-то и весь вопрос-то.**

* * *

В жизненном общении Казанцев, как в стихах, был прост и доброжелателен, но всегда держал дистанцию; дистанция заложена и между любым его стихотворением и читателем. Этот промежуток создан не холодом или высокомерием, в нем нет вакуума и гулкой пустоты, там — воздух и необходимая свобода, оставленная им читателю и себе. Соприкосновение с его поэзией исключает панибратство, она автоматически ставит заслон как от лишнего умствования, так и от примитивных трактовок, все надуманное не пристанет, будет отброшено. Менее всего к поэзии Казанцева применимо и понятие «задушевность»: «Своей души тенелюбивой / Не выставлял я напоказ». Это поэзия сильного чувства (или, по словам самого поэта, «лирического напряжения мысли»⁴), уходящего в глубину.

¹ <http://moloko.ruspole.info/node/6178>

² Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2004, с. 72.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1998, т. 3, с. 512.

⁴ Из интервью с В. И. Казанцевым, помещенного на обороте сборника «Счастливые дни» (М., 2004).

Замысел итоговой книги Василия Казанцева выше и значительнее, нежели отбор лучшего. Она не просто итог жизненно-творческого пути, измеренный в поэтических вершинах, она не что иное, как биография духа — поэтическая проекция его восхождения. Все основное, чего коснулись душа и ум поэта в течение жизни, главные состояния души и открытия мысли в их художественном претворении составляют ее идейную основу.

Книга включает десять разделов, названия которых отсылают к стихотворениям разных лет: «Раскрывая книгу», «По тайге блуждает Чая», «История — как время. Обратно не идет», «Весть», «Счастья зов», «Облик», «Вечный ковчег», «А что милее красоты?», «Память, радость любви», «Ну, улыбайтесь же смелее». Хронологически произведения охватывают период с 1953 по 2018 год, шестьдесят пять лет поэтического века. Всего их около трехсот, как новые, так и не раз публиковавшиеся в журналах и книгах — многие в новой авторской редакции.

«Взлет» — своего рода лирико-философский роман, с ретроспекциями и переключкой тем и времен, где жизнь героя проходит на фоне эпохи, не втягиваясь в нее. Хоть время в нем не линейно, каждое стихотворение строго на своем месте. Несмотря на то что высвечивание особенностей века никогда не являлось главной творческой задачей поэта Казанцева, сам век вполне узнаваем («От далекой дороги усталый», «Это мы отразились в недвижных озерах...», «Окопы старые оплыли», «Не виноват, не виноват...», «Бунин в Париже», «Метро» и др.). По этим произведениям видно, чем в первую очередь было для него то время и как он взаимодействовал с ним. Иногда век опосредованно предстает в неожиданных собирательных портретах («Фронтовичка», «Одинокий солдат», «Не жнет, не пашет и не сеет...») или тонко просвечивает в таких стихах, как «С поля медленно шла, вечерело...»

В отношениях со своим временем и в выражении его Казанцев, действительно, очень «тих», и в этом ему как нельзя лучше подходит определение «тихая лирика», но, как всякий большой поэт, он перешагивает ограничивающую формулировку (в «тихости» Казанцева сомневался и критик Вадим Кожинов). Итоговая книга поэта — это в первую очередь лирика философская. Размышления о человеке и его пути, без привязки к конкретной эпохе, но в неразрывной связи с родной землей и природой, узнавание себя в их зеркале: «Открытие, открытие, открытие / Земли, и неба, и себя, и себя». Предельное обобщение черт, положений, поступков, пейзажей и — конкретика переживания и мысли. Сосредоточение на главном. Потому почти все вошедшие в книгу стихи свободны от имен собственных или освобождены от них в процессе переработки. Так, из стихотворения «Лошадь», написанного еще в 1967 году, поэт убрал первую строфу, где животное называлось по имени: «Эта лошадь — по имени Домна...» Стало яснее, что это песнь вообще о крестьянской лошади.

Те же имена, что присутствуют, безусловно, знаковы, они — символы, как река Чая — символ малой родины поэта, напитавшей его начала.

Надо сказать, в этом смысле — в смысле свободы от названий, типизации — ближе всего к итоговой стоят две последние книги поэта: «Избранные стихотворения» и «Восторг бытия», изданные в Томске соответственно в 2011 и 2017 годах. Композиционно, идейно их можно считать предшественниками «Взлета».

Нет в книге «Взлет» и стихов с посвящением, а одно стихотворение со временем утратило даже название-посвящение. Когда-то оно было адресовано Иннокентию Анненскому:

**Принимаю как должное
От стремительных лет
Невнимание долгое,
Запоздалый привет.**

**И — внимание долгое,
Неминуемый привет.
Принимаю — как должное.
Страха времени — нет⁵.**

Названия больше нет, потому что давно уже и сам Казанцев понял, что стихи эти он напроорочил себе, а кроме того — разве ни к кому больше не могут они относиться? Что же до Анненского, он был и остался одним из самых дорогих сердцу Казанцева поэтов, и в книге «Взлет» мы находим еще одно скрытое послание ему, летящее сквозь целый век, из 2015 года:

**И льются с неба, льются волны света,
Всё льются с неба, льются волны света —
Сияющее Солнце греет всех.
Всех греет Солнце. Всех. Всех. Всех.**

**Не потому, что судит так нестрого,
Не потому, что света своего
Ничуть не ценит, — потому что много,
Так много, много света у него.**

Несомненно, это отклик на хрестоматийное стихотворение Анненского «Среди миров». Казанцев обычно не вторит, а полемизирует с любимыми классиками, но в его полемике столько мягкости, восхищения, столько мудрости и благодарности — за их уроки, за неразрывную поэтическую связь, за то, что всегда есть, от чего оттолкнуться ищущей мысли. Это «спор» не ради утверждения своей находки, он ради *восполнения* цельной картины мира, без которой невозможна истина, — оттого так легко предлагает поэт иное видение. Стихотворение Казанцева написано тем же размером, что и у Анненского, так же состоит из двух строф, в нем использован узнаваемый отрицательный параллелизм «не потому... (а) потому...», и оба поэта говорят о *звезде*. Только если Анненский, в надежде разрешить «тяжелое сомненье», обращает свой взор к некоей Звезде, «мерцающей» во тьме Вселенной, «Не потому, что от Нее светло, / А потому, что с Ней не надо света», то Казанцев переводит взгляд на Солнце — главную для человека звезду, у которой тепла и света хватит на всех. Символизм Анненского остается загадкой, символизм Казанцева прозрачен, как льющиеся с неба «волны света».

Такой же отклик — восьмистишие «Нет, не скрывайся, не таи...», расположенное следом за стихотворением «Тютчев» и прямо отсылающее к классику.

⁵ Казанцев В. И. Дочь. М., 1969, с. 51. В книге «Взлет» это стихотворение приведено в новой авторской редакции.

Тютчев — еще одно имя-знак в книге «Взлет». Это философская поэтическая традиция, линия, которой наследует Казанцев в литературе. На Тютчева, в свою очередь, сильнейшее влияние оказал Гете. Казанцев в своей книге отдает дань и великому немецкому поэту. В стихотворении «Прощай, ученый кабинет...» он ставит вопрос о счастье — от имени Фауста признает, что счастья нет. А рядом помещает стихи, где цитирует уже русского гения: «Поэт сказал: на свете счастья нет». Им обоим — Гете и Пушкину — он ответит в этой же книге, противоположит им свое слово.

Казанцев наследует своим предшественникам в методе и главной теме, основной мировоззренческой установке, выраженной Тютчевым:

**Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...**

А дальше он ведет эту тему своей дорогой и раскрывает ее по-своему. Как верно заметил о Казанцеве доктор филологических наук, профессор Томского университета А. П. Казаркин, «в старой терминологии, это натурфилософская лирика», но «без наукообразности», это «философская лирика», но «без назойливой метафизики»⁶.

В отношении природы поэт — всегда созерцатель, не деятель в исходном смысле, не преобразователь. Казанцев в высшей степени талантливый созерцатель, он замечает малейшие изменения в природе, как в движениях своей — человеческой — души, которые часто являются ему отраженными в природе. Неустанно вслушивается, вглядывается, проникает чувством, переживает мгновение за мгновением — и при этом не хочет останавливать даже самое прекрасное из них, потому что душа всегда будет ждать еще более прекрасного.

Соотнесение природных ритмов и проявлений с человеческой жизнью — общее место в мировой поэзии, ее исходный код, и каждый поэт питается из природного источника. Даже когда перед читателем просто пейзаж, без какого-либо намека на человека, ему свойственно сравнивать, сопоставлять. Лирический герой Казанцева всматривается в лица природы, ищет схожести, исповедуется ей, а она его выслушивает и тоже доверяет свои тайны, она его лучший друг и собеседник.

«Взлет» начинается разделом «Раскрывая книгу». Буквальный, казалось бы, смысл его названия переключается со стихотворением 2006 года из того же раздела:

**Я жду счастливейшего мига,
Минуты радостнейшей той,
Когда счастливейшая книга
Раскроется передо мной...**

Что же это за книга? «Взлет»? Любая другая из тех, что он любил? Казанцев был начитан, эрудирован, истинно образован. С отличием окончил историко-филологический факультет Томского университета, где получил фундамен-

⁶ Из речи А. П. Казаркина, написанной специально к презентации книги В. И. Казанцева «Взлет» и зачитанной на презентации в Союзе писателей России 15 февраля 2022 г.

тальное гуманитарное образование. Он ценил свои знания и опирался на них. Много читал, без книг не жил. Но он никогда не был целиком в книгах, не был «книжным» человеком. Подразумевать здесь только книгу в привычном понимании было бы слишком просто для такого поэта и слишком просто для «Взлета». Поэтому, углубившись чуть дальше в чащу страниц, мы находим ответ на этот вопрос в 2009 году:

**По лесу с восторгом шагает
Веселый лесной человек,
И книгу природы читает
Веселый лесной человек.**

**Он книгу с восторгом читает,
Идя в озаренную тьму, —
И книга восторгом сияет,
Горячим восторгом сияет,
Безмерным восторгом сияет,
С восторгом раскрывшись ему.**

Последняя книга Василия Казанцева чрезвычайно интересна — и как поэтическое целое, и в контексте всего его творчества. В ней запрячено много загадок, хотя читается она легко. Легко воспринятые, стихи тут же мягко побуждают вернуться к началу, сами собой подталкивают к повторному прочтению. «Казанцев объемён и широк в каждом... коротком стихотворении», — написал поэт Владимир Андреев в 2016 году в статье «И невозможное — возможно», напечатанной в «Нашем современнике»⁷. Понимание этих стихотворений происходит постепенно, и часто чуть с запозданием они влекут за собой неожиданно сильный отклик чувства.

В книге зашифровано главное из жизненного и творческого пути поэта, приведшее его к «Взлету». Каждый большой писатель, даже когда сосредоточивает внимание на болевых или характерных точках эпохи, неизбежно выходит на уровень более высокого обобщения и пишет о том, что присуще всем временам. Казанцев же в этой книге пишет почти исключительно о вечном. Сквозь «вечное время» проходят одни и те же типы людей, сквозь вечное время идет добро и зло, сквозь вечное время глядит на нас природа, а поэт остается верен себе.

Во внутреннем плане — это неустанное движение вперед и вверх, по спирали: прохождение уроков, прояснение смыслов, укрепление чувств каждый раз на новом витке. Осмысленный круговорот жизни: «Отцветает одно, зацветает другое...» Отражена в книге и сама энергия этого движения, его траектория («Велосипедистка», «Фигурист», «Взлет» и др.), и самое первое, еще детское ощущение будущего полета — в стихотворении 1978 года:

**Я в кузов тайно забирался,
В комок сжимался на мешках,
Я на ходу за борт цеплялся,
Как плеть, мотался на руках.**

.....

⁷ «Наш современник», 2016, № 8.

И вот однажды в волнах гула,
В разноголосье страдных дел
Так на ухабе вдруг качнуло,
Что я над кузовом взлетел.

И окрыленно-цепкой силой,
Воздушной, легкой, ветровой,
Меня неслышно подхватило,
Листком взметнуло над землей.

И над лесами и лугами...
И над разливами полей...
И над морями и горами...
И все быстрее, быстрее, быстрее.

Быстрее самых быстрокрылых.
И легче самых легкокрылых.
И стынет кровь от ветра в жилах.
И все вперед, вперед, вперед.

Сквозь свет. Сквозь мрак. И вот — не в силах
Уже остановить полет.

Это развитие исходного, данного, полученного от жизни в самом начале — от родной земли, родных людей, учителей. Ученость не увела его от главных истоков, напротив, помогла понять и о многом рассказать. Он спорил с учителями, что естественно для лучших учеников и необходимо для продолжения пути, и даже отступал от правил, хотя, как всякий взыскательный художник,

Вдруг неожиданно представил
И отступление само
Как знак непозабываемых правил,
Как след далеких, верных правил,
Как свет старинных, строгих правил,
Как блеск древнейших, вечных правил.

Казанцев — классик, целенаправленно совершенствовавший себя в традиции. Как яркий знак и доказательство тому — стихотворение 1978 года, открывающее книгу «Взлет», из тех, что можно охарактеризовать как «классическое по выражению и совершенное по форме», используя слова В. Андреева.

Что прекрасно, а что безобразно,
Разберет, не жалеючи сил,
Только время... Но время — пристрастно.
Разве ты — не во времени жил?

Разве времени вечное бремя
Ты не слышал, по жизни идя?
... Сам ты — разве не вечное время,
Отгремевших времен судия?

Произведение построено на антитезе, одном из любимых приемов многих классиков, в том числе Тютчева. Известной и в целом справедливой мысли о том, что окончательную оценку всему вынесет время, поэт противопоставляет другую — «Но время пристрастно», аргументируя ее тремя риторическими вопросами. Время пристрастно, потому что оно — в том смысле, о котором здесь речь, — и есть человек, а ему никогда не быть до конца объективным. Так что не стоит сильно уповать на время, можно попытаться понять, что к чему, уже сейчас. Сам автор так и сделал, тщательно отобрав стихи для итоговой книги, и теперь приглашает читателя смелее входить в ее пространство — и думать, искать, и выносить оценку. В конце концов, следуя логике диалектического единства, время разберет и это.

Евгений ПРОКОПОВ

СТРАННЫЕ ВЕЩИ ЕВГЕНИЯ КИРЬЯНОВА

Мы, обитатели Новосибирска, полуторамиллионного мегаполиса на великой Оби, с какой-то обреченностью привыкли принимать упреки в некоей культурной провинциальности. Относится это и к сфере изобразительного искусства.

Да, можно согласиться с подобным самоуничижением, но лишь отчасти. Ведь у нас никто еще не прибывал свои гениталии на центральной площади, никто не закупал в музейные коллекции консервированные отходы жизнедеятельности «художников», никто не бегал на карачках и не гавкал по-собачьи.

Так что, действительно, ретрограды мы и консерваторы. В оправдание и в подтверждение «продвинутости» можно говорить о зодческих прорывных прозрениях Андрея Крячкова, просторным конструктивистским проектированием заложившего фундамент простора и шири — фирменного знака Новосибирска. Можно вспомнить блистательного Николая Грицюка. Узок круг этих творцов, имена их давно стали гордостью Новосибирска.

Впрочем, бытие нового молодого города определяло тягу к новым веяниям и влияниям. Никакое засилье традиционных приемов и методов не могло заглушить это подспудное нарастание интереса к нестандартным художественным течениям. Чуть больше четверти века прошло с тех пор, как в Новосибирске в полный голос заявили о себе представители авангардного направления в изобразительном искусстве. Еще через десятилетие новосибирцы познакомились с таким явлением, как, например, ассамбляж.

Ассамбляж — это, в сущности, расширенный тип коллажа, созданный художниками-авангардистами в 1960—1970-е годы, который предполагает комбинацию различных предметов на плоскости или в пространстве. Художники могут включать реальные объекты в живописные произведения, могут создавать композиции исключительно из предметов промышленного производства, так называемых «готовых форм».

Применяя мусороподобный исходный материал, старые, отслужившие свой срок вещи, художники конструируют произведения, имеющие странное, магнетическое воздействие на зрителей. Философскую природу успеха нового вида изобразительного искусства надо искать в стремлении уйти от растущей виртуализации современной жизни и обретении хотя бы временного убежища в осязаемой вещной реальности.

Привыкшие к прежним, чаще реалистическим течениям в изобразительном искусстве, зрители сразу стали замечать, что адепты ассамбляжа в некоторых своих произведениях поднимаются до художественного обобщения и их кратчайшие конструкции имеют подчас щемящую психологическую глубину.

Художники данного направления заняли свое место, обрели свою нишу в пространстве сибирского изобразительного искусства. Они участвуют в региональных и международных выставках, организуют групповые и персональные вернисажи. У них есть свой зритель. Сформировался круг почитателей и знатоков. Выставки берегут воображение и будят мысль, трогают душу нестандартным набором приемов воздействия. Названия вернисажей заставляют задуматься: «Неоправданная предметность», «Сны эмбриона», «Авангард как ностальгия», «POP-ART-КТИКА», «Признак предмета». Призраки ускользающей таинственности и многозначности выводят зрителя из привычного полусонного состояния обыденной реальности.

Искусствоведы и люди, знакомые с историей искусств, тепло воспринимают такую технику, позволяющую в своеобразном ракурсе отразить многообразие новых сущностей.

В основе техники ассамбляжа — рельеф. Рельеф как вид изобразительного искусства официально относится к скульптуре, в которой все изображаемое создается с помощью объемов, выступающих из плоскости фона. Когда присутствует цвет — получается нечто среднее между скульптурой и живописью.

Направление и техника — условные вещи. Если видна эстетика, если работа цельная, выполнена в гармонии с композицией и цветом, если в ней видна искренность, вложена душа и труд, — условности могут отпадать.

Нельзя сказать, что круг приверженцев ассамбляжа в новосибирском художественном сообществе очень широк. Это, кстати, доказывает ложность соблазна легкости создания композиций из нехудожественных объектов. Попробуем обозначить главные фигуры и основные тенденции, существующие в пространстве новосибирского ассамбляжа.

Владимир Авдеев, Евгений Кирьянов, Ольга Милова, Игорь Ельченко — лидеры тесной группы единомышленников, фанатиков этой техники. Все как один, они искренне влюблены в ассамбляж. Часто прибегают к этой технике Олег Семенов и Денис Быструхин.

Но то, что у многих художников является периодически применяемыми приемами, эпизодами творческих поисков, — стало для одного из них образом жизни, образом мысли, способом развернутой и всеобъемлющей самореализации.

Возможно, ассамбляж для большинства зрителей — это не более чем непонятное иностранное слово, не несущее никакой эмоциональной и психологической нагрузки. Для художника Евгения Кирьянова дело обстоит совершенно иначе. Ассамбляж, коллаж, инсталляция давно стали, пожалуй, самой важной частью его жизни. Все — от самой первой юношеской работы до интерьера его мастерской — несет в себе неперенные элементы этих художественных приемов и техник.

Автор представляет в качестве произведений композиции из объектов, созданных не с художественной целью. Переноса данные объекты в художественное пространство, Кирьянов открывает совершенно иные их свойства, способные удивительным способом действовать на зрителя.

Различные предметы и их фрагменты витиевато переплетаются на плоскости его работ, дополняя друг друга. Такие работы, как «Аквалангист», «Испытания», «Композиция с ржавой деталью», могут озадачить зрителя неожиданными сочетаниями и ассоциациями.

Создание формы из искусственных объектов позволяет развиваться многогранному мышлению художника, дает возможность для нестандартных действий, возможность прибегать к своеобразным художественным эмоциональ-

но-насыщенным решениям, придающим определенную остроту композиции в целом, тем самым усиливая выразительные возможности.

С творческим путем этого художника стоит познакомиться более внимательно. Уже много лет Евгений Кирьянов интригует зрителей и поклонников своими необычными произведениями, созданными на стыке изобразительного, декоративно-прикладного искусств и технического творчества.

Если на групповых, коллективных вернисажах две-три его авторские работы вызывают интерес «этнографический», легкую улыбку узнавания знакомой обжитой реальности, то на персональных выставках лидер новосибирских творцов ассамбляжа дает нам возможность сполна убедиться в художественной состоятельности и самодостаточной ценности этого направления изобразительного искусства. Однако и на групповых выставках работы Кирьянова существуют словно бы в самостоятельном, автономном пространстве, выгодно отличаясь оригинальностью взгляда и нешаблонностью исполнения и от избитых сюжетов «традиционалистов», и от псевдоноваторства отдельных модернистов. Творчество Кирьянова может нравиться, может не нравиться, но, как неизменно подчеркивают специалисты, важно и необходимо сегодня.

Словно Колумб, возвратившийся из Вест-Индии, страны чудес и сказочных богатств, Евгений Кирьянов будоражит ум и воображение зрителей своими творениями, созданными из непривычного материала. Чтобы составить некоторое представление о художнике, надо вспомнить основные моменты трансформации его творческих изысканий. Возможно, Евгения Кирьянова привело в эту область творчества желание наполнить витиеватую форму рельефных ассамбляжей определенным смыслом, размышлениями о человеческих судьбах и их роли в истории современной цивилизации.

Предмет в композициях Кирьянова несет на себе печать человеческой судьбы и используется в разных своих проявлениях, выстраивая ритм отношений на плоскости основы. В частности, очень показательна в этом отношении работа «Композиция с тростью».

Переосмысливая опыт предыдущих поколений художников, Евгений Кирьянов действует очень избирательно. Так, если ирония прослеживается во многих работах автора, то абсурда, зачастую предлагавшегося поп-артом, в его работах нет: они логичны и глубокомысленны. По существу, это переосмысленный поп-арт, наполненный философскими размышлениями, имеющими корни в традиционном российском искусстве.

Это не дежурный комплимент. Философский подтекст его картин требует анализа и более пристального изучения. Специалистами по социопсихологии сформулирован главный принцип современного мира: разовое удовлетворение разовых потребностей. До девяноста процентов потребляемых товаров превращаются в отходы и мусор в первые два месяца после покупки. Лозунг «ничто не вечно под луной» получил совершенно издевательское звучание в сфере обыденной жизни «человека потребляющего». Планета задыхается от мусора, отходов бездумного потребления. Отчуждение человека в индустриальном и постиндустриальном обществе стало проклятием.

С другой стороны, как заметил легендарный директор Пушкинского заповедника Семен Гейченко: «Когда люди уходят, после них остаются вещи. Вещи безмолвно свидетельствуют о самой древней истине — о том, что они долговечнее людей».

Дилемма-дихотомия «вечность вещного мира — сиюминутность проходящих потребностей» может стать предметом философских рассуждений. Такие

философствования кажутся излишними, но наше время характеризуется все возрастающей иллюзорностью духовного мира современного человека. Люди часами сидят в интернете, общаются, знакомятся, заводят романы, играют, совершают покупки, торгуют. Виртуализации подвергаются самые интимные сферы бытия.

Попытка восстановить в правах предметность, осязаемость, конкретность — вот в чем состоит творческое кредо Евгения Кирьянова.

— Нет некрасивых предметов, есть вещь, которую следует предъявить зрителю в нужном ракурсе. Предметы, выстроенные в композиционную конструкцию, несут дополнительную смысловую и эстетическую нагрузку, тем самым придавая этому новому предметному ряду большее величие, — считает Кирьянов, исповедующий ценность реального мира.

Силуэты творчества Евгения Кирьянова стали оформляться еще в детстве, это время пришлось на 70-е годы прошлого столетия. Появившись на свет в семье художников, он каждый раз, открывая утром глаза, смотрел на картины Николая Грицюка, подаренные родителям самим автором и выполненные в лучших традициях художественного сюрреализма. Огромное количество зарубежных журналов по искусству, приобретаемых родителями, позволило ему составить представление о развитии искусства в Европе и увидеть некоторые его отличия от искусства отечественного.

Больше остального интриговали декоративные рельефы и работы, выполненные в технике коллажа. Первые пробы пера появились после знакомства с творчеством Курта Швиттерса*, перевернувшего мышление юноши с ног на голову. Этот факт отнесем к попыткам разобраться в источниках увлечения Евгения Кирьянова столь необычными техниками. Можно предлагать ему в качестве оных первоисточников многих гигантов российского и западного авангарда XX века, но Кирьянов с трепетом вспоминает именно его, родоначальника мультимедийного искусства, жанк-скульптуры (скульптуры из хлама), поп-арта, ассамбляжа, энвайронмента.

Этот художник трагической судьбы был первооткрывателем и первопроходцем всех этих направлений в изобразительном искусстве. Его непосредственными преемниками были Роберт Раушенберг, Джаспер Джонс, Миммо Ротелла, Асгер Йорн. Швиттерс сочетал «неблагородные» находки, исходя из их формы, фактуры и цвета, то есть компоновал свои произведения по принципам настоящего «высокого» искусства. Он собирал мусор, соединяя его в определенные композиции на одной плоскости, чтобы вызвать у зрителя психологический эффект бессмыслицы жизни и тоски. Такие картины получили название «мерц-бильдер». Слово *merz* по-немецки означает всякий ненужный хлам.

Евгений Кирьянов, более двадцати лет являвшийся руководителем творческой студии, проповедовал коллаж (созвучно Швиттерсу) как самостоятельное течение в изобразительном искусстве.

Сила художественного воображения и определенные цветовые решения позволяли превратить кучу хлама в интересные художественные произведения. Композиция, как правило, не носила случайного характера, в ней присутствовала определенная мысль, авторский замысел. Иногда это были образные параллели-сравнения с производственными объектами, индустриальными мотивами города. В них присутствовали философские размышления о смысле жизни, попытки

* *Швиттерс Курт* (1887—1948) — немецкий художник, коллажист и писатель, один из ярчайших представителей дадаизма, который создавал свои работы из мусора, собранного на улицах.

сравнить современность с недавно ушедшим XX столетием, понять приоритеты современного мира, морально-нравственный код общества.

С некоторых пор важное место в творчестве автора стала занимать тема ГУЛАГа. Такие работы, как «Ссылка», «Ночной дозор», «Я уйду на Север» полны трагической многозначности. Художнику близка тема борца за социальную справедливость, раздавленного жерновами государственной машины, но сумевшего выжить. Многие из этих работ («Прерванный отпуск» и др.) являются собой пример новеллистической завершенности и драматичного строя сюжета. Другие произведения отличаются невероятным сочетанием трагизма, непреодолимой душевной драмы с поэтичностью и эстетической привлекательностью.

На основе многолетних размышлений художником создается своя модель действительности. Здесь действует целая система ассоциаций в художественном мышлении, которая постепенно усложняется.

Посещение Центра Жоржа Помпиду и парижского Музея современного искусства, впечатления от своеобразного среза городской среды Парижа подтолкнули художника к новым изысканиям и оригинальным решениям. Неутомимый собиратель технического и строительного мусора, отслужившей аппаратуры, бижутерии и игрушек, часовых механизмов, испорченных замков, корней и коряг, Евгений Кирьянов стал частым посетителем городских свалок, блошиных рынков, подвальных кабинок и прочих такого рода мест. Подготовительный этап для создания композиции порой отнимает много времени и физических сил; часто приходится обивать пороги административных учреждений, дабы попасть на территорию завода или базы, свалки или места скопления металлолома.

Огромное влияние оказали на автора приглашение и вывоз в 2011 году его персональной выставки «POP-ART-КТИКА» в Санкт-Петербург, где в стенах арт-центра «Пушкинская, 10» он был тепло принят специалистами и публикой. Работы Кирьянова были отобраны для постоянной экспозиции музея неконформистского искусства. Это было, несомненно, этапное событие в жизни художника. Общение с единомышленниками, работающими в данном направлении: Игорем Ивановым, Сергеем Ковальским, Виктором Грязновым, заведующей отделом скульптуры Русского музея Аленой Василевской — позволило сделать выводы о развитии этого жанра в культурной столице, придало творческих сил и подтолкнуло к определенным шагам, позволяющим пропагандировать принципы ассамбляжа в родном Новосибирске.

Самые оригинальные работы Кирьянова — серия ассамбляжей со старыми микросхемами, расписанными маслом или темперой. Десяток «Цветных композиций» привлекают внимание зрителей именно кропотливостью реализации авторских задумок. В них он как будто уменьшает мир до микроскопических размеров муравейника. Разрисованное в темных тонах скопище микросхем — поселок, словно увиденный с высоты птичьего полета. А разграниченные перегородками и реле квадратики — комнатухи хрущевки в разрезе. Что-то там микроскопическое шевелится, теснится, толпится, живя своей муравьиной жизнью. «Уставший психолог» — это переплетение корявых корней, словно роящихся безумных мыслей, своих и чужих, и откуда-то из его недр выглядывающее лицо самого лекаря людских душ.

Из вышеперечисленных событий, множества выставок, в которых принимал деятельное участие автор, становится ясной непреложная истина: новаторство в изобразительном искусстве является оправданной реальностью, когда мысли и сердце художника обогащены плодотворной константой неуклонного творческого развития, духовного роста.

АВТОРЫ НОМЕРА

Анов Николай Иванович (1891—1980) — прозаик, драматург. Родился в Петербурге, в рабочей семье. Участник Первой мировой войны. После Гражданской войны жил в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Алма-Ате, Новосибирске. В 1927—1928 гг. работал в журнале «Сибирские огни», в 1930-е годы — в столичных журналах «Наши достижения» и «Красная новь». После Великой Отечественной войны жил в Алма-Ате. Автор книг «Пропавший брат» (1941), «Ак-Мечеть» (1948), «Юность моя» (1964) и др., а также множества очерков, рассказов и пьес. Член Союза писателей СССР.

Бурдакова Татьяна родилась в 1972 г. в Москве. Окончила Литературный институт и аспирантуру при нем. Автор критических, литературоведческих и научно-популярных статей, стихов, эссе. Произведения печатались в журналах «Знамя», «Москва» и др. Живет в Москве.

Владимиров Сергей Андреевич родился в 1977 г. в Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный педагогический университет. Журналист. Автор сборника рассказов «Дорога на Старобалык» (2022). Живет в Новосибирске.

Горепёкин Роман Александрович родился в 1972 г. в Новочеркасске Ростовской области. Окончил Новочеркасский политехнический институт. Работает заместителем директора ООО «КБ “Тренажерные комплексы”». В свободное от работы время — музыкант. Лауреат премии «Сибирских огней» в номинации «Проза» (2020). Живет в Новочеркасске.

Гундарин Михаил Вячеславович родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики МГУ. С 1991 г. преподает в вузе, кандидат философских наук, доцент. Автор нескольких книг стихов и прозы, критических статей. Член Союза российских писателей. Живет в Москве и Барнауле.

Дмитриева Наталия родилась в Новосибирске. Журналист, работала в «Вечернем Новосибирске», в «Бийском рабочем», сейчас — обозреватель в «Ведомостях Законодательного собрания НСО». Автор двух публицистических книг. Живет в Новосибирске.

Казанцев Владимир Иванович родился в Забайкальском крае в 1955 г. Историк, краевед. Окончил Читинский пединститут, работал учителем истории. Печатался как в научно-методических («Преподавание истории в

школе»), так и в художественных («Дальний Восток», «Слово Забайкалья») журналах. Автор сборника повестей и рассказов «Потомок шаманки» (2014). Живет в Чите.

Короткова Наталья Сергеевна родилась в 1974 г. в городе Бердске Новосибирской области. Окончила факультет психологии Новосибирского гуманитарного института. Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «Дон» и др. Лауреат ежегодной литературной премии журнала «Сибирские огни» 2018 года. Член Союза писателей России. Живет в Бердске.

Малофеева Екатерина Сергеевна родилась в 1986 г. в Чите. Работает переводчиком. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Байкал», «Наш современник», «Сибирские огни» и др. Лауреат Национальной премии для молодых авторов, пишущих на русском языке. Член Союза писателей России. Живет в Чите и Улан-Удэ.

Полянина Ольга Анатольевна родилась в 1982 г. в Уфе. Окончила исторический факультет Башкирского государственного университета. Кандидат исторических наук, преподаватель. Публиковалась в журналах «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Урал» и др. Автор сборника стихов «Пешеход». Лауреат журнала «Бельские просторы» в номинации «Поэзия». Живет в Уфе.

Попов Евгений Анатольевич родился в 1946 г. в Красноярске. Прозаик, эссеист, драматург. Автор книг «Веселие Руси», «Самолет на Кельн», «Накануне накануне» и многих других. Лауреат премий «Триумф», «Большая книга» и др. Заслуженный работник культуры РФ. Президент Русского ПЕН-центра. Живет в Москве.

Прокопов Евгений Васильевич родился в 1953 г. в Новосибирске. Окончил Новосибирский институт народного хозяйства. Автор семи книг (проза, очерки, пьесы). Публиковался в журнале «Сибирские огни». Член Союза писателей России, Творческого союза художников России. Живет в Новосибирске.

Светлосанов Владимир Сергеевич родился в 1957 г. в Новосибирске. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института. Работал преподавателем русского языка и литературы. Автор нескольких поэтических книг и ряда публикаций. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: sibirskieogni.pf

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.pf>

Сдано в набор 18.08.2022. Дата выхода № 9 за 2022 г. в свет 18.09.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.